

А 86

А. Артамонов

**ТАМ, ГДЕ ЦВЕТЕТ
СИТХМОЙ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЗНАМЕНИ

А. Артамонов

**ТАМ, ГДЕ ЦВЕТЕТ
СИТХМОЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

ББКл8
А86

Редакционная коллегия

*К. В. Малаховский (председатель), Л. Б. Алаев,
А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский,
Р. Г. Ланда, Н. А. Симония*

Ответственный редактор

С. А. Симакин

А $\frac{1905020000-053}{013(02)-86}$ 63-86

ББКл8

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Утро 4 января 1948 года было непривычно холодным. Городские часы показывали только начало четвертого утра, а Рангун словно и не засыпал в ожидании важного события. У здания губернаторского дворца толпился народ. Каждый пытался взглянуть на зеленую, освещенную лампочками лужайку, на которой появились представители британских властей, компаний, члены только что сформированного правительства Бирмы, лидеры политических партий, иностранные дипломаты.

Из резиденции английского верховного наместника вышли губернатор сэр Хьюберт Ранс и президент нового независимого государства — республики Бирманский Союз Со Шве Тай и заняли места на небольшом возвышении лицом к двум белым флагштокам. В 4 часа 20 минут воздух вздрогнул от раскатов орудийных залпов салюта. С реки Рангун слышались протяжные корабельные сирены, загудели поезда, автомашины. Предрассветную сероватую мглу украсили букеты фейерверка. Под прощальные мелодии британских ВМС с мачты как бы нехотя начал спускаться «Юнион Джек», и тут же на мачте затрепетало красное полотнище с большой белой звездой в созвездии пяти малых звезд на синем квадратике в верхнем левом углу — первый флаг независимой Бирмы. Бывший губернатор Ранс заспешил в порт на корабль, отплывавший к Британским островам. Двадцать один прощальный залп означал конец английского господства в одной из наиболее разграбленных колоний.

Так уходили из страны колонизаторы, 122 года хозяйничавшие в Нижней и 62 года в Верхней Бирме. «Мы получили независимость!» — разносилась по городу радостная весть. «Независимость, независимость!» — кричали наперебой сновавшие в толпе мальчишки. Теперь уже, казалось, весь город высыпал на улицы. Незнакомые люди поздравляли друг друга. Повсюду на домах развевались флаги, с открытых эстрад звуча-

ла музыка и песни, несмотря на раннее утро, открылись магазины и лавки. На озере Ройал-лейк, в центре города, начался праздник на воде. По старой бирманской традиции, его открыла красочно украшенная лодка с официальными лицами на борту.

Утвержденный английским парламентом и королем акт гласил, что Бирма стала «независимой страной, не составляющей часть владений Его величества». Это был отнюдь не акт доброй воли британской короны, а признание несостоятельности колонизаторов в управлении страной, которая пришла к независимости дорогой многолетней борьбы. Бирма первой из английских колоний вырвала свободу, за которую отдали жизни лучшие сыны бирманского народа. Среди них национальный герой генерал Аун Сан — организатор вооруженного национально-освободительного движения против захватчиков, основатель независимого государства. Шести месяцев не дожидаясь он до дня официального провозглашения независимости. Утром 19 июля 1947 года во время заседания исполнительного совета, члены которого уже считались министрами временного правительства Бирмы, в кабинете раздались автоматные очереди. Проникший туда убийца в упор застрелил почти всех присутствующих. Тринадцать пуль попало в Аун Сана, с десятков — в его старшего брата У Ба Вина. Их было трое братьев, и каждый жил мечтой о свободной родине.

Мне удалось встретиться в Рангуне со вторым братом Аун Сана — У Аун Таном. Он бакалавр искусств и права, адвокат. С трудом нахожу внешнее сходство с Аун Саном, и все-таки оно существует — в разрезе глаз, овале лица, очертании губ.

— Завоевать свободу, — сказал У Аун Тан, — нам было нелегко. — Представленная Великобританией независимость оговаривалась жесткими условиями англо-бирманского договора, по которому наша страна несла ряд экономических и военных обязательств. На пути к свободе было много противоречивого. Порой страна доверчиво и наивно полагалась на «бескорыстную помощь» Запада, а это приводило к усилению экономической зависимости, к одностороннему развитию национальной экономики и сохранению отсталости.

Годы правления буржуазно-помещичьего режима У Ну в Бирме нередко называют бумом частного иностранного предпринимательства. Его правительство дей-

ствительно открыло зеленую улицу иностранным монополиям, начало заигрывать с феодалами-сепаратистами, поставив под удар единство страны. В марте 1962 года к власти пришли революционно-патриотические силы бирманской национально-освободительной армии во главе с соратником Аун Сана генералом Не Вином. Сформированный для управления страной Революционный совет торжественно провозгласил декларацию «Бирманский путь к социализму». Впереди была трудная борьба за обновление страны без достаточных финансовых средств, промышленной базы и технических кадров.

Первый съезд правящей партии — Партии бирманской социалистической программы (ПБСП), основанной в 1962 году, вновь подтвердил решение правительства идти по намеченному пути и поставил задачу построения в Бирме «социалистического демократического государства». А три года спустя принятая конституция провозгласила страну Социалистической Республикой Бирманский Союз (СРБС), что послужило новым импульсом для развития демократических форм правления. В январе — феврале 1974 года по всей стране прошли всеобщие выборы в Народное собрание — высший законодательный орган и в местные органы власти — народные советы. В марте этого же года Революционный совет передал свои полномочия Народному собранию, которое избрало Государственный совет и утвердило Совет министров. Революционный совет выполнил свои функции на переходном этапе. Он предпринял шаги по ограничению иностранного капитала в стране и по обеспечению классовых интересов трудящихся, провел национализацию.

Второй съезд ПБСП, состоявшийся в октябре 1973 года, принял директивы по 20-летнему перспективному плану народнохозяйственного развития, предусматривающему создание экономического фундамента нового общества, и объявил целью государства социалистический путь развития. Долгосрочный план намечает поднять жизненный уровень населения вдвое и страну из аграрной преобразовать в аграрно-индустриальную. Несмотря на то что бирманские планы порой грешат понятным стремлением опередить время, что частный сектор занимает еще значительное место в экономике, что слаба еще техническая база в сельском хозяйстве, в стране заметны результаты прогрессивных преобразова-

ний. Многие трудовые свершения проходят под лозунгами, которые так хорошо знакомы советским людям: «Кадры решают все!», «Искореним неграмотность!», «Стране — ударный труд!».

ПБСП, насчитывающая теперь более полутора миллионов членов, приближается к тому, чтобы стать массовой организацией, руководящей силой в стране. Рассматривая рабочих и крестьян как два основных, опорных класса, она сформировала на демократической основе Рабочую организацию Бирмы (Алоутама асиайон) и Крестьянскую организацию (Таундуледома асиайон) в 1977 году. В мае 1980 года Государственный совет Бирмы издал указ об учреждении звания «Гордость страны», которое стали присуждать активным участникам борьбы за независимость, несколько позже им была назначена особая пенсия.

— Я вспоминаю одно из последних публичных выступлений моего брата тринадцатого июля сорок седьмого, за шесть дней до покушения на него, — продолжал рассказывать У Аун Тан. — Оно было поистине пророческим. Аун Сан словно предчувствовал свою гибель и спешил оставить народу завещание. Возбужденный, переполненный зал Рангунского муниципалитета мгновенно затих, как только он появился на трибуне. Вообще-то выступать он не любил, но, если нужно было, говорить умел доходчиво и зажигал сердца патриотическим порывом. Тогда со всей прямоотой и обстоятельностью генерал обрисовал реальную обстановку, назвав происходящее «горькой правдой». Он подчеркнул, что пройдет по крайней мере двадцать лет напряженного, тяжелого труда со дня получения независимости, прежде чем Бирма добьется заметных успехов. Он призвал всех к беззаветному служению народу во имя претворения в жизнь его идеалов и чаяний, рожденных в борьбе с английским колониализмом, настойчиво трудиться, «быть сплоченными и дисциплинированными», с тем чтобы построить новую Бирму.

Каждый год, когда страна отмечает День независимости, заповеди Аун Сана появляются на страницах печати как призывы к действию. Долгим и сложным окажется путь Бирмы к намеченным целям, но Аун Сан верил в будущее своей страны.

Каждый год 4 января, как только забрезжит рассвет, рангунцы направляются в центр города, к величественному пятигранному обелиску Независимости, символи-

лирующему единство и братство бирманского и других народов Бирмы, сплотившихся в борьбе против иностранных поработителей.

СОЛДАТ АРМИИ МАХА БАНДУЛЫ

В районе провинциального городишка Данубью, куда не дотянулись еще туристические тропы, стоит старый памятник великому воину Бирмы, полководцу времен первой англо-бирманской войны (1824—1825) генералу Маха Бандуле. Застывшее в камне волевое лицо, взгляд, устремленный вдаль. Его воздвигли здесь, на поле героических сражений, в том месте, где Маха Бандула принял последний бой, пытаясь отбить контрнаступление англичан. С тех пор прошло более полутора-ста лет — многое изменилось, многое поросло травой забвения или осело на страницах истории, но имя легендарного полководца все еще живо в памяти бирманцев. В Рангуне о нем всякий раз напоминают названные его именем шумная, как водопад, улица и тихий столичный скверик, в центре которого стоит монумент Независимости.

Говорят, что в Бирме долго живут лишь легенды. Человеческая жизнь быстротечна. Долгожителей не так уж много, но некоторые вспоминают чуть ли не 150-летнего старика, который в юности воевал в армии Маха Бандулы. Много о нем рассказывают и былей и небылиц. В 1956 году штаб-квартира третьего стрелкового батальона бирманских войск находилась в деревне Камамаунг в Каренской национальной области, а личный состав нес службу на линии между деревней и городом Паун. Однажды среди солдат прошел слух, будто где-то в деревне, километрах в четырех от Камамаунга, живет ветеран армии Маха Бандулы, которого зовут У Таун Чжи. Постепенно удалось собрать о нем и отдельные подробности. Местные жители, например, утверждали, что старец в 120 лет рубил деревья в лесу и на плечах перетаскивал в деревню бревна. Обстоятельно рассказывали о том, как однажды повстречался старик на узкой дорожке в джунглях с тигром и дубинкой переломил ему хребет. Офицеры начали подсчитывать примерный возраст храброго солдата. Припомнили, что генерал Маха Бандула набирал в армию восемнадцати-

летних юнцов. Если У Таун Чжи прослужил у него хотя бы месяц, то и выходило, что в 50-х годах старику перевалило за 150: Маха Бандула погиб 1 апреля 1825 года.

После таких предварительных подсчетов решили расспросить самого У Таун Чжи. Послали за ним воловью упряжку. Однако ехать, говорят, он не захотел, а пошел пешком, оставив позади волов. Пришел в гарнизон и лукаво усмехнулся:

— Что толку в таком транспорте? Слишком медленно.

Пошли расспросы. Весьма уверенно У Таун Чжи сказал, что ему далеко за 140 лет, но точно не припомнит. Знает то, что в 17—18 лет поступил на военную службу к принцу Таравади, войска которого стояли в 1824 году под Рангуном в ожидании боя с англичанами. Он также вспомнил и о том, как в марте 1825 года в составе подкрепления был переброшен к Маха Бандуле, который организовал линию обороны под Данубью.

Солдаты плотно обступили У Таун Чжи. Каждому хотелось услышать живое слово о далекой истории, сказанное очевидцем, взглянуть его глазами на легендарного полководца, победоносно водившего в атаку войско, вооруженное мушкетами, луками, пиками да бамбуковыми палками, против оснащенной дальнобойными пушками британской армии. Не все мог знать простой солдат. Позже историки восстановили ход событий: как высаживались с судов около Данубью войска английского генерала Коттона и получили достойный отпор бирманцев, как искал он соединения с частями другого генерала — Кэмпбелла, чтобы объединенными силами двинуться в наступление.

В памяти У Таун Чжи запечатлелся сильный артиллерийский обстрел позиций бирманцев в районе Данубью, когда снаряды «белых индийцев», как называл старик англичан, непрерывно осыпали бревенчатую крепость с башней. Даже артиллерия англичан на первых порах оказалась бессильной перед деревянными укреплениями. Противник порохомыми взрывами проделывал проходы, вклинивался в бреши и вновь откатывался, натываясь на острые бирманские сабли и пики. Наступление солдат англичане непрерывно поддерживали огнем орудий. Снаряды взрывались один за другим. Один из них оказался роковым для Маха Бандулы.

— Если бы не погиб тогда наш генерал, не видать бы англичанам победы,— заключил У Таун Чжи.

Старик был прав. Гибель главнокомандующего лишила бирманских солдат мужества и вселила панику в их ряды. Никто больше не подчинялся приказам, и, казалось, не было той силы, которая могла удержать солдат в лагере. Под покровом ночи многотысячное войско оставило Данубью. Только утром 2 апреля 1825 года ринувшиеся на штурм англичане заметили, что там никого нет. Позже один из участников первой англо-бирманской войны, Дж. Снодграсс, напишет в своих мемуарах, что это так хорошо замаскированное тихое отступление могло послужить образцом тактики отступления в условиях осады для любой европейской армии. Он же отмечал и великолепные командирские качества Маха Бандулы, который до самой гибели подавал своим людям пример храбрости, требуя ее от каждого. Англичане убедились в том, что бирманские войска при столь талантливом полководце стали достойным противником цивилизованной британской армии.

— А что потом, отец? — спросил молоденький солдат.

У Таун Чжи поведал о том, как они отступали после поражения под Данубью и как пошел он служить в дворцовую стражу у предпоследнего бирманского короля Миндона и последнего Тибо. После поражений в третьей англо-бирманской войне (1885—1896) королевская знать решила капитулировать перед колонизаторами при условии предоставления Бирме хотя бы формальной независимости, о чем король Тибо написал 25 ноября 1885 года английскому генералу Прендергасту. Ответ последовал ультимативный: «Прекращения военных действий не будет, но, если сам король Тибо соглашается передать себя, свою армию и свою столицу в руки англичан и если не будет причинен ущерб европейским жителям Мандалая и их имуществу, генерал Прендергаст обещает сохранить жизнь королю и его семье». Ультиматум был принят. Утром 28 ноября английские войска вошли в Мандалай. Тибо поспешил отдать трон и бирманскую землю захватчикам. Однако он не мог распорядиться судьбой народа, поднявшегося на священную борьбу за независимость родины.

В числе семи бывших придворных солдат У Таун Чжи подался в Нижнюю Бирму. В пути припасли три ружья, два кспья и две сабли. Только подошли к гра-

Ийцам Тенассеримской области, как встретились с отрядом наемников-индийцев из тридцати человек. В стычке погибло четверо бирманцев. Трое оставшихся в живых ушли в горы.

Закончив свой долгий рассказ, У Таун Чжи устало вздохнул. Прищурился, словно что-то припоминая из своих приключений, но больше говорить не стал. Молодые солдаты с благоговением смотрели на ветерана, которого ни вражеская пуля не взяла, ни старость.

— Откуда у тебя взялось столько силы, отец? — любопытствовал один из офицеров, оценивающе поглядывая на высокого (183 сантиметра) старика с еще заметной мускулатурой и сильными руками.

— Каждый хочет знать тайну долголетия. Сейчас это модно, — смекнул У Таун Чжи.

Как выяснилось, он не знал этой тайны. Да ее, видно, и не было. В детстве он бросал со сверстниками копья в мишень, занимался борьбой, скакал на резвых бирманских лошадках. Война с чужеземными завоевателями увела его из родной деревни и водила боевыми дорогами по всей стране. В восемьдесят лет он вставал с первыми петухами и отправлялся пешком в город Папун и к вечеру возвращался, пройдя за день около 70 километров. Говорят, что последний раз он женился в девяносто лет и у них с женой родилась дочь, в то время как старшему сыну уже было под восемьдесят.

Этот легендарный человек, участник исторических сражений бирманского народа за национальную независимость, оказывается, знал наперед, что наступит день и прогонят они иноземцев со своей многострадальной земли и что заживет народ новой, свободной жизнью. А историю эту рассказали солдаты третьего стрелкового полка...

ДОРОГАМИ ДРУЖБЫ

«Поля, поля, поля... Что-то напоминающее Россию: бесконечная равнина, пестрые пятна жнецов, стаи коршунов в высоте и белые капустницы над лугами, соломенные крыши избушек и длинные ряды подсолнечников...»¹. «Мне все кажется, что я на Волге и эти дере-

¹ Жирмунский А. М. Вокруг Азии. Путевые очерки, эскизы, заметки. Япония, Бирма, Индия, Египет. М., 1914.— Цит. по: Всеволодов И., Никифоров А. Настоящая радуга. М., 1973, с. 4.

пушки — русские поселки...»². Так писали о Бирме в чиновниках русские путешественники, попавшие в разные времена в страну «златоверхих» пагод. Первые высказывания принадлежат молодому геологу Александру Жирмунскому, совершившему в 1911—1912 годах путешествие по странам Азии. Другие строчки-откровения оставил в своих записных книжках один из руководителей Русского географического общества, Иван Павлович Минаев, побывавший в Бирме в прошлом веке.

Признаки отдаленного внешнего сходства, казалось бы, столь непохожих стран — не плод ли обостренного чужбиной воображения, тайной тоски по оставленным на время родным местам? Записи убеждают в откровенности теплых чувств и живом интересе к древней стране, ее народу, истории, традициям и культуре, которыми прониклись путешественники из России, посещавшие Бирму в далекие годы. Их известно не так уж много. Путь туда был долог и труден, много препятствий чинилось путешественникам, особенно во времена английского господства. И несмотря на это, отправлялись в дальние странствия русские купцы, дипломаты, ученые — и не экзотики ради, а с живым интересом изучить страну и людей, оставить потомкам правдивый рассказ о них.

До нашего времени сохранились материалы, повествующие о приключениях в Бирме в конце XVIII века грузинского дворянина Данибегашвили, о встречах в следующем столетии русского путешественника Ненюкова с бирманским королем Миндоном, который стремился наладить дружественные отношения с Россией. Позже неутомимый исследователь П. И. Пашино станет свидетелем чрезвычайной заинтересованности бирманского правительства в установлении дипломатических связей с Россией. Именно благодаря его усилиям российское военное министерство согласилось взять на обучение в Россию молодых бирманских офицеров. Перед угрозой английской агрессии против Бирмы он пытался склонить царских чиновников к активным действиям по защите страны. В своих прошениях Пашино писал: «Не знаю, откуда и с каких пор у большинства народов Азии родилось поверье, что они будут освобождены Россией от

² Минаев И. П. Дневник путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885—1886. М., 1955.— Цит. по: Всеволодов И., Никифоров А., с. 4.

чужеземного владычества. Бирманский император Миндон — один из горячих сторонников такого взгляда и даже приказал перевести для себя историю Петра Великого, изучил ее в совершенстве и во что бы то ни стало желает походить на него...»³.

Далекая история зарождения русско-бирманских связей богата примерами искреннего расположения и дружелюбия между двумя народами. Где бы ни ступал по бирманской земле русский землепроходец, он оставался весьма чувствительным и внимательным к нуждам и заботам гостеприимного народа. Демократическая мысль создавала в прессе наиболее объективное представление о Бирме, была в набат, когда английская корона посягнула на независимость страны.

Многие тысячи километров разделяют две страны. В годы британского колониального господства в Бирме географическая отдаленность как бы удвоилась. С победой в России Великой Октябрьской социалистической революции окопавшиеся в Бирме британские колонизаторы сделали все, чтобы помешать сближению советского и бирманского народов. Но идеи Октября всегда оказывали огромное влияние на передовые умы в Бирме. Революция в России зажгла в них искру надежды на освобождение страны от чужеземных захватчиков, а поступающая в Бирму марксистская литература указывала путь к коренным социальным преобразованиям.

В январе 1947 года в Лондон прибыла для переговоров с англичанами о предоставлении независимости стране бирманская делегация во главе с пламенным патриотом Аун Саном. Важнейшей задачей своей миссии Аун Сан считал также организацию встречи с советским послом в Англии Г. В. Зарубиным, чтобы обсудить вопрос об установлении с СССР прямых дипломатических отношений. Историческая встреча состоялась 31 января, в ходе которой Аун Сан передал официальное заявление советскому правительству от имени бирманского народа, революционно-демократических партий и организаций. Советский Союз признал Бирму задолго до официального провозглашения ее независимости. Установление дипломатических отношений между

³ Пашино П. И. Сообщение о путешествии в Бирманскую империю.— Известия русского географического общества. СПб., 1877. Т. 13, № 1.— Цит. по: Всеволодов М., Никифоров А., с. 4.

Советским Союзом и Бирмой было закреплено соответствующими нотами 18 февраля 1948 года.

Советско-бирманская дружба особенно окрепла с приходом к власти в 1962 году революционно-патриотических сил бирманской национально-освободительной армии во главе с соратником Аун Сана генералом Не Вином. Проходили годы, и на бирманской земле поднимались крепкие ростки свободного от конъюнктурных соображений и случайных моментов торгово-экономического и технического сотрудничества между СССР и Бирмой.

При въезде на территорию Рангунского технологического института (РТИ), раскинувшегося на 16 гектарах, бросается в глаза большой монолитный куб на постаменте, который приподнимает эту многотонную массу, подчеркивая монументальность строгого архитектурного сооружения. Плоскости двух сторон памятника во всю высь и ширь заполняет надпись на русском и бирманском языках: «Рангунский технологический институт построен Бирманским Союзом при экономическом и техническом содействии Советского Союза. 1957—1961 гг.». Монумент в честь советско-бирманского сотрудничества был открыт несколько позже завершения строительства института, 6 ноября 1967 года, накануне 50-летия Советского государства, символизируя прочность и стабильность сложившихся дружественных отношений между странами.

Рангунский технологический институт стал не только единственной в Бирме кузницей инженерно-технических кадров, но и одним из крупнейших современных вузов в Юго-Восточной Азии.

Мы находимся в приемной ректора института профессора У Кин Аун Джи. Гостеприимный собеседник, пересыпая бирманскую речь фразами на русском языке, заводит разговор о студентах:

— Во всей Бирме в начальных классах обучается четыре миллиона школьников, из которых в неполную среднюю школу поступают в силу разных причин семьсот тысяч. В средней школе остаются полмиллиона учащихся, а заканчивают десятилетку только шестьдесят тысяч, из которых тридцать тысяч поступают в различные государственные колледжи страны и через два-три года получают специальность. Вот из таких колледжей технической ориентации наш институт набирает студентов. Вступительных экзаменов в институт практически

не существует, но отбор ведется тщательный, в том числе и по призванию. Самым лучшим специалистом будет тот, кто мечтает о своей профессии уже со школьной скамьи.

На инженерно-строительном, механическом, электротехническом, химическом, текстильном, горном, металлургическом и архитектурном факультетах обучается около 3600 студентов. Горный факультет имеет геологическое и нефтеразведочное отделения. Таким образом, институт выпускает специалистов по многим профилям. Со времени его основания дипломы высококвалифицированных инженеров получило более 5,5 тысячи выпускников. Многие из них трудятся на новостройках Бирмы, на промышленных объектах. Некоторые остались работать в институте, при котором образовались шесть производственных хозрасчетных ремонтных кооперативов: текстильный, гражданского строительства, электронный, механический, химический, металлургический. В мастерских ведутся работы по заказам как института, так и отдельных граждан. Создание кооперативов связано, в частности, с тем, что в сегодняшней Бирме пока еще не все специалисты с высшим техническим образованием могут найти себе применение в государственном промышленном секторе. Резерв кадров создается и на перспективу, когда Бирма расширит свою индустриальную базу. И это время не за горами. Страна интенсивно наращивает темпы экономического развития.

Выпускники института занимают ключевые позиции в различных отраслях народного хозяйства, жизнеспособность которых еще совсем недавно зависела от иностранцев.

В институте восемь основных корпусов, соединенных между собой открытыми коридорами под бетонной крышей, защищающей от жгучего солнца и тропических ливней.

Возведенные при содействии Советского Союза здания РТИ были оснащены необходимым советским оборудованием. Как со своими старыми знакомыми, встречаешься здесь с советскими станками, на которых обучаются бирманские студенты. Фирменные маркировки на фрезерных, токарных и других станках предоставляют завод «Красный пролетарий имени А. И. Ефремова» в Москве, станкозавод имени С. М. Кирова в Гомеле, Новочеркасский станкостроительный завод, ЗИЛ. До 1976 года в институте работало около ста

опытных советских специалистов и преподавателей, которые налаживали учебный процесс, готовили учебные пособия, читали лекции и двигали вперед научную мысль. Многие педагогов советской высшей школы с благодарностью вспоминают в РТИ и сейчас.

Детище советско-бирманского сотрудничества расширило недавно свою техническую базу. По контракту между ЮНИДО и объединением «Техноэкспорт» работающие в Рангуне советские специалисты вместе с бирманскими завершили в 1982 году строительство литейной, механической и электромеханической мастерских при РТИ в плане расширения учебно-производственных возможностей вуза. Проект был составной частью национальной программы, направленной на совершенствование системы образования и развития промышленности путем повышения уровня практической подготовки инженерно-технических кадров. Советские специалисты помогли бирманским студентам не только осваивать технику, но и производить уже в процессе учебы нужную государству продукцию.

Звенит институтский звонок, такой же пронзительный и долгий, как и во всех вузах мира. Конец перемены. Расходятся по аудиториям студенты.

— Еще не успели войти в ритм студенческой жизни, — говорит У Кин Аун Джи. — Академический год начался с пятого декабря. Для некоторых — впервые. Вчерашние школьники скоро пойдут в мастерские, встанут к машинам с отметкой «Сделано в СССР», — торжественно завершил профессор наше знакомство с главным техническим вузом страны.

Национальные технические кадры Бирмы формировались и за счет выпускников советских вузов. Сегодня около 200 специалистов-бирманцев, получивших высшее образование в СССР, трудятся в различных уголках Бирмы. Их можно встретить на многих передовых предприятиях страны. С одним из них знакомство произошло на ткацкой фабрике, расположенной недалеко от бывшей королевской столицы — Мандалая. Теперь уже опытный инженер У Хла Сейн закончил в свое время Минский политехнический институт. Построенный с помощью ФРГ текстильный комбинат несколько лет не справлялся с плановыми заданиями, работая не на полную мощность. Последнее время план регулярно перевыполняется, в чем немалая заслуга таких специалистов, как У Хла Сейн, постепенно

заменявших в производстве иностранные инженерные кадры, которые дорого обходятся республике.

— Трудно было осваивать иностранную технику?

— С такой подготовкой, какую я получил в Советском Союзе, можно работать на любом объекте,— уверенно на хорошем русском языке сказал У Хла Сейн.

И разговор перенес нас в Москву, где бирманец год специально занимался русским языком, затем в студенческое общежитие в Минске...

— Правящая партия ПБСП уделяет большое внимание воспитанию национальных кадров. Теперь и у меня уже есть в комбинате свои ученики,— кивнул У Хла Сейн на двух смуглых юношей, наблюдавших за беседой на почтительном расстоянии.

Случай свел меня еще с одним выпускником советского вуза при посещении нефтеочистительного завода в Сириаме, что находится немногим более чем в 6 километрах от бирманской столицы на реке Рангун. Медная вывеска о принадлежности в прошлом завода английскому нефтепромышленнику сэру Джону Траиллу Каргиллу напоминает о том, кто грабил национальные богатства Бирмы. Хозяева сменились с национализацией завода в 1963 году. Одним из них стал и инженер У Кин Маунг Шве, который учился в 1964—1969 годах в Бакинском институте нефти и химии имени Азизбекова. Он подошел ко мне и спросил об успехах бакинских нефтяников, словно речь шла о чем-то личном, близком ему. Говорили по-русски. У Кин Маунг Шве рассказал мне о своей учебе, о том, как познавал науку превращения нефти в массу нужных людям вещей и как приобретенные знания помогли ему быстро войти в рабочий ритм предприятия одной из самых перспективных отраслей народного хозяйства его страны.

В августе 1962 года между Бирмой и СССР было заключено соглашение об экономическом сотрудничестве, согласно которому Советский Союз оказал финансовую и техническую помощь в строительстве ирригационного комплекса в Чемолтау, позволившего оживить более 10 тысяч гектаров бесплодной земли, в реконструкции и расширении оловянно-вольфрамового рудника в Мочи, в постройке гипсового карьера в Схипо, известкового карьера в Пьинмане. Все это, несомненно, ускорило экономическое развитие дружественной Бирмы.

Одним из архитектурных украшений бирманской столицы стала построенная при содействии Советского Союза лучшая гостиница в стране «Инья лейк» с просторными холлами и уютными номерами. Гостиница с честью выдерживает растущий из года в год наплыв иностранных туристов. На рекламном стенде в холле гостиницы милостивая стюардесса Аэропорта приглашает в полет. Авиалиния Рангун — Москва — кратчайшая трасса из Бирмы в Европу, на которой более чем за двадцать лет хорошо зарекомендовали себя советские лайнеры.

«Словно знобящей волной окатил нас десятиградусный мороз, когда мы спускались вечером 3 февраля по трапу четырехмоторного Ил-18 в московском международном аэропорту. Приветливые лица встречавших — сотрудников бирманского посольства, представителей советского правительства и советского Аэрофлота, открывшего регулярные рейсы в Москву, заставили нас забыть про холод. Хотя все внутри тряслось от мороза, мы пытались казаться бравыми, чужимая руки хозяевам». Так начинался репортаж главного редактора газеты «Гардиан» У Сейн Вина о пребывании зимой 1962 года в Советском Союзе бирманской делегации, приглашенной Аэрофлотом в полет по новой трассе. Опубликованная в газете серия очерков «Три дня в Москве» продолжила рассказ о теплых встречах в Москве, начало которым было положено этим, тогда еще необычным воздушным рейсом.

Соглашение об открытии воздушного сообщения между Москвой и Рангуном было подписано представителями двух стран 20 ноября 1961 года, а 31 января 1962 года советский лайнер впервые взял курс на далекий тропический Рангун. Со временем на смену Ил-18 на авиалинию пришли мощные и комфортабельные Ту-154, а через Рангун пролег один из самых дальних рейсов Аэрофлота. Увеличился поток пассажиров, возросли нагрузки и на бирманскую авиакомпанию, являющуюся генеральным агентом Аэрофлота в Бирме по обеспечению технического обслуживания авиатранспорта при посадке и отправке. Многие тысячи километров между Советским Союзом и Бирмой теперь можно преодолеть за несколько часов полета. Дорогой дружбы прибывали правительственные и общественные делегации, деятели культуры, спортсмены, студенты, преподаватели, журналисты.

Словно цепляясь гигантскими пальцами за северный край Бирмы, Тибетское нагорье уходит в бескрайние, сползающие к югу Качинские горы, низкие и высокие, покатые и островерхие, зеленые и лишенные всякой растительности. Цепи гор поднимаются над уровнем моря от 1000 до 3000 метров. Много горных речушек мечутся в лощинах по каменистому ложу, пока не сольются в стремительные главные истоки Иравади — Нмайкхи и Мали. В месте слияния этих рек, недалеко от города Мьичины, рождается великая полноводная бирманская река, которая пересекает почти всю страну в меридиональном направлении и впадает в Андаманское море. На долгом пути в 2150 километров она принимает множество притоков, составляющих ее бассейн площадью 430 тысяч квадратных километров.

Иравади не сравнить с Волгой, Нилом, Миссисипи, Гангом ни по длине, ни по ширине, и все равно она — одна из самых могучих рек мира. Испокон веков это главная судоходная река Бирмы, по которой осуществляется торговля и между внутренними районами, и с зарубежными странами. В нижнем течении Иравади принимает большие современные грузовые и пассажирские суда; малые поднимаются вверх до города Банмо почти на 1,5 тысячи километров. 14 миллионов пассажиров и 136 миллионов тонн грузов было перевезено по Иравади в 1980/81 финансовом году. С севера на юг бесконечным потоком переправляются нефть, удобрения, тик, рис и другие многие нужные стране товары. Непросто водить суда по Иравади, особенно в засушливое лето, когда обнажаются песчаные мели. В целях безопасности навигации и повышения хозяйственного значения Иравади в экономическом развитии страны в верхнем течении реки установлено 2600 предупредительных знаков, в среднем 8 тысяч и в нижнем — 2600.

Согласно легенде, дух дождя Иравади, окинув взглядом безжизненные пустынные пространства, решил сотворить чудо. По его воле из хобота любимого слона излились на землю потоки воды — и зазеленели поля, выросли деревья, кусты, цветы и травы, зашумела листва. А потоки превратились в реку со множеством притоков, которую люди называли «рекой божественного

лара». Еще величают ее в народе Мимаджи («Матерью-рекой») за щедрость и живительную влагу, орошающую крестьянские поля. Вблизи Мьичины (в Верхней Бирме) река холодная и кристально чистая. Даже в самые знойные апрельские и майские дни она не прогревается выше 15 градусов. Тающие в горных отрогах снега удерживают в реке прохладу до города Сикайна, а после городишка Каты, где вливается приток Шуэли, Иравади не может больше противостоять горячим лучам солнца и заметно теплеет.

Пятьдесят шесть километров от Мьичины до Банмо Иравади пробила себе дорогу в каменной горловине, которую сдавливают нагромождения скал, сужающие в отдельных местах ее русло до 45 метров. В теснине Паду-Пашо, как называют ее местные жители, Иравади клокочет среди высоких порогов и низких отшлифованных ею за многие века валунов. Стремительные водовороты увлекают в свою сумасшедшую гибельную пляску все, что попадает на пути. Адская круговерть подхватывает сбитое ураганом могучее дерево и спустя некоторое время отпускает его в виде истерзанного обрубка, словно побывавшего в пасти дракона. А иногда жертвы бурунов еще долго мечутся от берега к берегу, бьются о скалистые берега.

В период муссонных ливней река в теснине Паду-Пашо становится вообще непроходимой. Правда, по словам местных старожилов, бывали прежде смельчаки, которых крайняя нужда заставляла отправляться в опасное плавание по кипящему потоку. Здесь помнят также, как выбитые из Мьичины в июне — августе 1944 года в ходе освободительной войны японские оккупанты из 18-й дивизии отчаянно пытались спастись на плотках по дикой реке. Немногим удалось добраться до цели — города Банмо. Плоты разлетались в щепки, накрывая обломками беглецов.

С ноября по февраль в теснине вода спадает, и река немного усмиряет свой резвый бег, принимая юркие весельные лодки. И даже тогда надо быть смелым и ловким гребцом, чтобы в этих местах передвигаться по Иравади. На пути рискованного плавания, словно предупреждая об опасности, стоит скала Четтансин. Зловеще смотрят на пловцов скалы глубокими темными проемами, которые считаются в народе прибежищами гигантских мифических шершней. Недоступность реки как бы подтверждают огромные, выпирающие из

воды валуны, называемые в зависимости от величины и конфигурации «слоновыми» или «бычьими» и считающиеся обителью духов. Ступенчатые пороги в верхнем течении Иравади, по которым перескакивают каскадом ее воды,— последнее напоминание о необузданности стремнины.

На редкие узкие полосы прибрежных песчаных отмелей, встречающихся между скал в теснине Гаду-Гашо, приходят с гор на водопой животные — буйволы, олени, медведи, тигры, леопарды. В высоких деревьях, вросших в каменные утесы по берегам, резвятся гиббоны. В расщелинах и пещерах живут дикие кошки — африканские виверры, летучие мыши, всевозможные редкие птицы, павлины. Случайный настораживающий звук поднимает в небо порхающие стаи пестрого птичьего царства и множество бабочек самых причудливых расцветок. Чуть ниже по течению, под городом Шуэли, Иравади проходит второе «чистилище» в теснине Вой Канг Кхум лай. Во время паводка суда поворачивают назад, подальше от рискованного места. На правом берегу над ущельем нависает огромная скала, которую бирманцы прозвали «Натмьехна», что означает «Лицо духа». В здешних краях рассказывают, что когда-то сюда якобы пригоняли арестантов и сбрасывали с обрыва в реку. Может быть, прежде гора и была отвесной, но сейчас она спускается к Иравади уступами, по которым могут забираться вверх даже слоны.

Около «Лица духа» бездонная глубина. Пока так и не удалось ее замерить. Однажды появилось тут индийское судно, которое попыталось стать на якорь и одновременно замерить глубину. Но более чем пятнадцатиметровая цепь оказалась короткой. Больше никто и не предпринимал попыток исследовать дно в этом гиблом месте.

Ущелье Вой Канг Кхум лай представляет собой естественный заповедник дикой природы. Высокие скалы поросли богатой растительностью, деревья увиты лианами, земля покрыта сочной травой, на которой яркие тропические цветы образуют живописный ковер. На берегу и на воде много водоплавающей птицы. Огромные бакланы вздымают крыльями фонтаны брызг, снуют юркие утки, у самой кромки разгуливают аисты, чуть повыше, на травяных лужайках, гордо вышагивают, распустив веером хвост, красавцы павлины.

С незапамятных времен в этом благодатном уголке поселились обезьяны. Они занимают значительную территорию, свободно входят в контакт с людьми, стоит их только поманить лакомством.

Всегда была велика зависимость людей от главной южной артерии Бирмы. Йравади спасала от губительного зноя, кормила крестьян, обеспечивая наносным илом плодородие земли, способствовала общению между народами и развитию торговли. На ее живописных берегах издавна поднимались города, зарождались искусства, народные промыслы. Городок Чаумьяун, что относится к району Шуэбо области Сагайн, основан в 1755 году королем Алаунпаей. Король расширил свои владения в Нижней Бирме, завоевав государство монгов, город Пегу, создав новые производственные и торговые центры. Весь мастеровой люд с захваченных земель вместе с семьями был согнан в Шуэбо. В числе переселенцев находились и искусные гончары, которые славились умением делать прекрасную глазурованную посуду. Их поселили вначале в деревне Мау, но вскоре запасы глины там истощились, и король распорядился искать новые источники сырья, даже, если потребуется, под его дворцом. Поиски увенчались успехом. Высокого качества глина была найдена у Чаумьяуна и до сих пор добывается из одного карьера. Здесь и в близлежащих селениях находятся главные мастерские по производству гончарных изделий.

Бирманцы издревле пользовались глиняными сосудами для хранения воды, риса, соли, растительного масла, рыбной пасты. В дельте Йравади и на морском побережье они всегда были незаменимы при рыбном промысле для хранения и транспортировки рыбы. Да и теперь без глиняной посуды не обойтись. Утварь приобрела более изящные формы, часть ее покрывают обливной глазурью самых разных цветов — черного, коричневого, зеленого, желтого и других. Умельцы из Чаумьяуна делают их с большим вкусом.

Изготовление огромных, порой более чем двухметровой высоты глиняных сосудов ведется пока еще дедовским способом. Отдельно делаются нижняя и верхняя части, которые затем соединяются. С внешней стороны горшки украшают несложным орнаментом, полируют и отправляют в специальную сушильную печь. Закладывают сразу партию, в которой обычно бывает до 80 сосудов. Такой печи хватает только на три пар-

тии, потом делают новую. Городок глазурованной посуды Чаумьяун обеспечивает сейчас почти всю Бирму своей ходовой продукцией. Кроме него в Бирме были и другие центры гончарного дела — Пегу, Мандалай, Шуэджин, чьи мастера и сейчас не забыли своего ремесла.

В октябре — ноябре, когда прекращаются муссоны, на Иравади появляются целые флотилии бамбуковых плотов со специальными ячейками, в которых покоятся закутанные в солому горшки и другая глиняная утварь. На одном гигантском плоту иногда переправляется до пяти тысяч гончарных изделий. Большая часть грузов плывет в бирманскую столицу, ибо потребности огромного города всегда обеспечивают устойчивый сбыт доступного, недорогого и нужного товара.

Оставив позади Чаумьяун, Иравади устремляется к бывшей столице Мандалаю и течет по волнистой равнине, разливаясь в ширину до двух километров в сухой сезон и до 10—12 — в дождливый. Чуть отъедешь от Мандалая и слышишь, как с правого берега Иравади тебе навстречу несется протяжный троекратный перезвон. Бом, бом, бом... — стелется низко над водой, угасая в гребне волны или поднимаясь на склоны Мингунских холмов. Это напоминает о себе могучий колокол древнего городка Мингуна. Пожалуй, и городком не назовешь небольшое поселение буддистов, нашедших здесь себе приют и видящих смысл жизни в строгом исполнении религиозных канонов. Дом для престарелых, первый в Бирме дом такого рода, был построен Нан До У Заном полвека назад. Может быть, он и остался бы единственной достопримечательностью Мингуна, если бы не этот знаменитый колокол, самый мощный из действующих колоколов мира.

Как только паром или простая деревенская лодка касается правого берега Иравади, открывается вид на маленькую, в четыре метра высотой, белую пагодку Пондо Пья, строившуюся королем Бодопаей в конце XVIII века в качестве рабочей модели для будущего величественного храма (высотой около 200 метров), которому не должно было быть равного в мире. Однако со смертью короля строительство приостановилось на пятидесятиметровой высоте, а землетрясение 1838 года разрушило храм, для которого и предназначался знаменитый мингунский колокол.

По своим размерам он уступает только «Ивану Великому». Девяностотонная бронзовая машина около четырех метров высотой и около пяти метров в диаметре была отлита в 1770 году. В 1938 году во время землетрясения великан рухнул с опорной перекладины, но не разбился, поскольку был установлен невысоко над землей.

Любовь к колоколам у бирманцев необычная. Разного размера и звучания, они имеются на территории почти всех более или менее больших пагод. На одних на языке пали выбиты буддийские тексты, на других — имена создателей. Но в отличие от других стран, где колокольный перезвон служит музыкальным аккомпанементом во время религиозных церемоний, в Бирме можно слышать лишь троекратные удары по звонкому металлу, которые периодически производят буддийские монахи, чтобы единоверцы знали, когда они обращаются к Будде, и сам Будда услышал их. Каждый может ударить в колокол. И считается, что если при этом задумано желание, то оно непременно исполнится.

Многие бирманские колокола очень чувствительны: они издают приятные мелодичные звуки даже при легком постукивании пальцами. Но и по чувствительности ни один из них не может сравниться с мингунским. Кажется, подует порывистый ветер, и зазвенит металл малиновым перезвоном, и понесется он над гладью Иравади и дальше — над зелеными шапками холмов.

Еще долго провожают Иравади холмы. За Мингунскими начинаются Сагаинские, буквально усеянные буддийскими пагодами и храмами. Вся прибрежная территория с ее тридцатью семью холмами на площади около пяти квадратных километров застроена пятьюстами религиозными сооружениями — рекордная плотность во всей Бирме. Несколько тысяч монахов и монахинь обжили Сагаинские холмы и живут исключительно за счет благотворительности верующих, которые, как правило, не скупаются на подношения.

Тридцать пещер образуют в подземелье просторный зал, где величественно восседают, блестя позолотой, тридцать изваяний Будды. Другая достопримечательность этих мест — Авский мост, самый длинный в Бирме, стоящий на десяти опорах. Этот более чем километровый мост, построенный в 1934 году, стал главным средством сообщения между западным и восточным берегами Иравади. Его называют еще Сагаинским, так

как проложенная по нему железнодорожная ветка ведет в город Сагайн (или Сакайн).

Почти по четвертой части города петляет Иравади, принося ему прохладу и богатую зелень. Центр большой области, в которую входят 38 районов, 1816 деревень с населением более трех миллионов человек, практически не имеет своей промышленности. Находясь в центре засушливой зоны Бирмы, Сагайн производит рис, бобовые, хлопок, кукурузу, сахарный тростник. Город знаменит своим рынком «Мозар», где продаются любимые бирманцами сладости из рисовой муки, кокосовых орехов и сахарного сиропа, и своим классическим оркестром, который время от времени приезжает в Рангун для выступлений по радио. В Сагайне, как и во всех бирманских городах, по недостроенным и достроенным пагодам можно проследить хронологию династий бирманских королей.

Руины старого форта, пагод, дворцов рассказывают о былом великолепии и процветании древней бирманской столицы Авы, основанной в 1365 году, после того как в 1364 году был взят и сожжен шанами Сагайн. Ава оставалась резиденцией бирманских правителей на протяжении почти четырех столетий и пережила тридцать королей. Теперь это один из небольших старинных городков, глубоко ушедших корнями в историю, каких немало встречается на долгом пути Иравади.

Город Пакхоуку называют главными воротами в Чинскую национальную область и северо-западные районы Бирмы. Еще в прошлом столетии это была скорее большая деревня, чем город. Находясь на бойком месте, она со временем разрослась и стала довольно крупным городом. Когда английские колонизаторы захватили почти всю Верхнюю Бирму, Пакхоуку все еще оставался свободным. Вооруженное чем попало местное население долго мужественно отражало атаки захватчиков. Город до сих пор помнит своих талантливых организаторов сопротивления.

Когда в сухой сезон Иравади отступает, на огромной территории остаются холмы песчаных дюн и ила, что затрудняет использование пакхоукуских причалов. Благодаря илу земля становится более плодородной, это дает возможность населению выращивать по два-три урожая риса. Но более всего оно занято здесь табаком. Посадки его простираются на больших пло-

шалях вокруг города, в котором имеется и своя табачная фабрика, поставляющая продукцию на местный рынок и на экспорт. Превращению Пакхоуку в оживленный деловой центр способствовали также и лесопроработки. Издавна лес сплавляется сюда из Чинской национальной области и многих районов Бирмы. Построенные из дерева монастыри — свидетели давних промыслов. Пакхоуку — один из главных поставщиков прекрасной ткани, изготовляемой из низкорослых сортов хлопка. Из нее шьют бирманскую традиционную одежду. Повсюду — на улице ли, в учреждении, на партийном съезде или на приеме — бирманцы неизменно появляются в длинных «юбках», которые у мужчин называются «пасхоу» либо «лоунджи», а у женщин — «тхамейн». Мужчины предпочитают носить «юбки» из неброских клетчатых тканей, женщины выбирают материю поярче, поцветастее. Как и в старину, бирманцы одеваются в рубашки, поверх которых часто надевают короткие куртки с длинными рукавами, бирманки носят легкие, из прозрачной ткани блузки. В мире мод совершались поистине революционные перевороты, а в бирманских костюмах, по существу, все осталось по-старому.

Носить куртки из хлопчатобумажной ткани «пинши», а лоунджи — из домотканого материала «йе» считалось в свое время проявлением патриотических чувств.

Как бы ни была изменчива мода, бирманцы, как никто другой, остаются верны традициям, подчеркивая свою любовь ко всему национальному, к тому, что дает им их собственная земля и производят искусные руки народных умельцев.

В тридцати километрах ниже по течению реки уже не чувствуется прохлады. Тенистые рощи сменяются пустынными, бесплодными равнинами, дышащими жаром. Пригодная для обработки земля отвоевывается у Иравади, вернее, в знойное лето могучая река сама отдает илистые полосы, и местные крестьяне делят их между собой. Прежде раздел «ничейных земель» не обходился без кровопролитий. Шли, что называется, деревня на деревню, чтобы завладеть «островками плодородия». Теперь все чаще арбитром выступают официальные власти, которые по справедливости делят

случайные гектары, согласуясь с числом деревенских дворов.

Раннее июльское солнце уже всю жарит в Верхней Бирме. Белоснежное поле хлопчатника в деревне Летпанчепу в районе Паган—Ньяуну слепит глаза. Под знойными лучами трескаются коробочки и проклевываются белые пушистые комочки — верный признак того, что пора начинать сбор.

Хлопок выращивают в Бирме в сухой зоне, где на небогатой почве произрастают засухоустойчивые сорта. К основным районам распространения ценного растения издавна относились области Сагайн, Мандалайская, Магуэ. Но здесь, в округе деревни Летпанчепу, выращивают высококачественные сорта хлопчатника благодаря соседству Иравади, которая волею человека питает крестьянские поля. Построенная на берегу в трех километрах от деревни насосная станция круглые сутки гонит воду на поля по большим и малым оросительным каналам.

Особый высокоурожайный сорт длиноволокнистого хлопка, под который отведено около 250 гектаров, посеяли здесь недавно. В посадках участвовали почти все жители одиннадцати окрестных деревень. Местные власти вовремя обеспечили поля тракторами, буйволами, удобрениями, провели химическую обработку. В июле 1980 года был снят первый урожай.

За кормой небольшого, немало повидавшего на своем веку катерка плещутся воды могучей бирманской кормилицы — реки Иравади. Позади, на восточном берегу, уже тонут вдали маковки храмов и пагод древнего Пагана, а мутные воды Иравади все несут и несут наше суденышко на противоположный берег мимо тиковых плотов с шалашами плотогонщиков и мимо небольших островков, которые появляются и исчезают на стремнине. Островок Йонелут был некогда даже цитаделью одного из королей еще до основания Паганского государства. В густом лесу на острове стояло лагерем королевское войско, которое управляло близлежащими деревнями.

— Видите, там на холме белеет зонтик пагодки. Ее построили в честь Будды, который с вершины предвещал рождение великой буддийской империи — Паганского государства, — серьезно сказал лоцман.

А чуть восточнее — памятник современности, творение наших рук.

Вид на аккуратный комплекс завода сельскохозяйственных удобрений в Чунчауне на западном берегу Иравади вблизи Пагана открывается, как только катер выбьет один из прибрежных выступов. Стройные ряды пальм и окружающие холмы придают белым производственным корпусам, связанным переплетением больших и малых труб, прямо-таки курортный облик. Это предприятие было построено в 1972 году на месте деревушки из тридцати шести домов и со временем стало одним из основных поставщиков сельскохозяйственных удобрений.

В Бирме говорят, что человек думает вначале о пище, а потом уже об одежде и приюте. Продовольственная проблема в стране обострилась, поскольку увеличились темпы прироста населения с одного процента (1901—1948) в год до 2,4 процента (1948—1980), на которыми не поспевает экономика, базирующаяся в основном на сельскохозяйственном производстве. Проблема подталкивает «зеленую революцию», вынуждает переходить к новым агротехническим методам хозяйствования, в числе которых важное место отведено повышению урожайности сельскохозяйственных культур за счет использования удобрений. Совсем недавно плодородные почвы обеспечивали лишь примитивное подсечно-огневое земледелие да плодородный ил, оставляемый рекой после разливов.

Директор завода удобрений У Маун Маун Мьинт рассказал нам, что при строительстве были учтены многие благоприятные факторы: близость природного газа, добываемого в Аядо, близость воды как необходимого компонента при производстве минеральных удобрений и как дешевого средства для транспортировки сырья и готовой продукции.

— Основное сырье оказалось под рукой, — улыбается У Маун Маун Мьинт, — воздух, вода, газ, которые проходят сложный путь превращений в этих башнях, прежде чем стать необходимой людям продукцией. С учетом местных условий мы теперь больше производим мочевины, для которой не требуется дорогая импортная сера, как для других удобрений, а эффект получается хороший. Сорок шесть процентов мочевины составляет азот. Он легко растворяется в воде, благоприятствует росту растений. Один процент мочевины в

рационе скота дает заметное прибавление в весе,— заключает директор.

На территории завода почти не видно людей. Работа сменная. 750 рабочих трудятся круглосуточно. В упаковочном цехе машины ритмично выбрасывают в целлофановые мешки дозированные порции удобрений. 120 тонн фосфата аммония и 207 тонн мочевины в день, более 6 тысяч тонн ежегодно. Но бирманским полям нужно больше, и над тем, как увеличить производственную мощность завода, ломают голову инженеры, техники и рабочие.

Решает эту задачу и хрупкая на вид молодая женщина-инженер из пункта контрольного управления завода До Кин Мьинт. Десять лет назад она закончила Рангунский технологический институт. Она рассказала нам о том, что нового было создано на заводе за последние годы, о мерах администрации по повышению благосостояния рабочих и их семей.

Рабочие получили удобные дома в близлежащем поселке. Пользование водой и электричеством бесплатное, квартплата невелика. Построены средняя школа, спортивная площадка, плавательный бассейн, кинозал. Был основан комитет по соцобеспечению, который помимо всего прочего руководит артелью, занимающейся разведением домашнего скота, птицы, рыбы для снабжения рабочих продовольствием по умеренной цене. Комитет наладил производство кокосовых орехов, бананов, арахиса, цветной капусты. Часть дохода этого комитета поступает в фонд других комитетов, например в комитет по литературе и искусству, который, в свою очередь, материально поощряет не только передовиков производства, но и отличившихся школьников.

С целью стимулирования роста производительности на заводе создана комиссия по присуждению передовикам звания «образцовый рабочий». Завод уже воспитал одного героя социалистического труда и четырех обладателей почетного звания «образцовый рабочий». Но главное — завод стал школой воспитания нового поколения рабочих, сознательных строителей нового общества, которым предстоит превратить страну из отсталой, аграрной в процветающую. В Чунчауне готовят будущий урожай Бирмы — по сменам, круглосуточно.

На обратном пути наш катерок сбавил обороты и замедлил ход, пропуская вереницу огромных тиковых

плотов. По-домашнему курились на них костры, на которых готовилась еда.

Пошел царь бирманского леса прямым путем в Рангун,— заметил один из сопровождавших нас, уроженец здешних мест У Тин Аун.— Сейчас тик особенно в цене и пользуется большим спросом на мировом рынке.

Доля Бирмы в мировом экспорте тиковой древесины составляет около 70 процентов, и экспорт тика уступает только внешнеторговым поставкам риса. Для развития народного хозяйства и погашения иностранных кредитов стране необходима валюта. В сезон мгла сколько его перенесет на своих водах могучая Иравади! На проплывающих плотах засуетились, что-то закричали.

— О чем они? — полюбопытствовал я.

— Радуются людям,— последовал лаконичный ответ.

Потом я узнал, как многие недели плотогонщики борются под открытым небом вдали от берегов, милья, людей, узнал и много интересного об исполине бирманского леса — тике.

Леса в Бирме занимают около 60 процентов ее территории, в них произрастает свыше двухсот пятидесяти пород различных деревьев, среди которых тик занимает наиболее почетное место. Он растет в светлых влажных листопадных лесах или лесах муссонного типа, где достаточно живительной влаги (в год выпадает от 1000 до 2000 миллиметров осадков) и где температура воздуха от 20 до 40 градусов. Тик — стройное, как корабельная мачта, дерево до 50 метров в высоту и до 7 метров в обхвате с роскошной кроной из плотных крупных листьев — часто растет вместе с пинкадо, железным деревом. Тиковые леса простираются на плоских равнинах и аллювиальных террасах в Пегу-Йоме и на восточных склонах Ракхайн-Йомы.

Тик славится ценными качествами древесины, чрезвычайно стойкой ко всякого рода вредителям, прочной, огнеупорной, долговечной, выделяющей смолистое вещество, которое предохраняет железо от ржавчины при создании деревянно-металлических конструкций. Многие иностранные мореплаватели предпочитали строить свои парусные флотилии из бирманского тика. Суда из твердого, прочного дерева сотни лет бороздили океаны, оставаясь достаточно надежными. Из тика

возводились дворцы и храмы, строились дома и корабли, создавались великолепные резные украшения. В 1752 году король Алаунпая специальным указом объявил тик собственностью королевской короны, и на стволах даже проставлялось клеймо «королевский». Такое маркированное дерево было найдено в 1960 году в лесничестве района Пьинманы.

В 1855 году англичане объявили тик государственной, то есть английской, собственностью. До второй мировой войны пять английских компаний имели почти монопольное право на производство тиковой древесины, хищнически истребляя тиковые леса. После объявления в 1948 году независимости одной из первых мер новой власти, направленных против иностранного засилья в экономике, была национализация народных богатств. Были изданы и декреты, ставившие под контроль предпринимательство, связанное с производством тиковой древесины. Подумали и о восстановлении лесных массивов, вырубленных колонизаторами. Особой заботой тик был окружен с приходом в 1962 году к власти Революционного совета.

— Взрослое дерево, которому уже около ста лет, сразу не спиливают,— продолжил разговор У Тин Аун.— Сырой лес не сплывишь, поскольку он очень тяжел и тонет в воде. Поэтому сначала внизу на стволе делаются кольцеобразные надрезы коры, и до трех лет дерево сохнет на корню, что предупреждает и появление трещин. Окольцованные деревья специально маркируют и ставят дату снятия коры, чтобы точно знать, когда их можно валить. В глухих джунглях никаким машинам с тиком не справиться. В стране сейчас на лесоразработках трудится более 3 тысяч слонов и 25 тысяч буйволов. До наступления дождливого сезона готовый к сплаву тиковый лес подтаскивается к берегам речушек, протоков и рек, которые в сухой сезон настолько мелеют, что порой обнажается дно. С приходом муссонных дождей реки переполняются, и большая вода уносит огромные бревна до Иравади. На великой реке их сбивают в плоты и отправляют в долгое плавание.

За беседой время пролетело незаметно. Катерок уверенно взял курс к пустынному желтому берегу. В мутной дали растворились убегающими островками тиковые плоты и люди на них, которые еще много знойных дней и душных ночей будут гнать по Ирава-

и флотилии плотов тяжелого тика, дерева, составляющего национальное богатство страны.

После Пагана рельеф местности резко меняется. Прибрежные песчаные дюны с одинокой растительностью переходят в сплошные холмы богатого нефтеносного района. Чем ниже по течению, тем гуще лес буровых вышек на обоих берегах Иравади. В Енанжауне нефть добывали еще в середине прошлого столетия, во времена короля Миндона. Сейчас этот город дает до 12 процентов всей добычи нефти в стране. Хорошим нефтедобытчиком стал и Чау, в 35 километрах от Пагана на восточном берегу Иравади. Городок, раскинувшийся на 5,5 километра с севера на юг и на три с лишним километра с востока на запад, встречает огромным транспарантом «Добро пожаловать в нефтеносный Чау». Он забрался повыше на холмы, подалее от нефтеочистительных сооружений, огромных резервуаров, дымящихся труб. Вокруг него пробурено около 900 скважин.

Рабочий городок, каких в Бирме теперь немало, внес славные страницы в историю борьбы за независимость. Стачка нефтяников Чау 8 января 1938 года сыграла свою роль в подъеме национально-освободительного движения. После национализации нефтепромыслов 1 января 1964 года Чау стал работать на истинных хозяев страны. Его нефтеперерабатывающие предприятия выпускают бензин и масла, дизельное топливо и керосин. 30 тонн стеарина производит Чау в день, являясь основным поставщиком этого вида сырья в стране. 1200 рабочих-нефтяников Чау гордятся своим вкладом в дело индустриализации страны.

И вновь окаймляют берега Иравади белые и золотые зонтики пагод, одинокие деревеньки, неприметные поселения, основанные когда-то тем или иным местным правителем. Городишко Минхла на восточном берегу Иравади можно пройти за полчаса вдоль и поперек. Теперь он только и знаменит что звонкими национальными барабанами. Но расспроси местного жителя, и город оживет, претендуя на свою историческую исключительность. Говорят, что в древние времена заплыл в здешние края рыбак Маун Шве Ва с женой Ма Мин Хла, построил временку-хижину на островке посреди реки, да так и остался жить на Иравади. Позже

река изменила русло к востоку, образовав на западном берегу озеро. Проходили годы. Британские войска захватили Нижнюю Бирму, готовясь к продвижению на север. В потоке беженцев оказался один армянин по фамилии Макертич, как его звали бирманцы. Ему приглянулись места, открытые первопоселенцем Маун Шве Ва, и он обосновал здесь в 1854 году город, назвав его именем жены рыбака Ма Мин Хла. Макертич поддерживал в разных делах связь с бирманским королем и был назначен за услуги мэром города Минхла.

С приходом в страну англичан город приобрел стратегическое значение. Для защиты Верхней Бирмы король Миндон решил построить два форта: один вблизи Минхла, другой на противоположном берегу. Фундаментальные сооружения, в строительстве которых участвовали французский и итальянский инженеры, были завершены в 1860 году и стали грозным препятствием на пути колонизаторов. Несмотря на героическое сопротивление защитников, крепости пали в ноябре 1885 года под натиском хорошо вооруженного противника.

«Городом цемента» называют Таемьо. Построенный в нем в 1935 году завод производил тогда 200 тонн цемента в день, и это намного превышало потребности страны. Сейчас предприятие дает 1000 тонн, но этого мало для развернувшихся новостроек страны. В годы второй англо-бирманской войны Таемьо был штаб-квартирой бирманской армии, как и во время освободительной борьбы с японцами. Национальный герой генерал Аун Сан обосновал в тридцати пяти километрах от Таемьо свой командный пункт, откуда 27 марта 1945 года призвал народ к сопротивлению иностранным поработителям.

Многие тяжелые испытания выпали на долю одного из старейших бирманских городов — Пьи (Прома), расположенного немногим более чем в 400 километрах от Рангуна вверх по Иравади. Основанный не позже XV века, город на великой бирманской реке был ареной ожесточенных междоусобных войн между разными правителями. На бранных полях скрещивали клинки бирманцы, моны, шаны, араканцы. 9 октября 1852 года Пьи захватили английские колонизаторы, а шесть лет спустя город был превращен в развалины землетрясением. В 1862 году по его остаткам прошелся пожар, после чего строительством Пьи занялись англичане.

осудив его в 1877 году с Рангуном железнодорожной линией, первой в стране. В годы борьбы за независимость Бирмы Пьи не раз поднимался против английских, а затем японских захватчиков. Пожарища войн чудом пощадили единственный древний памятник культуры — окруженную 64 малыми пагодками величественную «золотую» пагоду Шуэзандо в центре города, которая по величине и богатству уступает лишь Шуэмадо в Рангуне и Шуэмадо в Пегу. Ее позолоченные шпили украшены самоцветами и увешаны колокольчиками.

Вдоль узкой автомобильной дороги, ведущей на Пья, насколько видит глаз, тянутся поля. Сизые буйволы, безразлично припадающие к клочкам жесткой рисовой стерни. Редкие болотца, пересохшие реки, фигурки людей у порогов деревенских хижин. Безжизненная, прокаленная беспощадным солнцем, в глубоких трещинах земля. Типичный предмуссонный пейзаж равнинной Бирмы после нескольких месяцев нестерпимого зноя. Пройдут ливни — и оживет нива под крестьянским плугом. Но ненадолго, до смены сезона. Природа утвердила в тропической стране свои циклические закономерности, определила сезонность полевых работ, достаток и благополучие селянина. В сегодняшней Бирме человек старается подчинить себе природу.

К одному из ирригационных сооружений нас привел однажды автобус, предоставленный министерством информации Бирмы. Туда, где стекаются вместе реки Северный и Южный Навин, образуя приток Иравади Навин.

— Идея создания ирригационной системы в районе старинной деревушки в тридцати пяти километрах от Пьи возникла еще в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году, — сказал нам начальник отдела департамента по ирригационным сооружениям У Кин Маунг Хла. Проект долго вынашивался за рубежом и в Бирме, пока не приобрел конкретное содержание и не обозначилась полная его стоимость двести пятьдесят миллионов кьят. Вот здесь, около Сезонгана, где петляет меж холмов Северный Навин, и начались в шестьдесят седьмом — шестьдесят восьмом годах подготовительные работы.

Теперь, много лет спустя, на месте мелководного Северного Навина образовалось большое озеро, отгороженное мощным земляным валом. Северный Навин

дал имя насыпной плотине, как и самой ирригационной системе, вступившей в завершающую стадию строительства. На верхнем ярусе внутреннего откоса плотины еще сбрасывают булыжник трудяги-самосвалы. Строительный материал подхватывают сотни рук и устилают им боковое ложе водохранилища. Не менее 10 тысяч рабочих, тысячи техников и 200 инженеров участвуют в грандиозной стройке Бирмы. Многие из них бок о бок работали в прошлом с советскими специалистами при возведении других ирригационных сооружений страны.

В ирригационную систему «Северный Навин» входят три главных канала, от которых вода разойдется по 123 распределительным каналам и которые оросят в общей сложности 182 269 акров земли, сделав их пригодными для интенсивного земледелия в треугольнике между Пью, Паукхауном и Тегоуном. В такой ирригационной системе кровно заинтересованы жители 57 деревень, для которых предмуссонная засуха перестанет быть помехой для полевых работ. Проектом предусмотрено также построить в орошаемом районе новые дороги протяженностью около 113 километров, 279 мостов, 2224 стока, 220 пунктов, регулирующих уровень поступающей воды.

Еще до вступления в строй оросительной системы в 1978 году было принято решение начать сбор воды в водохранилище. Росла дамба, а вместе с ней поднимался и уровень воды в резервуаре. Рабочие выдвинули лозунг «Обеспечивай водой в ходе строительства, строй и одновременно орошай». Тогда же, в 1978 году до наступления сезона дождей вода была пущена на первые две тысячи акров, а на следующий год было орошено уже в десять раз больше.

Поднимая клубы пыли, наш автобус движется вдоль левого, основного канала. Вокруг все та же мертвая картина засухи. Ни травинки, зеленый островок кустарника — редкость. Слабые признаки жизни заметны лишь по берегам канала в виде жиденькой зелени. Не напилась еще вволю земля! Водяная змейка в каменной оправе выводит к деревне Чаунтье, пропадает в колодце распределительного пункта и через несколько метров скользит по арыкам к залитым для посадки риса крестьянским полям. Члены сельскохозяйственного кооператива спешат за буйволами, тянущими по раскисшей земле плуги. Пора предпосевной

и пашки в разгаре, хотя с неба не упало еще ни одной капли дождя.

Подхожу к группе крестьян. В разговор вступают только и говорят наперебой. Известное, мол, дело, что может заинтересовать приезжего.

Мы собираемся посадить ранние сорта риса и другие зерновые,— делится планами один из крестьян. Никто из нас раньше и думать не мог, что это возможно в такую пору. Всегда ждали дождя, а он часенко запаздывал. Вода — кровь жизни — пришла к нам не волей стихии, а волей человека. Как же не радоваться нам теперь!

Счастливые крестьянские лица провожают нас в путь к испытательной сельскохозяйственной станции Джакат, возникшей в ходе строительства ирригационной системы. По дороге еще издали видны темные головки девушек на фоне белого поля хлопчатника. Орошенная земля дала первый урожай длиноволокнистого хлопка. Коробочки небольшие, и кусты пока не очень крепкие, но это только начало эксперимента. Пройдет еще немного времени, и край преобразится. Построенная с помощью советских специалистов в тесном сотрудничестве с бирманскими инженерами и рабочими оросительная система в районе Чемолтау, близ Магана, обеспечила богатые урожаи зерновых и хлопка на земле, отвоеванной у пустыни. Советский опыт пригодился и при строительстве системы «Северный Тауин».

Однако основным источником влаги для населенных пунктов в жаркой тропической стране все еще остаются муссонные дожди, и зачастую от прихоти погоды зависит судьба урожая. Пока скромные финансовые возможности Бирмы в значительной степени сдерживают осуществление ряда ирригационных проектов, а орошением охвачено чуть более двух миллионов акров из 20,67 миллиона акров обрабатываемой земли. Вовсю используется малая ирригация — небольшие водохранилища, дамбы, колодцы.

Несмотря на острую нехватку влаги, когда запаздывают порой муссонные ливни или оказываются не столь обильными, бирманским рисоводам все-таки удастся последнее время выполнять плановые задания. Сыграл свою роль переход на новые, высокопродуктивные сорта этого бирманского хлеба в сочетании с повсеместным применением удобрений. И все-таки в бит-

ве за урожай решающими, пожалуй, оказываются иные факторы. Изменилось само отношение к труду бирманского крестьянина после преобразований, проведенных в стране пришедшим к власти в 1962 году Революционным советом. Сельский труженик стал хозяином своей земли, почувствовал реальную заботу государства, оказывающего ему посильную материально-техническую помощь.

Кооперативы и индивидуальные хозяйства получают от государства насосы, зерно, удобрения, инсектициды. В период сева крестьянам помогают отряды добровольцев из числа военнослужащих и студентов. В стране насчитывается более девяти тысяч тракторов, большая часть их принадлежит государству, остальные — кооперативным хозяйствам. Государственные тракторы закреплены за 88 МТС, с которыми крестьяне заключают договоры на обработку своих полей. Пока еще основной поставщик сельскохозяйственной продукции в Бирме — крестьянин-единоличник — все больше склоняется к мысли о преимуществах коллективного труда на кооперативных началах.

В общей сложности в Бирме сформировано свыше 20 тысяч кооперативов в различных отраслях народного хозяйства, и прежде всего в сельском хозяйстве. Большинство из них представляют собой потребительские, сбытовые и кредитные общества, но правительство настойчиво добивается того, чтобы производственные кооперативы стали доминирующей формой кооперации. Проводя линию на дальнейшее укрепление кооперативного сектора, руководство страны надеется, что в соответствии с перспективным планом развития народного хозяйства кооперативы будут производить к середине 90-х годов половину продукции сельского хозяйства. Большие надежды в этом отношении возлагаются на активность Крестьянской организации Бирмы, насчитывающей около восьми миллионов членов.

Земледелие составляет основу экономики традиционно аграрной Бирмы, служит стержнем всего народного хозяйства. От положения в этой отрасли зависит решение продовольственной и сырьевой проблемы, приток валютных поступлений от экспорта сельскохозяйственной продукции, загруженность перерабатывающих предприятий, — словом, общее благополучие народа и успех дальнейшего развития страны. Главная отрасль

экономики находится в центре внимания бирманского руководства еще и по той причине, что в обозримом будущем Бирма по-прежнему будет оставаться аграрной страной. Даже в программных документах ПБСН в качестве конечной цели экономической политики партии намечается построение промышленно развитого государства с экономикой, базирующейся на сельском хозяйстве. Курс на механизацию сельского хозяйства теперь рассматривается как неперемненное условие для его интенсивного развития. А давно ли бирманский крестьянин обходился исключительно допотопными орудиями труда и обеспечивал плодородие земли подосново-огневым способом! Теперь современные методы земледелия проникают даже в глухие районы Бирмы.

Главная рисовая житница страны — область дельты Иравади, край стабильно высоких урожаев. Пересекая границу области Пегу, устремляется прямо на юг могучая река Иравади — источник плодородия и богатства самой густонаселенной области страны. По ее берегам все чаще встречаются древние и современные поселения. Щедрая земля издавна притягивала сюда разные народы. Основанный в 1250 году монами город Мьянаун на западном берегу Иравади долго раздражал своим богатством бирманских королей. Столетиями его судьба решалась в войнах, которые прекратились лишь в 1754 году, когда бирманский король Алауншья, разбив в ряде сражений монские армии, окончательно овладел городом и примирил враждующие стороны. Теперь в нем живут в мире и дружбе бирманцы, моны, чины, карены и другие народности, выращивая рис, табак, овощи, занимаясь ловлей рыбы в многочисленных озерах, которые образовались в начинающейся южнее Мьянауна, недалеко от города Хинтады, дельте Иравади. В этом районе со множеством рек, озер, протоков и каналов общей длиной 3200 километров основные средства передвижения — небольшие суда и всевозможные лодки, на которых доставляют к месту грузы, ездят друг к другу в гости и по делам. Государственные перевозки осуществляют суда Корпорации внутреннего водного транспорта. Речное сообщение издавна способствовало процветанию торговли, позволяло бирманским князьям вести войны. В те далекие времена существовало до тридцати семи видов лодок — военных, торговых, церемониальных, прогулочных, спортивных, сейчас их гораздо меньше, но чи-

сленно речная флотилия заметно возросла: без лодки бирманцу на Иравади просто не обойтись.

Особой популярностью у жителей дельты с незапамятных времен пользовались соревнования по гребле. Пожар второй мировой войны уничтожил большую часть бирманского речного флота. С развитием автотранспорта весельных лодок стало очень мало, и во многих районах люди забыли о традиционных спортивных праздниках на воде. Возрождение бирманской национальной гребли началось после получения страной независимости, когда были приняты меры по восстановлению народных обычаев.

По берегам Иравади вновь застучали топоры местных корабелов. По старинке на сооружение лодок идет лучший строительный материал — прямоствольный, легкий в обработке, обладающий высокой плавучестью и прочностью тик. Готовая лодка покрывается черным древесным лаком и спускается на воду для испытания. После устранения дефектов она год-два просушивается и полируется камнями и наждачной бумагой. Щели и трещины тщательно шпаклюются пастой, приготовленной из смеси пепла от сожженных овечьих костей с древесным лаком. Бирманские лодки не имеют строго определенной длины. Все зависит от размеров строительного материала и от числа людей, которые будут пользоваться лодкой. Конструкция ее не менялась с той поры, как она была описана древними поэтами в эпических поэмах. Носовая часть лодки, как писали поэты, должна быть подобна птице, середина — свиным окорокам, а корма походить на большой круглый поднос, которым пользуются в хозяйстве при очистке риса. Такая конфигурация обеспечивает высокую скорость и маневренность.

К соревнованиям по бирманской национальной гребле готовятся весьма серьезно по сложившейся за многие века системе. Участникам гонок рекомендуется начинать тренировки за сорок пять дней до соревнований и трижды проходить на лодке дистанцию, хотя бы вдвое превышающую установленную для состязаний трассу. Спортсменов кормят преимущественно соленой пищей, чтобы согнать лишний вес. Для повышения выносливости в меню включается рис, вымоченный в воде с бананами и пальмовым сахаром. В процессе тренировок гребцам регулярно делается массаж с отваром из листьев и трав. Во время больших национальных

праздников вновь стало шумно на Иравади от множества болельщиков, наблюдающих за тем, как, обгоняя мотор, несутся по водной глади стремительные спортивные суда.

Жизнь бирманского народа веками связана с Иравади, и недаром ее называют кормилицей. Но страшен ее разлив в сезон дождей. Выйдя из берегов, она затопляет огромные массивы полей, обрушивается на города. Особенно опустошительны бывают набеги Иравади в районе Хинтады. В 1867 году оккупационные британские власти возвели вдоль берега дамбу, чтобы обеспечить себе экспорт риса в другие страны. Хотя защитные сооружения порой спасают от наводнения часть рисовых плантаций, расположенных в низине, Хинтада живет в постоянном страхе перед необузданной стихией. В 1950 году четверть города была сметена с лица земли водами Иравади.

Район Хинтады — центр торговли между Верхней Бирмой и дельтой Иравади — славится высокими урожаями риса и табака. Лучшие сигареты в Бирме — «Дуя» обязаны своим названием деревне Дуя в 13 километрах от Хинтады, где выращивается высококачественное сырье для табачных фабрик. Деревня Дуя прославилась еще и тем, что в ней состоялся первый крестьянский семинар. Такие семинары созывались Революционным советом в первые годы после прихода его к власти с целью формирования народных рабочих и народных крестьянских советов. Другой город на Иравади, который известен своей табачной продукцией, — Данубью. Но бирманцу он дорог не этим, а своим героическим прошлым, о котором напоминают памятник великому полководцу Бирмы генералу Маха Бандуле в городском саду и остатки видевшего виды старого форта. Минуя Ньяундоун, небольшой городок на восточном берегу, Иравади распадается на множество рукавов и речушек и устремляется к Андаманскому морю, завершив свой долгий путь по бирманской земле.

ГОРОД, ОТКРЫТЫЙ СОЛНЦУ

Жарко. Может быть, и не столько от лучей декабрьского солнца, которое поднимает днем ртутный

столбик термометра до 32 градусов в тени, сколько от ощущения удивительной несовместимости календарной зимы с буйством красок летней растительности. Застыли в истоме растопыренные размашистые ветви кокосовых пальм с гроздьями созревающих плодов, огромные бананы, согнувшиеся под тяжестью нового урожая. Просторные бульвары и проспекты бирманской столицы утопают в зелени деревьев и кустарников, ветви которых украшены желтыми, белыми, красными, синими, фиолетовыми соцветиями. Особенным богатством красок отличаются берега городских озер Инья-лейк, Ройал-лейк и Кокаин-лейк.

Ноябрь, декабрь, январь — самые благодатные месяцы. В Бирме различаются два сезона — дождливый и сухой. После первых коротких ливней, которые обычно проходят под бирманский Новый год (Тинджан) в середине апреля, проливные дожди обрушиваются на Тенассеримскую область, а к середине мая — на всю Южную Бирму. В Рангуне тогда выпадает до 300 миллиметров осадков, а в начале июня муссон господствует над всей страной. Небо мгновенно заволакивается сплошной серой пеленой со скоплениями черных туч. И вот по пыльным дорогам и раскаленному асфальту запрыгали крупные капли, а через несколько мгновений дождь уже льет как из ведра. Час, два, а иногда и десять часов кряду низвергаются небесные потоки. И так каждый день месяцев пять, начиная с мая. Этих живительных ливней ждут растрескавшиеся от жары крестьянские поля, обмелевшие реки, ждут люди с тайной надеждой на перемены, словно ливни смывают все житейские горести и заботы.

Проходит пора муссонов, и наступает сухой сезон с прохладным (ноябрь — февраль) и жарким (март — май) периодами. Бескрайняя синева неба, море яркого солнечного света, бурное цветение и пестрая толпа на оживленных улицах. Над всей панорамой города, в основном не поднимающегося выше уровня шестого этажа, властвует, соперничая в блеске с солнцем, «золотая» пагода-гигант Шуэдагон. Словно огромное выпуклое зеркало, она отражает солнечные лучи, которые зайчиками рассыпаются на окружающие пагоду дома горожан.

Поднявшаяся на высоком холме стодесятиметровым колоколом пагода имеет 460 метров в окружности основания. Облицованная сверху золотой плиткой, а вни-

ю покрытая сусальным золотом, она неизменно поражает своим великолепием. Много у нее поэтических имен: «Мекка буддистов», «пирамида огня», «золотая принцесса». Известный английский писатель Рерьярд Киплинг назвал Шуэдагон впечатляющим, мерцающим, поразительным чудом. И действительно, легкий ветерок чуть коснется тихой ночью зонтика (ти) на макушке пагоды с полутора тысячами золотых и серебряных колокольчиков — и задрожат они, издавая мелодичный перезвон. Там же, наверху, несметные сокровища Шуэдагона: 5448 крупных алмазов, 2317 рубинов, сапфиров, изумрудов и других драгоценных камней.

Колосс стоит на прямоугольной платформе в окружении других пагод — поменьше — со скульптурными фигурками традиционных стражей — мифических львов (чшита), духов (натов), слонов. В нишах некоторых пагод — статуи сидящего Будды из алебастра, бронзы и камня, многие позолочены. В числе исторических реликвий на территории пагоды хранятся два огромных бронзовых колокола. Почти сорокатонный Маха Гиссада Ганда, подаренный пагоде в 1841 году королем Таравадди, и шестнадцатитонный Маха Ганда — подарок короля Мина в 1778 году. Англичане в 1824 году пытались переправить колокол в качестве военного трофея в Калькутту, а затем в Англию, но он затонул в реке Рангун при погрузке, и колонизаторы тщетно пытались поднять его. С разрешения властей бирманцы сами достали со дна колокол и водрузили его на прежнее место.

Историю создания монументальной пагоды легенды уносят в глубь веков и связывают с именем Будды, который якобы вручил двум братьям-купцам в Индии по семь священных волос со своей головы, приказав охранять их в том городе, откуда они родом. Много всяких бед испытали братья, пока добрались домой, но полосы все-таки сохранили, решив построить пагоду, чтобы спрятать туда эти священные дары Будды. Но когда открыли шкатулку, где они лежали, волосы взлетели на пальмы и засияли, как лучи солнца. Вначале, в первых веках нашей эры, была небольшая пагодка. На протяжении веков ее ремонтировали и перестраивали после землетрясений монские и бирманские правители. Во второй половине XV века Шуэдагон «вырос» до 92, а в 1744 году — до 110 метров.

Другая легенда рассказывает о том, что пагода

Была выстроена на месте спрятанных в ее подземельях несметных богатств. Осенью 1976 года произошли события, которые привлекли внимание архитекторов, археологов, инженеров и всех, кому не давали покоя эти сокровища. Муссонные ливни размыли почву на холме, и образовался провал 10 метров в глубину и 20 метров в ширину. Инженеры Рангунского технологического института обнаружили вход в пещеру и лестницу, ведущую под пагоду. Потолок пещеры выложен кирпичом, пол цементный. Очень медленно продвигались вперед исследователи, пока из-под земли не хлынула вода. Работы были приостановлены, а на следующий год их возобновили. Наконец в результате раскопок было найдено помещение, которое служило английским колонизаторам военным складом,— еще одно напоминание о годах чужеземного господства.

Летопись рассказывает о том, как более 2,5 тысячи лет назад у пагоды выросло селение, называвшееся Аситанагара Поккаравати или Оккала. Затем долго о нем не было никаких упоминаний, а в XI веке монская хроника именуется его Дагоном или Лагуном. Вплоть до падения Паганского государства Дагон оставался небольшим рыбацким селением, широко известным своей великолепной пагодой. Часто Дагон становился полем сражений между монами и бирманцами, в пожарах войн горели хижины, но проходило время, и строились новые дома, улицы, кварталы. В XVI веке обнесенный стеной городок по-прежнему напоминал большую деревню. В 1755 году король Алаунпая, объединив всю Бирму, захватил Дагон и переименовал его в Янгоун, что в переводе означает «конец вражды». Рангуном его называли англичане.

Город разросся и превратился в оживленный морской порт. У его причалов бросали якоря десятки торговых судов из разных стран. Здесь была и верфь, где ремонтировались старые и строились новые суда. С 1786 по 1821 год со стапелей рангунской верфи сошло более ста кораблей различного типа. В городе появились три-четыре каменных дома. Британский посол при бирманском королевском дворе Саймс оставил в одной из своих дипломатических записок в 1795 году довольно подробное описание Рангуна. По существу, он все еще представлял собой деревню: полкилометра шириной от нынешней Стрэнд-роуд на юге до Маха Бандула-стрит на севере и полтора километра длиной вдоль реки с

порта на запад от Тейнбью-стрит до Ланмадо. Установленная в порту батарея из 12 старых пушек вряд ли могла надежно защищать город.

По числу зарегистрированных домовладельцев Саймс установил примерную численность населения Рангуна того времени — около 30 тысяч. На узких, но сравнительно чистеньких улочках размещалось пять тысяч небольших домиков на сваях. Под домами горожане держали свиней, кур и даже коров. По улицам бродили полчища собак. Домашние животные паслись на лужайках между домами. Однако английского дипломата привлекали отнюдь не эти сельские пейзажи. Британская корона готовилась к расширению своей колониальной экспансии в Бирме.

12 мая 1824 года в Рангунский порт вошла британская армада из 40 кораблей, включая 19 военных. На берег высадился десант, загрохотали бирманские пушки, но город не выдержал осады. После первого же боя англичане оккупировали Рангун. Отвоевать его не удалось даже численно превосходящими силами армии бирманского военачальника Маха Бандулы. Решающую роль здесь сыграло качественное превосходство английской артиллерии. Целую неделю еще продолжались рукопашные схватки, но Маха Бандула вынужден был отступить. Непрошеные гости устраивались в столице надолго и поэтому принялись реконструировать город по своему вкусу и согласно европейским стандартам. Они построили административные здания, школы, базары, дороги. Вдоль улиц поставили керосиновые фонари и повесили дощечки с названиями, в которых фигурировали имена наиболее известных англичан и их помощников из числа бирманцев, строивших город. К 1874 году население Рангуна достигло 100 тысяч человек, причем во всех сферах деловой жизни доминировали индийцы.

Много несчастья принесла Рангуну вторая мировая война. 23 декабря 1941 года над древним городом напали 60 японских бомбардировщиков и 30 истребителей. В результате неожиданного налета погибли две тысячи человек, 2,5 тысячи были ранены. Спустя всего два дня японская авиация совершила второй вероломный налет, жертвами которого вновь стали мирные жители (750 убитых, 1700 раненых). Англичане покинули город. Уходя, они сожгли все, что уцелело после бомбардировок. 8 марта 1942 года в опустевший, весь в развалинах Рангун вступили японская армия и одно-

временно подразделения бирманской Армии независимости. В то время патриотические силы Бирмы во главе с генералом Аун Саном возлагали большие надежды на японскую помощь в освобождении страны от английских колонизаторов. Но их надежды не оправдались. Одних захватчиков сменили другие. Улицы стали свидетелями публичных казней. Город оцепенел от жестокости, грабежей, насилия. Жители уходили, вливаясь в отряды ополчения. В 1944 году все силы сопротивления против оккупантов были объединены и связаны с действиями некоторых частей английских войск. Возникла организация Антифашистская лига народной свободы (АЛНС) во главе с Аун Саном, которая встала в авангарде единого антиимпериалистического фронта. 27 марта 1945 года совместными усилиями национальной армии Аун Сана и местных партизанских групп, насчитывавших десятки тысяч бойцов, был нанесен решающий удар по японской армии. 1 мая 1945 года патриотами был освобожден Рангун, а спустя два дня в него прибыли англичане. Почерневший от пожаров, весь в развалинах, заросший буйной тропической растительностью, Рангун казался опустошенным и навечно покинутым. В самом центре в руинах здания секретариата нашли пристанище орды собак и кошек.

Медленно подживали раны, нанесенные войной. Жители столицы возвращались к насиженным местам с опаской. Поток переселенцев увеличился с получением Бирмой независимости 4 января 1948 года. Голод послевоенных лет гнал в большой город и жителей глубинки. Население Рангуна увеличилось к 1950 году до 600 тысяч человек и продолжало стремительно расти. К старым границам подступили города-спутники Таке-та, Южная Оккалапа, Северная Оккалапа. Пришедший в 1962 году к власти Революционный совет во главе с генералом Не Вином принял меры к решению острой жилищной проблемы. Новые жилые корпуса возникли в районе Янкин, на Увизара-роуд. В 1977 году департамент жилищного строительства выдал 41 тысячу лицензий на постройку частных домов в пригородах. За предшествующие семь лет государственные строительные организации построили в Рангуне три тысячи квартир, но число поданных заявок на государственную жилплощадь превышало 12 тысяч.

Демографический взрыв, вызванный как естественным притоком, так и притоком населения из сельской

местности, стремительно продолжался. В Рангуне уже насчитывается более трех миллионов жителей, и, по оценкам ООН, к 2000 году он войдет в число 29 городов Азии с населением свыше пяти миллионов человек. Довольно опрятный, утопающий в зелени город раздался ширь, однако остался таким же «низкорослым». Его былому спокойствию приходит конец. Привычный, размеренный ритм сменяется стремительным ритмом века, со всеми его проблемами.

В 1942 году во всей Бирме насчитывалось 20 тысяч автомашин. Движение на дорогах было редким и автокатастрофы единичными. Через сорок лет положение стало совсем иным. Только в одном Рангуне зарегистрировано 57 тысяч транспортных средств, и этот столичный автопарк ежемесячно увеличивается на 250 импортируемых машин. На улицах стало тесно от юрких рабютяг-такси, трехколесных мотороллеров, малогабаритных грузовиков, автобусов.

— Обстановку осложняет обилие допотопных развалюх на колесах без света и сигнализации, а зачастую и без тормозов,— рассказывает лейтенант транспортной полиции У Со Маунг.— Вы знаете,— жалуется он,— возраст некоторых лимузинов переваливает за сорок лет. Местные умельцы превращают трехместные малолитражки в тринадцатиместные фургоны. А люди по привычке выпускают на свободный выпас скот прямо в городе. Коллизии на дорогах участились.

Число автокатастроф в городе в 1979 году достигло 3319 (259 человек погибло). Примерно столько же несчастных случаев произошло и в следующем году. Непорядок на улицах стало одной из важнейших проблем городских властей. Началась кампания под названием «Галон», мероприятия которой направлены на предупреждение дорожных происшествий, а также на борьбу с преступностью. В 1979 году за нарушение правил вождения были привлечены к ответственности 18 507 водителей, через год — 19 819. Департамент дорожной транспортной администрации категорически запретил пользоваться неисправными машинами и устаревшими моделями. Не так-то просто оказалось приобщить к порядку и рангунского пешехода, привыкшего к полной анархии на дорогах.

Однажды на улицах одного из бирманских городов появилось на первый взгляд довольно странное предупреждение о том, что курить сигары черуты (заверну-

тую в сухие листья смесь из кусочков дерева тамаринда и крошек табака) запрещается под страхом наказания. Дело в том, что тлеющий окурок черуты не раз становился причиной больших пожаров. Выгорали целые улицы и даже кварталы. В сухое время года пожары — это грозное национальное бедствие. Только в 1976 и 1977 годах в Бирме зарегистрировано более трех тысяч пожаров, ущерб от которых составил 225 миллионов кьят. Сгорело 12 тысяч жилых построек, 107 промышленных и складских помещений, погибло 86 человек. Рангун не составляет исключения. В 1976 году в столице 231 раз вспыхивали серьезные пожары, которые принесли убыток на 1,5 миллиона кьят. Более опустошительное бедствие постигло Рангун в 1982 году, когда сгорело несколько жилых кварталов. Ныне более тысячи сотрудников пожарной охраны следят за обстановкой в Рангунской области.

Часто в субботние утренние часы на улицах бирманской столицы можно встретить энергичных парней, убирающих мусор, наводящих чистоту. В бирманском языке есть свое название субботника, которое в точном переводе означает «мероприятия по добровольному труду». По призыву Центрального организационного комитета молодежной организации «Ланзин» (МОЛ) добровольцы Рангуна следят за поддержанием чистоты на улицах, в учреждениях, больницах, школах, кинотеатрах и других общественных местах. Почин подхвачен рабочими и солдатами, и «субботники» стали проводиться по всей стране. Появились даже народные стройки на добровольных общественных началах.

Государственная казна еще не настолько богата, чтобы выделять достаточно средств для обновления столицы, но вопрос о ремонте многих зданий уже неоднократно поднимался в местной прессе и привлек внимание городских властей. Ведомство городского развития приняло меры по проведению первоочередных работ. С большим вкусом были покрашены многие государственные здания. Частных домовладельцев обязали выполнить ремонт за их счет. В новом блеске предстали многочисленные пагоды Рангуна — результат поистине безграничной заботы прихожан. Традиционно бирманцы вкладывают огромные средства в строительство и содержание культовых сооружений, на подаяния монахам и другие религиозные цели. Летом 1978 года 186 граждан пожертвовали на украшение пагоды Шуэдагон !!

килограммов чистого золота и 103 пакета сусального на покрытие ступы.

Рангун просыпается рано. Еще не успеют первые лучи солнца коснуться златоверхого Шуэдагона, как на улицы высыпает народ. И стар и млад совершают утренние прсгулки и пробежки (свежие веяния современности). Во время месячников здоровья население даже будят установленные на машинах громкоговорители. Тут уж не поспать. Государство придает большое значение воспитанию физически здоровых, выносливых и сильных людей.

Остывший за ночь город спешит окунуться в новый свой день под покровом утренней, быстро уходящей прохлады. Автомобили и велорикши запруживают столичные магистрали. По асфальту топают тысячи ног в легких резиновых, кожаных или пластмассовых пляжного типа шлепанцах, называемых здесь слипами. Это, пожалуй, самая удобная в местных тропических условиях обувь, которую носит большинство бирманцев во все времена года. В пестрой толпе мелькают форменные, обязательно зеленые юбки-лоунджи школьников, яркие, цветастые лоунджи женщин, менее броские лоунджи мужчин, темно-синие или серые рабочие комбинезоны.

Кто спешит на сталелитейный завод, кто на кирпичный, кто на текстильные фабрики, кто на маслобойные заводы и другие предприятия города. Рангунцы вносят свою лепту в дело обеспечения страны самым необходимым, чтобы сократить дорогостоящий импорт. Рангунская фармацевтическая фабрика, одна из самых современных в Юго-Восточной Азии, снабжает население 750 медицинскими препаратами и собственными косметическими средствами. 22,5 миллиона мешков для упаковки риса производит ежегодно джутовая фабрика. Потребности города в прохладительных напитках полностью удовлетворяют два предприятия, а местная табачная фабрика поставляет продукцию даже на экспорт.

Десятилетия томилась Бирма под игом британского колониализма. Плоды иностранного управления страной можно встретить еще и сейчас, и главный из них — экономическая отсталость. Правительство Бирмы не скрывает, что предстоит много дел, чтобы вывести страну на дорогу процветания и прогресса. Но с одним в Бирме покончено навсегда — с нищенством. В 1971 го-

ду на пленуме ЦК ПБСП говорилось, что согласно принципам, заложенным в программе партии, ни один трудящийся не должен голодать. Сегодня в Рангуне не увидишь застывших в отчаянной мольбе взглядов изголодавшихся людей, каких немало бродит, например, по респектабельным вашингтонским улицам. Бирманец сейчас не знает, что такое муки голода, этого позорного явления цивилизованного «свободного мира».

В Рангуне, как и в других городах страны, на государственных предприятиях внедрены методы повышения рентабельности производства и приняты меры по материальному стимулированию рабочих, расширены права руководителей отдельных промышленных предприятий. Все направлено на то, чтобы создать прочную базу для повышения жизненного уровня населения. В дом простого бирманца приходит достаток. Сокращается разрыв между людьми среднего достатка и зажиточными, теми, что унаследовали состояние от прошлых времен. Образ жизни многих определяет философское кредо, отчасти заимствованное у буддизма: «жить скромно». Так легче переносятся трудности, легче ждать того времени, пока наконец исполнятся надежды.

У многоэтажного здания на перекрестке улиц Пансотап и носящей имя Аун Сана всегда оживленно. Первый в бирманской столице после прихода новой власти (в 1962 году) универсальный магазин появился здесь лишь в 1979 году и быстро завоевал популярность. Еще недавно почти вся торговля находилась в руках частного сектора. Теперь в Рангуне открылось более 500 кооперативных магазинов розничной торговли, и ассортимент товаров бирманского производства постоянно растет. Существенным подспорьем в обеспечении населения города всем необходимым остаются базары.

Базары в Рангуне, как и на всем Востоке, ошеломляют изобилием. Фрукты тропических широт — многообразие бананов, ананасы, мандарины, манго, папайя, виноград, мангустины, дуриан, огромные плоды хлебного дерева громоздятся на циновках, разложенных прямо на земле и на прилавках. Фруктово-овощной натюрморт дополняют дары морей и внутренних водоемов: розовые и голубоватые креветки, омары, крабы, сизые кальмары, тунцы, карпы, рыба-сабля, налимы. Вся эта живность окружает восседающих на прилавках с важностью жриц торговки. Только покажи пальцем — и ми-

том очищенная рыба окажется на весах. Такое же изобилие в мясных рядах и на птичьем рынке. Цены высокие, многим не совсем и по карману, но рыночная стихия непостоянна, а кроме того, дает себя знать государственному сектору, поставляя на рынок продукты по умеренным ценам, и частникам волей-неволей приходится их снижать.

К тысячам древних благоухающих запахов Азии приносятся сугубо бирманские, в которых доминируют ароматы национальной кухни. На базарах, вдоль улиц и дорог дымятся сотни харчевен под открытым небом, местных дешевых и очень популярных закусовых, где можно получить и первое, и второе, и чашку чая или кофе. Зачастую такой удобный пищеблок обслуживают всего один-два человека. Растут как грибы заведения и повыше классом — весьма комфортабельные, иногда даже оборудованные кондиционерами. Рестораны специализируются на бирманской, китайской, индийской и европейской кухне. Почти всегда в меню присутствуют пользующиеся спросом экзотические блюда: суп из кукульных плавников, ласточкины гнезда, лапки лягушки, свиное мясо. Деликатес многих населяющих Бирму народов — блюда из птицы. В большинстве городов предпочитают кур, гусей, уток, в Татхоуне — воробьев, в национальной области Ракхайн — орлов и кукушек, в Рангунской области — ворон.

Сравнительно недавно рангунцы получили второй выходной день. Не избалованное зрелищами население любит посещать городской зоопарк, где по воскресеньям устраиваются аттракционы со слонами и кобрами. В ухоженный зеленый уголок со множеством диких зверей приходят целыми семьями и часто с домашним обедом. Длительная прогулка заканчивается трапезой прямо на траве под сенью деревьев. Одиннадцать лет фаворитом публики был огромный орангутан по кличке Нито. Привезенный в двухлетнем возрасте с острова Борнео, он хорошо освоился здесь, перенял человеческие повадки и всем своим существом тянулся из клетки к общению с людьми. Хлопал в ладоши, приплясывал, протягивая руку за поощрительным лакомством, и платился за свое доверие: кто-то угостил его... сигаретой. Орангутан пристрастился к курению. Он, как заправский курильщик, выпускал дым из носа, брал пальцами сигарету и снова всовывал ее себе в рот. За состоянием Нито рангунцы следили по центральной прес-

се, которая и сообщила о его смерти летом 1981 года. Рангунцы не могут представить себе жизни без кино. В дневную жару и в душные вечера у касс кинотеатров постоянно толпится публика, которую больше привлекают остросюжетные фильмы, явно контрастирующие с размеренным образом жизни бирманцев. Местные власти, впрочем, фильтруют зарубежную кинопродукцию, не пропуская на экран ленты с апологетикой насилия. С успехом идут советские фильмы — показатель большого интереса бирманского народа к Стране Советов. Они демонстрируются и по телевидению, которое появилось в Рангуне в 1980 году.

Подкрадывается вечер. С реки Рангун веет желанной прохладой. В порту засыпают десятки огромных кораблей под флагами разных стран. Еще кипит уличная торговля на Маха Бандула-стрит, но час-другой, и опустеет эта самая оживленная магистраль города. Темная ночь стремительно опустится на пагоды, на острые шпили кафедральных соборов, на лепные фигурки индуистских храмов, на крылатых драконов китайских молелен, на скромные хижины окраин, и город замрет под серебрады цикад, чтобы пробудиться бодрым и полным сил с первыми лучами солнца.

МУЗЕЙ... ДО ГОРИЗОНТА

— Ньяуну, собственно говоря, уже и есть знаменитый Паган или, вернее, ворота в этот музей под открытым небом, где пагоды, пагоды до самого горизонта. Небольшая прогулка на такси от аэропорта — и вы на месте, — пояснял сотрудник рангунского туристического бюро, оформляя заказ на авиарейс.

Городишко со множеством лавчонок, мастерских, чайных и ресторанчиков действительно словно перевалочный пункт на пути в древнейшую столицу Бирмы. Прижавшись к Пагану, он, как добрый привратник, первым встречает прибывающих воздушным или речным путем туристов и пилигримов-буддистов. В Ньяуну живут торговцы, ремесленники, резчики по дереву и камню, мастера по лаковым изделиям. В Пагане в архитектурных памятниках, скульптурах и настенных росписях покоится история многовековой бирманской культуры.

Паган расположился на берегу реки Йравади в сухой зоне Центральной Бирмы. В 849 году он стал столицей Паганского царства, а во времена правления Анораты (Анируды) — всего бирманского государства, созданного после покорения в 1044 году Монского (Тат-зоун) и Араканского королевств. Почти 250 лет существовала первая столица Бирмы, пока междоусобные войны не раздробили страну на мелкие княжества.

По свидетельству летописей, Паган в середине IX века представлял собой небольшой, обнесенный кирпичной стеной городок, занимающий площадь один квадратный километр. В XI веке он стал выходить за пределы крепостных стен, и все, что от него осталось до наших дней, находится на территории 50 квадратных километров. В пору расцвета жилые постройки Пагана утопали в зелени садов, многие из них имели искусственные водоемы. Город поднимался к небу макушками четырех миллионов больших и малых пагод. По статистике Археологического управления Бирмы, теперь в нем осталось 2217 культовых сооружений из камня и кирпича. Войны, землетрясения и время уничтожили великолепные деревянные дворцы и жилые строения, высохли водоемы и каналы.

Страшные бедствия принесли Пагану в конце XIII века монгольские орды. Неисчислимый урон нанесло ему землетрясение 8 июля 1975 года. Не многие его памятники XI—XII веков смогли выстоять от подземных толчков силой 6—8 баллов по шкале Рихтера. В 1981 году правительство Бирмы подписало соглашение с ЮНЕСКО о сохранении и восстановлении древних памятников, и на эти работы было выделено 900 тысяч долларов. Самые искусные бирманские мастера-реставраторы залечивают теперь раны города-музея.

Не выдержали натиска урбанизации тысячелетние Афины, Рим, превратившись в современные города. Паган же законсервировался в зените ранней бирманской цивилизации, оставаясь самим собой, лишь со следами разрушительного прикосновения столетий. Жители некогда покинули город словно для того, чтобы помочь ему сохранить славу вечного города, чтобы люди всегда могли в него возвращаться. Пустынные окрестности Пагана придают его сооружениям и руинам особенно величественный вид. Эта самая обширная в Бирме резервация архитектурных памятников древности включает в себя пагоды, храмы и гражданские строе-

ния. Условно пагоды и храмы подразделяются на большие и малые. Большие возводились государством, считались данью вере от правителя и народа, малые строились как коронованными особами, так и богатыми торговцами в честь какого-то события или в качестве личного дара буддийской общине.

Над памятниками Пагана возвышается крупнейший храм Татбинью, символизирующий, как говорят, всеведение Будды. Построенный в середине XII века семидесятиметровый двухъярусный монумент представляется в виде двух огромных кубов с многочисленными шпилями. Все грандиозное сооружение состоит как бы из пяти этажей. В свое время первые два этажа занимали монахи, на третьем установлена статуя Будды, на четвертом располагалась библиотека, на пятом хранились буддийские реликвии.

Наиболее знаменитым считается несколько меньший по размерам (60 метров) храм Ананда, возведенный в последние годы правления короля Тилуин Мана (1084—1113) и призванный олицетворять бессмертие Будды и его учения. Центральная часть храма, окруженная коническими башнями, открыта на все четыре части света. Внутри помещения — десятиметровая позолоченная статуя Будды, история жития которого записана на колоннадах. Сооружение поражает совершенством форм, легкостью, пропорциональностью конструктивных элементов, свидетельствует о высоком мастерстве паганских зодчих. Одновременно с храмом Ананда был построен храм Манухи (царя монов), плененного Аноратой. Он прост, состоит как бы из трех кубов. Внутри все пространство занимает десятиметровая статуя сидящего Будды.

К числу наиболее древних пагод относится Бупая, построенная не позже X века и отличающаяся простотой своей конструкции: яйцеобразную ступу венчает вытянутый тонкий конус.

В городе сохранилось несколько зданий общественного назначения: зал для религиозных церемоний Упалитейн, библиотека для хранения рукописей Питака-тайк. Каждый паганский памятник знаменит чем-то своим, особым — великолепием архитектурного ансамбля, изящной резьбой или настенными фресками, а иногда обилием разного рода священных реликвий.

Археологическая сокровищница Бирмы стала действующим научно-исследовательским центром. Многие го-

ны внимание бирманских ученых привлекает храм редкой пятиугольной конфигурации — Дхаммараика, возвышающийся примерно в пяти километрах от Пагана. Не так давно на восточной стороне сакрального комплекса была обнаружена расколовшаяся от времени каменная плита с высеченным на двух ее сторонах текстом. Ветры и дожди сточили края трещины, стерли несколько фраз из древнего каменного «манускрипта», содержащего 34 строчки на лицевой стороне и 27 — на обратной. Некоторые слова и фразы оттуда повторяются на настенных росписях храма, что облегчило ученым прочтение текста. Как выяснилось, находка оказалась первым известным и дошедшим до нашего времени письменным документом на бирманском языке. Его автором явился король Нарепатиситу, правивший в 1174—1211 годах и вошедший в бирманскую историю как деятельный государственный муж, соорудивший множество водосборников, дамб, оросительных каналов, пагод.

Другие венценосцы также стремились увековечить свое имя и деяния в письменах, но прибегали к иным языкам. Основатель первого бирманского государства король Анората оставил свои послания на санскрите, пали и монском языке. Есть тексты, в которых встречаются одновременно отдельные монские слова, пью и пали, к которым прибегали правители. Королю Нарепатиситу суждено было стать основоположником бирманской национальной письменности.

О чем же поведал первый памятник бирманской письменности? В первых четырех строчках на пали король воздал должное Будде, затем уже на бирманском языке проставил дату своего письма (осень 1196 года), перечислил все свои титулы и только потом начал повествование. Ученые расплывают лишь двумя древними текстами с описанием границ Паганского государства. Нарепатиситу сделал это первым и самым подробнейшим образом. Он рассказал также о мощи своей армии, которая подразделялась на внутренние войска и войска, предназначенные для участия в заграничных военных кампаниях, сообщил о строительстве храма Дхаммараика, произведенных затратах, дарах, административном делении населенных пунктов. Эта каменная плита стала ценным историческим документом, давшим важный материал не только для исследования особенностей развития бирманского языка и письменности, но и для более глубокого изучения древней истории Бирмы.

В числе целого ряда новшеств во времена Таганского государства появились первые судебные органы, уголовное и гражданское право. Древние надписи на каменных плитах свидетельствуют и о том, что в эту эпоху (1044—1287) в Бирме существовали три судебные инстанции. Высший суд функционировал довольно редко и только при непосредственном участии короля. На этом уровне рассматривались сложные дела, требующие окончательного решения, которое выносил сам король. Большинство же судебных дел вершилось в постоянно действующей низшей инстанции. Приговор этого суда можно было при необходимости обжаловать в апелляционном суде, а в спорных случаях обратиться в высший суд, за которым всегда оставалось последнее слово.

В те далекие времена бирманская юридическая практика сводилась главным образом к тому, чтобы утвердить мир и спокойствие путем возможного примирения сторон, сглаживания остроты конфликта. Поиски истины не сопровождались какими-то длительными судебными дознаниями, так как не было и специальных актов, регламентирующих сам ход судебного процесса. Судебные заседания проходили с участием двух-трех судей, которые порой вступали в переговоры с конфликтующими сторонами, уговаривая пойти на примирение. Если это удавалось, то в знак подтверждения согласия и истец и ответчик публично жевали зеленые листочки чая и любовно расходились.

Потерпевший, обвиняемый и свидетели давали устные показания. Свидетели делились на тех, кто внушал доверие, и тех, чьи показания нуждались в дополнительной проверке. Свидетель должен был говорить только правду, в чем он клялся, взгромоздив на голову для убедительности статую Будды. При отсутствии свидетелей свершался мировой суд, как считалось, на весьма справедливых и демократических началах — посредством ряда физических испытаний. Так, соперников погружали с головой в воду, и тот, кто дольше находился там, выигрывал судебное дело. Или же, например, побеждал тот, кто быстрее съедал данную порцию риса. При равных способностях заставляли полоскать рот, и, если у кого выполаскивалась хоть рисинка, тот и считался виновным. Иногда истину добывали, что называется, каленым железом. Правым оказывался тот, у кого фиксировали наименьшие ожоги на руках после погружения их в растопленный свинец. Спор решался

и еще одним способом. Устанавливались и зажигались две одинаковые свечи. Враждующие стороны набирали полный рот воды и ждали, чья свеча сгорит быстрее, что означало поражение. Если кто-то не в состоянии был удержать воду до окончания испытания, то, естественно, оказывался виновным, и не надо было ждать, пока догорит свеча.

Несмотря на всю несовершенство подобной практики судебного дознания, которая, конечно, не могла привести к установлению истины, древние бирманцы, возможно, в силу своей религиозности никогда не ставили под сомнение правоту судей. Проще было избежать мирового суда, пойти на попятную, на всепрощение, дабы не подвергать себя унижительным и страшным испытаниям.

Период наивысшего расцвета Паганского государства был и временем расцвета многих художественных ремесел и живописи. Фрески храмов и монастырей Пагана издавна привлекали к себе внимание живописцев не только Бирмы, но и других стран. В сюжетах настенной росписи вначале преобладала религиозная тематика: прославление Будды и его деяний, почитание духовных лиц, сцены из джатак. Поскольку жизнь и странствия Будды были связаны в основном с Индией, то индийская манера в его изображении доминировала у художников Бирмы, которые, впрочем, иногда придавали Будде и черты простых смертных. Со временем работы паганских художников стали приобретать бирманский национальный колорит, а религиозные сюжеты перемежались с житейскими, бытовыми.

Мастера кисти создали целую изобразительную систему построения рисунка с помощью линий. Почти контурными штрихами передаются мужество и сила героя, красота и грациозность женщины, величие короля и важность придворных вельмож. Гроза, ветер, дождь, морская стихия — все изображалось линиями. При этом художники, используя яркие и сочные краски, не прибегали к созданию световых эффектов и перспективы, в чем самобытность и уникальность бирманского искусства Паганского периода. Оно следовало как бы законам умозрительного восприятия окружающего мира. Картина должна была отражать личные ощущения мастера, его чувства, его понимание окружающего мира. Ключом к разгадке рисунка служило знание символики. Например, сцена заседания высшего суда, уместившаяся на

совсем маленькой фреске, передавалась лишь посредством изображения одного-двух человек, облаченных в строгие судейские одежды. Одинокое дерево могло символизировать джунгли; холм — горы, а озеро — целое море. Но иногда художник показывал и развернутую панораму с сотнями действующих лиц, пейзажем и множеством всякого рода ритуальных предметов.

Живопись древних бирманцев имела как бы три целевые направленности: религиозную, моральную и эстетическую. Религиозные сюжеты, выполненные с большим вкусом и мастерством, должны были пробуждать возвышенные чувства и вызывать ощущение прекрасного. Фрески утверждали буддийскую веру и одновременно житейские принципы благопристойности. Взирая на них, каждый не только понимал рассудком, но и сбразно представлял себе, что нарушение норм человеческого общежития, проявлявшееся то в обмане, то в воровстве или в других отклонениях, — серьезное преступление, которое сурово карается как сильными мира сего, так и «потустороннего». Эстетизм же выражался в создании ярких, красочных, затейливых орнаментов. Декоративные узоры с листьями лотоса и цветами, особенно розами, всегда считались мерилom художественного вкуса и богатой фантазии художника. Пропорциональность и геометричность линий определяли точность и твердость руки мастера, в том числе и в рисунках по лаку.

Производство лаковых изделий — ценнейшее художественное наследие Паганского периода. Некогда вблизи Пагана образовались целые поселения мастерового люда, и их потомки из поколения в поколение донесли до наших дней тайну росписи по лаку. Просматриваешь легкие бамбуковые дощечки, покрытые черным лаком и расписанные по вороненому гляncу золотом или суриком, и словно идешь по древним паганским храмам, заглядывая в глубь истории парадной жизни королевского двора. Лица правителей и лики святых, чудеса буддийских легенд, ритуальные обряды, фрагменты сражений, быта, танца — типичные сюжеты лаковых картин, выполненных в стиле старых мастеров.

Время уберегло древнее искусство лаковой живописи, технику росписи на дощечках, сплетенных из расщепленного бамбука или ротанга, которые обильно пропитывались клейким древесным соком и покрывались многократно слоями лака. Бирманский лак всегда считался на Востоке лучшим. Добывают его из ствола и

пествей лакового дерева, а для придания ему разных оттенков добавляют различные масла и другие вещества, иногда, чтобы получить черный цвет, сажу.

Вековые традиции в Пагане продолжает Государственная школа лаковых ремесел недалеко от Ньяуну, которую мне удалось однажды посетить. Непритязательное на вид деревянное строение как бы светится изнутри от золотого блеска экспонатов пришкольного музея. Однако самое большое богатство школы — это золотые руки ее питомцев, потомков древних паганских умельцев.

Сидя на полу, поджав под себя ноги, юные мастера часами кропотливо процарапывают на чернолаковом фоне контуры сюжета, узорчатые пояски окантовки. На поверхность накладывается затем тончайшая золотая фольга, которая накрепко пристает только на контурах рисунка, а лишняя легко удаляется. И вот уже смотрит на вас на фоне черного глянца грациозная золотая фея в окружении изящных служанок.

Экспедиции бирманских археологов нередко возвращаются с мест раскопок стоянок древних поселенцев с богатыми трофеями. Изящные кольца, браслеты, ожерелья, украшенные изображениями животных и птиц, свидетельствуют о мастерстве народных умельцев глубокой старины. Специалисты полагают, что первые самобытные украшения из золота, серебра и бронзы появились в Бирме на заре становления бирманской нации, а своего наивысшего расцвета ювелирное дело достигло при правителях Авы (1364—1555), когда все королевские регалии чеканились из чистого золота.

Издавна наиболее уважаемой работой золотых дел мастеров считалось изготовление тончайшего сусального золота, которое как раз и используется в чернолаковом искусстве. Умение исключительно вручную превращать кусочки золота в почти невесомые и даже просвечивающие листочки требует колоссальных усилий, большого терпения и высоких профессиональных навыков.

...Глухие ритмичные удары, доносившиеся из ветхого строения под соломенной крышей в предместьях Пагана, привели меня однажды в мастерскую золотых дел мастера У Тейн Ауна. Он только что закончил начальный этап обработки золота и, положив молоток на туговую кожаную подушку, очевидно, намеревался передохнуть на циновке.

— Трудоемкая ли работа? — переспросил хозяин ма-

ленькой мастерской, вытирая вспотевшее от работы и жары лицо.— Нет, не очень. Впрочем, судите сами, расскажу по порядку,— пообещал мастер и действительно не поскупился на подробности.

Исходным материалом служит золото самой высокой пробы, ибо от примеси иных металлов тончайшие золотые пластинки трескаются. Вначале кусочки золота плавятся и вытягиваются в тонкую проволоку до двух метров длиной, которая разрезается на две равные части и расплющивается молотком. Эта операция занимает не менее пяти часов. Затем каждая из частей делится на двести равных кусочков, которые аккуратно раскладываются между бумажными прокладками, заворачиваются в сумку из оленьей кожи и подвергаются обработке ударами молотка, который весит чуть более килограмма. Число ударов строго определено: 240—300. В результате получают небольшие пластинки. Каждая из них делится на шесть равных частей, и всего получается теперь 1200 золотых кусочков.

И снова ритмичные удары по кожаному мешку. После 3—3,5 тысячи ударов заготовки перекладываются в другой мешок, несколько больших размеров, и процесс продолжается. Через каждые 300 ударов мешок с содержимым переворачивается для равномерного расплющивания пластинок.

На последнем этапе содержимое мешка получает еще 1200 ударов, после чего благородный металл становится тоньше человеческого волоса. Осталось из расплющенных 8—10-сантиметровых листиков нарезать стандартные квадратики, чаще всего размером по пять сантиметров, которые бирманцы называют «паяджи» по имени одной из знаменитых пагод в Мандалае.

— Золото надо понимать и чувствовать,— продолжал свой рассказ У Тейн Аун.— Большое значение имеет сила удара. Благородный металл послушен не каждому, и, может быть, поэтому в Бирме не так уж много теперь мастеров по золоту. Но я вам еще не все рассказал, слушайте. Оказалось, что изготовление тончайшей фольги невозможно без специальной бумаги, которая служит прокладкой для золотых листочков. Бумага должна быть достаточно прочной, с шероховатой поверхностью, чтобы удерживать пластинку на одном месте и в то же время не прилипать к ней под тяжестью постоянных ударов. В большинстве случаев такую бумагу изготавливают из побегов бамбука, срезанного в нояб-

10 - декабре или январе, в зависимости от количества заказов, что считается очень важным.

Процесс не из легких. Бамбук надо очистить, расщепить на тонкие пластинки необходимой длины и варить три дня в котле с закрытой крышкой. После этого сырье перекладывают в глиняный сосуд, перемешивают с известью и оставляют «дозревать» на год, а то, случается, и на два-три года. Когда бамбуковая щепка дойдет до нужной кондиции, с нее смывают известь и варят 36 часов, пока бамбук не превратится в тонкую соломку. Еще долго колдуют над ним, мнут и трут, чтобы получить плотную, хорошего качества бумагу.

На такую же бумагу укладываются уже готовые листочки сусального золота и распределяются затем по сто штук в пакеты. Этой работой занимаются исключительно девушки, прошедшие специальные трехгодичные курсы упаковщиц. На курсы посылают не каждую девушку, тщательно отбирают кандидаток. Да это и понятно. Тонкая работа требует нежных, чувствительных рук, легкого дыхания, мягкого тембра голоса и даже серьезного характера. Возникни в мастерской веселый смех — и вспорхнут в воздух золотыми бабочками тонкие листочки.

В готовом виде золотая фольга расходуется массовым «тиражом» по бирманским городам и распродается населению. Старые обычаи увековечили благотворительную заботу прихожан-буддистов о многочисленных пагодах, которые периодически обновляются свежим золотым покрытием. Партии фольги поступают и к мастерам чернолакового прикладного искусства.

Разрисовка лаковых изделий в Ньяуну производится и без золотого наслоения, если того требует замысел художника. На чернолаковом глянце тогда процарапываются игольчатыми стальными перьями контуры сюжета, который раскрашивается трехцветным лаком — красно-оранжевым, зеленым и желтым. Те же тончайшие линии, строгие и прямые, изогнутые и овальные, дают представление о быте древних или о жизни современного бирманца. Иногда красочные рисунки наносятся настолько густо, что черный фон почти не виден.

Из бамбука, покрытого черным или цветным лаком, бирманские умельцы создают множество изделий: легкие черные чаши, похожие на старинные русские братины, с которыми монахи ежедневно ходят по домам единоверцев, собирая в них подношения, сосуды для

воды, целые обеденные сервизы, вазы для цветов, сигаретницы, пудреницы, браслеты, подносы и другие изящные и прочные вещи. Покрытому лаком большому круглому бамбуковому подносу на подставке, «даунлану», за которым и в наши дни иногда усаживается на циновках обедать вся многочисленная бирманская семья, суждено было стать родоначальником прикладного лакового искусства. Более 340 лет назад бирманский поэт Падейтаяза написал поэму, в которой отмечал, что когда ставится даунлан, то вокруг него трудно разместиться из-за расталкивающих друг друга детей, но все потом едят дружно. Именно по упоминанию даунлана в летописях считается, что изготовление в Бирме лаковых изделий началось в XIV—XV веках в Пагане. Одни утверждают, что ремесло было заимствовано у народов соседнего Таиланда, другие полагают, что пришло оно в Паган из центральных районов Монского государства, которое поддерживало, в свою очередь, связи с Таиландом. Иные находят, что этимология слова «даунлан» восходит к слову «дунлин» (того же значения), а это еще раз свидетельствует о том, что именно народам Бирмы в очень отдаленные времена было известно производство лаковых изделий.

Главными хранителями древнего ремесла считаются 300 жителей деревни Северный Чауккар, близ Пагана, и 250 из Южного Чауккара, которые специализируются исключительно на лаке. Согласно сложившемуся разделению труда, в Южном Чауккаре делают всю черновую работу, а заготовки приобретает затем Северный Чауккар и доводит их до совершенства. Процесс производства длительный и сложный, и изделия получаются легкими, прочными, долговечными, радующими глаз цветом и тонкой профессиональной росписью.

Используемый в работе бамбук сплавом доставляется по реке, разрезается на части требуемой величины, подгоняется под нужные формы заготовки, обильно проклеивается, обволакивается клейкой, заранее приготовленной специальной смесью, покрывается лаком. После просушивания заготовки проходят грубую шлифовку каменными плитками, полируются, снова многократно покрываются лаком и три-четыре дня выдерживаются до полного затвердевания лака. И только потом опытная рука мастера наносит на готовое изделие золотое покрытие или расписывает трехцветным лаком. Самобытную продукцию из предместий Пагана можно встре-

ниги во многих странах, так как ее популярность давно перешагнула пределы Бирмы.

Жители окрестностей Пагана сохраняют вековые традиции в быту, во внешнем облике, в одежде. Длинные волосы у мужчин, стянутые в узелок на макушке, короткие куртки из натурального коричневатого хлопка — лишь немногие внешние приметы старины. Девушки и женщины современным косметическим средствам по-прежнему предпочитают древесную пудру «танаку», которая распространена по всей Бирме. В праздничные дни и в будни желтоватый порошок, смоченный чуть-чуть в воде, щедрыми мазками наносится на лицо, плечи и руки. Непудренные танакой дети ходят в школу, бегают по улицам. На это никто не обращает внимания. Мода есть мода. Из поколения в поколение живет вера в якобы чудодейственные свойства танаки, будто она омолаживает кожу, придает ей особую белизну, предохраняя от загара и от солнечных ожогов, вообще помогает при жаре, даже спасает от дурного глаза. Но популярность пудры в не меньшей степени определяют ее дешевизна и возможность изготовлять в домашних условиях по древнему рецепту. Стоит растереть в порошок кусочек пахучего дерева на специальном круге или даже натереть на терке, смочить водой — и танака в виде густой пасты готова к употреблению. Круг для производства танаки делается, как и прежде, из куска песчаника, который сначала на сутки замачивается в воде, затем камнерезами придается форма довольно толстого диска с ровным желобком для воды по краю. Плоскость центрального пятка, на котором растирается брусочек дерева, должна непременно выступать над всей остальной поверхностью. Такой точильный круг называется «чаупин». Танака известна по крайней мере со времен Авской династии, то есть со второй половины XIV века. Тогда, очевидно, и появились первые чаупины. В начале XVII века один из бирманских королей передал пагоде Шуэмодо в качестве ценного дара специально изготовленный чаупин. В посвященной этому событию поэме неизвестный автор сравнивает середину чаупина с «окруженным водой песчаным островом прекрасных женщин».

С годами и роль чаупина, и его цена значительно понизились. Однако он и сейчас пользуется спросом, ибо бирманки не отказались еще от танаки. Монопольное право основного поставщика чаупинов исторически

принадлежит деревне Чаукар, удобно разместившейся в долине между Шуэминуином и Сагаином. Окрестные холмы и горы, изрезанные глубокими расщелинами, со множеством пещер испокон веков привлекали мастеровой люд. В каменоломни добытки отправлялись не за драгоценными самоцветами, а за простыми плитами серого песчаника для чаупина. Отбить нужный кусок камня — тоже нелегкая работа. Да и спускаться за ним иной раз приходится на многие метры в глубину, а потом идти длинными коридорами пещер и работать там при свечке. В жизни промысловиков бывали и трагические случаи. То свалится неудачно закрепленная глыба, то обрушатся своды пещер и погребут под собой людей. На глубине приходится бороться и с водой. Не каждый кусок песчаника пригоден для чаупина. Камень должен быть не очень твердым, но и не очень мягким, а его поверхность — достаточно ровной и гладкой, чтобы по ней легко скользил брусок танаки, оставляя желтоватую дорожку древесной пудры, которая помимо косметических целей применяется также и в медицине. Бирманские модницы и не представляют, как долг путь превращения камня в станок для производства косметического средства. Идешь по прилегающим к Пагану селениям и видишь, как в распахнутых на все стороны домах женщины старательно «колдуют» над чаупинами, приготовляя свою повседневную традиционную косметику, в которой, как полагают, скрыт секрет вечной молодости.

Так уж повелось, что при каждом посещении Пагана я неизменно заходил в дом теперь уже знакомого чеканщика по меди У Тейн Хла приобрести какой-нибудь сувенир, а иногда ради простого любопытства. На развешанных по всем стенам медных блюдах запечатлены, кажется, все дни из жизни Будды.

Поздоровавшись, У Тейн Хла как-то странно засуетился и исчез в соседней темной камерке. Возвратился с серебряной коробочкой в руках, которую протянул мне со словами:

— Ты спрашивал, что такое бетель. Это символ радости и гостеприимства. Попробуй, будет не так жарко.

«Чтобы хорошо говорить по-бирмански, надо уметь жевать бетель» — пришла на ум поговорка. Убежденный в своей полной беспомощности освоить и то и дру-

но, я между тем спрятал за щеку начиненный кусочками арековой пальмы с небольшим количеством негашеной извести свернутый свежий листок растения бетель (*Piper betle*), хранившийся в специальной серебряной коробочке, и начал медленно пережевывать.

Говорят, что обычай жевать бетель завезли в Бирму индийцы, верившие в то, что богиня здоровья и удачи Лакшми, поселившаяся в некоторых растениях, непременно должна жить и в плотных листьях бетеля. А кто мог устоять перед соблазном получить хотя бы крупицу здоровья богини?

Вначале в листья бетеля заворачивались орешки, плоды арековой пальмы, затем кусочки кардамона, гвоздики, корицы, сухих корок апельсина, табака. Этот гастрономический букет немыслим без основного связующего компонента, негашеной нейтрализованной сладобной извести. В коробочке для хранения бетеля бирманцы держат обычно все компоненты этой жвачки, располагая их там по небольшим отделеньицам. Такие шкатулки, часто из золота, серебра, меди или дорогих пород деревьев, занимали почетное место среди королевских сокровищ, а в свите всегда был человек, отвечающий за свежесть угощения. Рассказывают, что один такой слуга однажды стал даже королем и правил в Пагане двадцать лет.

В древности существовал особый церемониал подношения королю бетеля. А употребляли его все члены королевской семьи, министры и простые чиновники. Это средство считалось тонизирующим и во время особенно бурных заседаний (например, высшего суда) было незамеченным. В юридической практике даже существовала специальная пошлина, которая так и называлась «мзда за листья бетеля и орешки».

Привычка жевать бетель укоренилась во всех слоях бирманского общества — от вельмож до простолюдинов. В качестве особых пожертвований его получали монахи. Дедушки и бабушки, преисполненные лучших побуждений, баловали бетелем внуков и внучек. Уходящему в военный поход солдату жена всегда передавала коробочку с бетелем как символ любви и чистоты, как талисман, приносящий удачу. А если уж погибал солдат, то с ним хоронили и заветную шкатулку. Девушки дарили бетель приглянувшимся парням в знак признания его своим избранником. И сами жевали, чтобы подкрасить выделяющимся красным соком губы. И теперь

в Бирме не обходятся без бетеля, которым заканчивается праздничное угощение, да и так жуют, прямо на улицах, выплевывая красную смесь прямо под ноги. Да, обычай употребления бетеля упростился, исчезают из домов коробочки для хранения его составных частей, которые раньше в соответствии с положением хозяина были различных размеров, многообразными по форме и украшениям. И тем не менее традиция живуча. С полным набором ходят по улицам и базарам торговцы. Бетель жуют якобы для укрепления десен и поднятия тонуса, от голода и от жажды. Некоторые пристрастились к нему как к легкому наркотику. Нередко даже в солидном учреждении встретишь собеседника с красными от бетеля губами и зубами.

Может быть, лет через двадцать он и исчезнет в Рангуне, но в Пагане, этом вечно древнем городе Бирмы, вряд ли.

Днем жизнь в Пагане кипит как в муравейнике. Толпы туристов осаждают его старинные памятники, на расхват покупают прекрасные лаковые изделия. Некоторые храмы и пагоды окружены строительными лесами. Седой Паган потребовал от человека срочной помощи, и она пришла. В 1978 году бирманцы пожертвовали на реставрацию города четыре миллиона кьят, и с тех пор общественная касса продолжает пополняться. Встречаются такие, кто называет Паган мертвым городом. Но разве он мертв? Скорее, он уснул когда-то, в глубине веков, чтобы потом поражать своим великолепием.

Взглянешь с высоты какого-нибудь храма — и на тебя повеет живой стариной от бесчисленных пагод, раскинувшихся до самого горизонта...

ВИД С МАНДАЛАЙСКОГО ХОЛМА

Как ни стремителен современный легковой транспорт, а покрыть расстояние в 622 километра от Рангуна до Мандалая, второго по величине города Бирмы, едва удастся за полный солнечный день. Узкая асфальтированная дорога, на которой порой трудно разминуться с упряжкой буйволов или грузовиком, долго ведет мимо провинциальных городишек, малолюдных селений с бамбуковыми хижинами, по безжизненным равнинам,

пока не расплывается под колесами широким полотном в нескольких десятках километров на подступах к Мандалаю.

Столица последних бирманских королей встречает небесками заходящего солнца. Еще мгновение — и его биряный отсвет тонет в тихой заводи широкого рва, опоясывающего трехметровую зубчатую стену бывшего королевского дворца — главной достопримечательности и гордости Мандалая. Утром образующие квадрат (со стороной два километра) стены из красного кирпича производят впечатление грандиозного, построенного на века сооружения. Во дворец вели двенадцать ворот, через каждые 200 метров — кирпичные башни с многоярусными крышами и шпилями, с прорезями бойниц — грозное напоминание врагам о силе и могуществе королей, последних бирманских королей Миндона и Тибо. Эта цитадель, однако, оказалась не столь сильной, как выглядела, и пала в 1885 году, когда в Мандалай вошли британские колониальные войска и пленили Тибо. Часть дворца была разрушена, часть сожжена, но в основном он сохранился, а вот в годы второй мировой войны, когда бомбардировками и артиллерийскими обстрелами англичане выбивали из крепости засевший в ней гарнизон японских захватчиков, дворец, занимавший площадь более 1400 квадратных километров, сгорел дотла. Выжили только крепостные стены. Тиковый макет дворца размерами пять на пять метров находится в Рангунском национальном музее. На территории же бывшей мандалайской резиденции королей также соорудили какое-то подобие дворца, которое наряду с остатками каменных стен, одиноких парадных лестниц и 600 каменных плит с древними письменами из коллекции манускриптов короля Бодопаи представляет собой музей, нуждающийся в заботливых руках реставраторов.

Воображение, следуя рассказу местного гида, создаст редкий шедевр бирманской архитектуры и строительного дела, отличающийся красотой внутренней и внешней отделки. Лучшие мастера королевства тесали из камня и вырезали на дереве замысловатые узоры, расписывали стены золотом и покрывали их цветными лаками, украшали яшмой и мозаикой из зеркальных стекол. Сотни ажурных деревянных «теремков» королевского гарема теснились у дворца.

Ятанапоуном («средоточие сокровищ») называли Мандалай, пока он не приобрел свое настоящее имя

в 1856 году, когда предпоследний король Миндон перенес сюда столицу. Город был переименован по названию местной горы Мандалай, а вернее, холма, поднимающегося на 236 метров в восьми километрах от дворца. На вершине холма, где, по преданиям, Будда читал ученикам свои проповеди, стоит его каменное изваяние. Колосс указывает перстом на королевский дворец, словно призывая к поклонению своему наместнику на земле. Однако не все преклонялись перед самим королем. Около пагоды Сандамуни сохранились захоронения членов королевской семьи, погибших в 1866 году во время дворцовых интриг и покушения на Миндона.

С высоты Мандалайского холма открывается величественная панорама сооружений времен Миндона, которого обуревала неукротимая страсть сотворить еще одно чудо градостроительства из камня, дерева, в золотой оправе. Там, внизу, слепят глаз белоснежные зонтики комплекса пагоды Чауктаджи, которая строилась 25 лет, начиная с 1853 года. Статуя Будды из мрамора, добытого в нескольких километрах от Мандалая, стала главной реликвией пагоды. Говорят, что глыбу перетаскивали до места закладки храма 13 дней 10 тысяч человек. Сам король следил за тем, чтобы пагода имела сходство с замечательным творением в Пагане — храмом Ананда.

В нескольких сотнях метров от холма белеют стройные ряды 730 мраморных стел пагоды Кутодо. Уникальный исторический памятник — место паломничества буддистов из многих стран — хранит на мраморных плитах весь свод буддийских трактатов. Высеченные на стелах тексты составляют 35 томов по 400 страниц в каждом обычного типографского издания. На 111 плитах каменной «книги» начертан буддийский дисциплинарный устав, на 208 — разместились метафизика, 410 — заняли проповеди Будды и комментарии на пали. 730-я стела, установленная на юго-восточной стороне платформы пагоды Кутодо, повествует об истории создания комплекса.

Идея сооружения пагоды у подножия Мандалайского холма также принадлежит королю Миндону. Строительство началось 14 октября 1860 года и завершилось 4 мая 1868 года. Добытый на возвышенности в 50 километрах к северо-востоку от Мандалая мрамор доставляли к реке Каламал и транспортировали затем к королевскому дворцу. 50 искуснейших резчиков по камню

аккуратно выводили витиеватые строчки священного писания под присмотром четырех монахов, 30 старших редакторов и 50 помощников редакторов, которым пришлось пересмотреть 86 тысяч разделов основного буддийского канона. Проходило порой десять дней тяжелого кропотливого труда, чтобы «исписать» только одну сторону стелы.

Годы пощадили это единственное в своем роде национальное культурное наследие, но не уберегли многие мандалайские памятники бирманского зодчества. Чуть южнее пагсды Кутодо напоминают об изысканном архитектурном ансамбле развалины монастыря Атумаши Чаун. Несколько в стороне чернеют остатки великолепного деревянного монастыря Шуэнандо, возведенного последним королем Тибо. Облицованный знаменитой бирманской мозаикой из стекол, с колоннами, покрытыми сусальным золотом, монастырь словно пылал солнечным жаром, дополняя праздничное убранство города.

У подножия Мандалайского холма, у входов во многие храмы и у пагоды несут бессменную службу грозные стражники, мифические львы-чинте. Они сидят на задних лапах с разинутой пастью и обнаженными клыками. Пожалуй, ни один из представителей животного мира не пользовался у народов такой популярностью, как лев. Царь зверей в мраморе и бронзе «охранял» дворцы императоров и их усыпальницы. Он устрашающе влирал с боевых знамен и щитов, был неотъемлемым персонажем героических поэм, в которых восхваляли его силу, храбрость и ловкость. Изображение могучего зверя появлялось на государственных гербах даже тех стран, в которых лев, собственно говоря, никогда и не встречался.

В Бирме ко льву относятся с особым почитанием. С давних пор он считался своеобразным символом национального характера. Каменные изваяния львов находят при раскопках древних городов и храмов. Страшные чинте отчеканены на монетах. Их резные фигуры из лучших пород дерева подпирали троны бирманских королей, восседая на которых венценосцы принимали своих министров и иностранных послов, утверждали важные государственные решения. Наиболее знаменитый из таких тронов — Тихатана Палин — был вывезен в свое время англичанами после завоевания Верхней Бирмы и возвратился только после получения страной

независимости, став одним из главных экспонатов Национального музея Бирмы. Вслед за английским королем Ричардом I Львиное Сердце пять бирманских королей не удержались от соблазна возвеличить себя, приставив к своему имени слово «лев». Самые мощные изваяния чинте сидят около Мандалайского холма, у подступов к храмам Шуэзандо в Пьи, Шуэзигона в Ньяуну. В XVIII веке король Бодопая, отличавшийся честолюбием и гигантоманией, воздвигнул наряду с огромной пагодой две громадные, почти тридцатиметровые фигуры чинте. На сооружение каждой пошло около 800 тысяч кирпичей.

Обезглавленные в результате землетрясения в 1839 году монументальные исполины до сих пор поражают в Мингуне туристов.

В нынешние времена в Бирме чинте в различных вариациях — любимая тема резчиков по дереву, чеканщиков по серебру и меди. Они украшают ювелирные изделия и сувениры, предметы ширпотреба. Великое их множество окружает рангунские пагоды, храмы. Каменные часовые стоят на территории Рангунского университета и у Обелиска независимости в самом центре бирманской столицы. И как символ национальной гордости и величия — два льва на государственном гербе Бирмы.

Десятки малых и больших пагод и монастырей доживают свой долгий век в Мандалае, центре буддизма и национальной культуры. До сих пор в бывшей столице находится вместе с прибывающими по религиозным случаям примерно третья часть из более чем ста тысяч всех живущих в Бирме монахов. Город некогда собирал весь цвет нации: высшее буддийское духовенство, известных ученых, литераторов, художников и актеров, ювелиров и скульпторов, талантливых танцоров и музыкантов.

Заговори с любым мандалайцем, и он будет доказывать, что Мандалай — сердце традиционной бирманской культуры, а по богатству исторических буддийских памятников середины XIX века с ним не может сравниться ни один город Бирмы.

Говорят и о зарождении здесь искусства музыки и танца, а кто-нибудь из собеседников обязательно обронит печальные слова о потерянной славе первого города Бирмы, тесно связанной с именем популярного зодчего короля Миндона, во времена которого появилась в

Мандаляе и периодическая печать: в 1874 году здесь вышла первая на бирманском языке газета «Ятаншоун».

Мандалай словно расчленен на два несовместимых, но сжившихся друг с другом города. В одном, древнем, хранящем музейные следы расцвета бирманской культуры прошлого века, закончилась династия бирманских королей, в другом, построенном на современный лад, началась новая история города. Вторая мировая война разрушила третью часть Мандалая. Новые здания в современных кварталах заполнили бреши, заново построены целые кварталы. И все-таки город не потерял своеобразной прелести. Островки реликвий бирманского классицизма, кварталы классической английской колониальной архитектуры, колоннады и балконы, зонтики над входом и купола мечетей, китайские храмы и острые шпили католических костелов определяют лицо бывшей столицы.

С самолета он кажется скроенным по идеальной геометрической модели. Прямые длинные и довольно широкие улицы, бегущие с востока на запад, обозначены буквами, пересекающие же их с севера на юг — порядковыми числами. Город расположен на площади 66 квадратных километров. С востока окружен голубыми Шанскими холмами, с запада его обегает великая Иравади. Мандалай, где в год выпадает осадков не более 70 сантиметров, считается самым сухим местом в тропической влажной стране и самым жарким с максимальной температурой летом 40 градусов.

Из 417 тысяч жителей Мандалая многие потомственные резчики по камню и дереву, золотых дел мастера, чеканщики по серебру и меди, талантливые тонচারы. По соседству с пагодой Махамьямуни целую улицу занимают доморощенные скульпторы, набившие руку на изготовлении изваяний Будды. Производство тончайших золотых пластинок для покрытия пагод и художественных изделий прикладного искусства сосредоточено в юго-восточной части города. С давних времен большие партии необработанного нефрита доставлялись в Мандалай из месторождений на севере. Здесь его резали, шлифовали, вправляли в золото и серебро. Местные ювелиры сохранили тайну изготовления изящных изделий с драгоценными и полудрагоценными камнями, пользующихся большим спросом на мировом рынке.

Судя по археологическим раскопкам, нефрит был

известен в Бирме еще в III веке. В местах расселения древнего народа пью находят нефритовые кольца, изображения слонов, птиц. Но особого распространения на своей родине минерал тогда не получил, а позже, в Паганский период, стал играть важную роль в развитии отношений между Бирмой и Китаем, так как считался одним из наиболее ценных даров, хотя Китай — самая древняя родина нефрита. Китайцы достигли высокого искусства в обработке этого камня. В древности из него делали наконечники стрел, статуэтки, амулеты, музыкальные инструменты, предметы культовых обрядов. Люди верили в сверхъестественную силу камня, само обладание которым сулило якобы удовлетворение всех духовных потребностей. В Китае считали также, что в нефрите содержится эликсир жизни и он возвращает молодость и продлевает жизнь. Знать принимала даже внутрь концентрат толченого камня и золота, разведенных в воде. Считалось, что нефрит вообще предохраняет от всех напастей, и мудрецы, философы, алхимики старались пить из нефритовой посуды. Вельможи хоронили в нефритовых саркофагах, предметы из этого камня помещали в могилы. Минерал превратился в символ счастья, удачи и благополучия. Отголоски верований сохранились до сих пор.

Бирманские нефриты издавна ценились очень высоко в коммерческом мире. Не случайно большую партию минералов из Бирмы заказал на свою свадьбу в 1872 году китайский император Тунчжи. Великолепные камни добываются главным образом в Качинской национальной области. Добыча велась примитивнейшими способами с задабриванием духов гор и джунглей в маленьких шахтах, вмещавших от одного до трех человек. Да и теперь поиски камней во многом зависят от случайности и удачи. Широкие промышленные разработки затруднены отсутствием достаточной техники, надежных путей сообщения, действиями вооруженных сепаратистских группировок и контрабандистов.

Поистине сенсацию вызвало сообщение в бирманской прессе о находке в 1981 году в Качинской национальной области нефрита весом свыше девяти тонн, который был признан самым громадным в мире. А спустя два года королем традиционного аукциона драгоценных камней и жемчуга в Рангуне стал нефрит-рекордсмен весом 33 тонны. Он был найден одним из отрядов сепаратистов и долго служил причиной раздора между со-

причинами группировками. Право на глыбу оспаривали в ожесточенных перестрелках. Бандиты намеревались взорвать камень и по частям продать его за границу. В конце концов судьбу редкого минерала решили правительственные войска, которым удалось отбить его у банд. Уникальный экспонат даже не охранялся, так как его трудно сдвинуть, больших трудов стоило доставить его с севера Бирмы в столицу.

Ю-бирмански нефрит называется «чаусейн», что означает «зеленый камень», хотя минерал имеет гамму оттенков — от белого до фиолетового, включая все тона зеленого. Очевидно, в старину ему дали такое название из-за его самой ценной разновидности, не уступающей по красоте лучшим изумрудам. В Рангунском национальном музее три золоченых дракона бережно поддерживают обработанный изумрудно-зеленый уникальной чистоты «королевский» джейд достоинством 750 каратов. Его стоимость оценивается в два миллиона долларов. Междуречье Чиндуина и Иравади в Качинской национальной области — единственное место в мире, где добываются «королевские» джейды — особая гордость бирманцев и одна из доходных статей экспорта.

Важным событием в жизни бывшей столицы стало открытие у подножия Мандалайского холма 31 января 1976 года первого в стране института народной медицины. Осенью этого же года при нем был построен госпиталь и отведен участок, на котором было высажено более тысячи различных видов целебных растений. Правящая партия ПБСП взяла под контроль как подготовку кадров народной медицины, так и стационарное клиническое лечение.

Истоки народного врачевания в Бирме уходят в древность настолько, что можно лишь догадываться о его примерном возрасте. Потеряны многие секреты чудодейственных снадобий. Стерлись из памяти народа имена даже знаменитых в свое время эскулапов, не говоря уже о тех, кто ходил от хижины к хижине с набором простых доступных целебных средств, помогая людям избавиться от многих хворей. Первые сведения из области медицины поступали в Бирму из соседней Индии. Что-то заимствовалось из книг, что-то приносили сами индийцы, переселявшиеся в Бирму. Со времен первых паганских правителей и до последнего бирманского короля Тибо, плененного и высланного англичанами в конце XIX века, в Бирме было зарегистрировано

160 сочинений по индийской медицине и 95 — по бирманской.

В период британского колониального господства в Бирме многое уцелело из наследия древности. Созданная в 1930 году англичанами комиссия по изучению народной медицины зафиксировала лишь исчезновение многих ценных трудов. В годы хозяйничанья японских интервентов при чрезвычайной скудости медицинских средств бирманцы особенно часто обращались к народной мудрости.

Бирманцы считают Мандалай своей духовной столицей, они охотно приезжают учиться в его старый университет и другие учебные заведения, а также обучаться мастерству живописи и театральному искусству.

Исторически Мандалай был перекрестком торговых путей, и сейчас по густой сети дорог в город стекается продукция внутренней Бирмы и импортные товары из соседних стран. Однако крупным промышленным центром Мандалай так и не стал, хотя на Мандалайскую область приходится 15 процентов промышленных предприятий страны. В окрестностях Мандалая ткнут легкую шелка с традиционными орнаментами, а основное ткацкое производство сосредоточено примерно в 30 километрах от Мандалая, в Палейке. В городе имеются целая сеть небольших предприятий легкой и пищевой промышленности, работающих на местный рынок, и единственный в стране пивоваренный завод.

С наступлением сумерек и со спадом духоты у города как бы открывается второе дыхание. Он словно оживает, погрузившись в дела и заботы, наводнив улицы транспортом, гулом и гомоном толпы. Слабое дуновение с Иравади разносит пряные запахи многочисленных ресторанов и харчевен с бирманской, индийской и китайской кухней, к которым примешивается дымок от уличных мангалов и жаровен. Группки горожан подтягиваются к популярным кинотеатрам. Другой людской поток выносит к ночному базару — своеобразному аттракциону Мандалая.

Знаменитый мандалайский базар Зейджо на 26-й улице был построен в 1903 году первым секретарем городского муниципалитета итальянцем Калдрари в виде длинного здания со множеством магазинов. Самые красивые девушки в дорогих украшениях и нарядах обслуживали когда-то покупателей. И народ валил на базар, чтобы поглазеть на красавиц. Тогда торговали в основ-

ном бирманскими товарами: зонтиками, шелками, ювелирными и лаковыми изделиями. Теперь Зейджо известен не столько своим происхождением и архитектурными достоинствами, сколько обилием товаров, которые не умещаются в торговом центре.

По вечерам целая улица официально отдается властями торговцам, которые в мгновение ока баррикадируют ее лотками или просто устилают циновками, на которых раскладываются товары. У местных коробейщиков товар в основном заморский. Яркие термосы, предметы ширпотреба, лекарства из соседнего Китая. Продукция разнообразнее и побогаче, в том числе тайландского и японского происхождения, попадает на рынок тем же контрабандным путем по каналам приграничной торговли, на которую власти порой закрывают глаза в условиях ограниченных пока возможностей национальной промышленности. Зейджо — в известной мере экономический барометр и последнее время показывает на позитивные перемены. Рынок начинает насыщаться бирманскими товарами из многих национальных областей страны. Долго не утихает суета на ночной мандайской ярмарке, пока торговцы не разберут уличные баррикады.

Пройдет десяток лет, и новый вид откроется на город с Мандайского холма. Разрабатываются планы новостроек, освоения пустующих земель в окрестностях города. Центром всеобщего внимания на одной из выставок достижений национальной экономики в Рангуне стал павильон Мандайской области, где были выставлены на обозрение макет дамбы и огромная карта юны, которая будет покрыта сетью ирригационных сооружений. В скором времени предстоит строительство самого грандиозного в истории страны комплекса многоцелевого назначения. Проект предусматривает не только оживление мертвых земель, но и получение электроэнергии, столь необходимой для индустриального преобразования республики.

ГОРОД РУБИНОВОГО ПРИЗРАКА

Обычно в феврале в центральной рангунской гостинице «Инья-лейк» странствующих иностранных туристов сменяет сугубо деловая публика. Ценители и знатоки

драгоценных камней слетаются из многих стран мира на аукцион бирманских самоцветов, устраиваемый ежегодно начиная с 1964 года. Много дней подряд сотни дельцов ведут бесконечные торговые переговоры, оскальзывая друг у друга право на обладание жемчугом, рубинами, сапфирами, нефритом, исключительность которых не дает им покоя.

Среди драгоценных камней, добываемых в Бирме, рубины и сапфиры всегда считались лучшим украшением национального букета минералов. Издревле и до сих пор рубины пользуются особым почитанием. Еще в старину сложилось представление, что рубин — это камень тех, кто родился в один из воскресных июльских дней, камень вечной любви, верности и счастья. Ему приписываются магические свойства продлевать жизнь, укреплять сердце, отводить опасность и рассеивать тревожные мысли. Древние верили, что он сочетает в себе в равной степени теплоту и холодность, стимулируя трезвую рассудительность. В кольцах рубин всегда занимал центральное место среди других драгоценных камней, включая бриллианты. По старинке его носят на безымянном пальце правой руки как женщины, так и мужчины.

Рубины — прозрачная разновидность корунда красного цвета, окрашенная примесью окиси хрома, — зарождались в недрах земли миллионы лет назад под действием высоких температур и давления. Природа закалила минерал, создала его вторым после алмаза по твердости и первым по плотности. Рубин обладает высоким индексом отражения граней. Его ценность определяется лучезарностью, цветовой гаммой, огранкой, а также размером.

Бирманские рубины местное население подразделяет как бы на три категории по цвету — это рубины цвета голубиной крови, кроличьей и крови цыпленка. Камни первой категории считаются самыми изысканными и дорогими. Их натуральный полыхающий красный блеск можно сравнить разве что с сиянием лучей раннего восходящего солнца, которое робко делится своим теплом, пробуждая живительные силы земли. Микроскоп фиксирует это пульсирующее биение жизни в рубине, его незаметную для вооруженного глаза двухцветность, скрытый переход от густо-красного до оранжево-красного оттенка, от чего создается впечатление, что камень наполнен огненной жидкостью. Искусно ограненный

рубин без каких-либо погрешностей здесь ценится дороже, чем бриллиант такого же размера.

Считается, что по глубине внутреннего цвета и чистоте бирманским рубинам нет равных в мире. Им уступают даже самоцветы Таиланда. Во все времена они были предметом вожделения сильных мира сего, являлись символом величия бирманских королей, украшая руки индийских махараджей, служа украшением британской короны. В 1948 году дочь английского короля Георга VI принцесса Элизабет получила из Бирмы свадебный подарок в виде рубинового ожерелья из 98 камней — последняя дань колониальной державе. Теперь недрами распоряжается независимое, свободное государство, а национальные сокровища служат его процветанию.

Когда идешь по выставочным залам аукциона в гостинице «Инья-лейк», чувствуешь, будто ты околдован магическим сиянием. Каждому камню мастер сумел придать только ему свойственный, неповторимый колорит. Изменчивые тона голубых переливов благородных сапфиров, солнечные восходы и закаты рубинов, нежная пелена «королевских» джейдов — целая радуга самоцветов, которыми богата бирманская земля. Я попросил одного из постоянных гидов эмпориума, У Вин Пе, показать самый ценный камень. Он подвел к одной витрине и выжидающе посмотрел на меня. Среди россыпи искрящихся самоцветов под стеклянным колпаком попался размером с ноготок мизинца овальный рубин в 1,1 карата. На белом шелке он выглядел свежей каплей крови, темно-красным огоньком, и его сияние затмило всех благородных собратьев. Обозначенная в 54 тысячи американских долларов цена подчеркивала его превосходство и исключительность. Предупреждая восторги и удивление, У Вин Пе заметил:

— Этот камень цвета натуральной голубиной крови чем-то напоминает по описаниям знаменитый рубин «Нгамаук». Но тот, говорят, был еще прекрасней, богаче «голубиным» цветом. Вы знакомы, очевидно, с легендарной историей «Нгамаука»? — поставил меня в тупик эксперт по драгоценным камням.

Я не стал тогда разочаровывать собеседника своей несведомленностью, полагаясь на возможность еще узнать о приключениях таинственного камня.

Город Могоу и прилегающие районы — древняя кладовая великолепных рубинов и сапфиров. В долине, где

он теперь находится, поселилось две с половиной тысячи лет назад кочующее племя монго. На дне озера в центре города археологи находят при раскопках каменные наконечники копий, бронзовые рыболовные крючки, глиняные плиты от печей. Среди памятников ранней цивилизации не встречается таких, которые свидетельствовали бы о том, что древние поселенцы занимались добычей самоцветов. Из некоторых источников известно, что разработка рубинов началась в VI веке предприимчивыми шанами, одним из народов Бирмы, населяющим значительную часть северо-восточных нагорий и Шанское плато. Но к драгоценным кладовым Могоу рука человека прикоснулась только в начале XIII века.

Однажды, как только растворилась ночная мгла и чуть заалел восток, рассказывает легенда, из шанской деревушки вышли трое с белыми повязками на голове, в широченных брюках, с дорожными сумками через плечо и охотничьим снаряжением. Видно, не близок был путь — охотники торопились. То ли дикий зверь оказался проворней, а возвращаться без трофеев не хотелось, то ли заманили неизведанные живописные места, но никто из охотников не заметил, как сбились они с дороги, а тут незаметно подкрались сумерки. Усталость свалила людей — под раскидистым деревом у подножия высокого холма они заночевали. Утром их поднял тревожный крик воронья и коршунов, которые кружили над холмом, словно нацеливаясь на добычу. Осмотревшись, охотники увидели на холме оползень, обнаживший похожие на кровавые сгустки камни. Примерно так, совершенно случайно, в Бирме было обнаружено в 1217 году богатейшее месторождение рубинов на месте теперешнего Могоу.

Имя городу дали шаны, назвав его Меинкук. «Меин» по-шански означает «город», «кук» — «крутой склон». Другие окрестили город «Меинку», где «ку» переводится как «большая бамбуковая шляпа», которую носят шаны, что как нельзя лучше отвечало рельефу местности Могоу, расположившегося в долине, окруженной со всех сторон словно надвинутыми на нее огромными «шляпами» — покатыми горами и холмами. Существовало и третье название Могоу — «Меинкут», то есть «город с прохладным климатом». Прошло несколько столетий, прежде чем Могоу стал известен под своим нынешним именем.

Он удобно разместился среди гор в прохладной зеленой долине на расстоянии почти 60 километров от Иравади и 177 километров к северо-востоку от Мандалая.

Долгие годы монопольным правом на разработку рубинов в Могоу пользовались шанские собвы (князья). Бирманские короли получали от шанов только дань в виде налогов. Чем дальше расползалась молва о несметных сокровищах Могоу, тем завистливее становились правители. Может быть, бирманский меч и прогулялся бы по земле рубинов, если бы шанские собвы не оказались столь сговорчивыми. В начале XV века, во времена правления короля Мингауна, удалось мирно обменять рубиновые разработки на 12 деревень, принадлежавших бирманской царской короне. К концу столетия рубиновый бум навеки вписал Могоу в бирманскую историю, а сами драгоценные камни стали исключительно королевским украшением.

В Могоу потянулись искатели счастья из разных уголков Бирмы. И счастье порой улыбалось им, более того, удача будто веками поджидала пришельцев. Во время правления короля Байиннауна (1550—1580) в окрестностях Могоу селяне, расчищая от буйной растительности участки вокруг своих домов, часто обнаруживали в комьях земли драгоценные минералы. Самоцветы находились повсюду, стоило где-нибудь копнуть. Часто приезжих из отдаленных мест жители Могоу встречали с большим лотком-подносом, наполненным камушками, перемешанными с песком, предлагая «слепой» обменный торг. Часто за такой поднос, на котором не всегда могли оказаться ценные камни, менялы просили хорошего коня. Только после состоявшейся сделки прежний хозяин коня мог проверить содержимое подноса, и если среди гальки и песка он находил самоцветы, то сразу же становился богачом. В те времена бытовала даже шуточная притча, смысл которой сводился к тому, что за лоток простых камней и песка можно получить коня.

Могоу разрастался. Гуще и длиннее становилась сеть траншей рубиновых рудников, глубже в недра опускались старатели. Благодатная земля казалась неистощимой, преподнося сюрприз за сюрпризом. Однажды, в 1661 году, переселенец с дельты реки Чиндуин по имени Нгамаук возвращался поздней ночью домой. Взошла полная луна, и вдруг в ее отсветах в глубине приусадебного участка что-то полыхнуло. Нгамаук пошел

на тлеющий огонек и обнаружил камень размером с добрый орех арековой пальмы. Гладкий, отшлифованный рубин достоинством свыше 90 каратов словно горел изнутри. Исходящий от него свет проникал сквозь пальцы в зажатом кулаке Нгамаука. Рубин горел, как лампада, в темной хижине.

Утром собрались все родственники Нгамаука любоваться чудом. Молоко в стакане становилось вишневого цвета, когда в него опускали камень. Рубин словно растворялся в жидкости. Его закрывали несколькими слоями полотна, но красный свет пробивался наружу. После всех «экспериментов» в доме Нгамаука состоялся тайный совет. В соответствии с королевским указом необыкновенный рубин следовало доставить во дворец, но «совет» решил перехитрить короля. Нгамаук расчленил рубин на две половинки и одну из них преподнес королю. Тот принял дар и назвал самоцвет «Нгамаук». С тех пор этот непревзойденный по красоте рубин вошел в бирманскую историю. Овеянный легендами и преданиями, он прожил долгую жизнь, судьба же его первого обладателя, как рассказывают в народе, сложилась трагически.

Вторую половинку камня Нгамаук отправил с братом жены Маунг Шиве в Китай для продажи. В Китае в те времена краха династии Мин было неспокойно. Некоторые китайцы искали приюта в соседней Бирме. Вместе с беженцами в Бирму волею судьбы возвратилась и половинка «Нгамаука», которая также была подарена королю. Когда король сложил обе половинки рубина, он тут же обнаружил обман и, разгневавшись, повелел казнить нашедшего драгоценный камень Нгамаука путем сожжения, а заодно и всех его родственников до седьмого колена.

Эта легендарная история передается и в другой интерпретации — со счастливой развязкой. Рассказывают, что на западном берегу реки Чиндуин, в деревушке Маунтай, жила бедная крестьянская семья: Нгамаук и его жена Ма Ну. Однажды во время полевых работ крестьянский плуг выкорчевал из земли камень, который излучал яркий красный свет. Перепуганные супруги подумали, что в него забралась какая-то небесная сила. Камень горел так ярко, что за ужином не надо было зажигать светильник. О находке прослышал король и послал к Нгамауку гонца, чтобы отобрать рубин. Камень получил имя «Нгамаук», и король щедро возна-

градил крестьянина, наделив его землей в две мили радиусом вокруг дома.

Предания старины живучи, объединяя в себе истину и вымысел. Но кто рискнет теперь реставрировать первоначальную истину народной саги о сказочно-великолепном рубине? Жители Чальина, города-спутника Могоу, до сих пор с гордостью утверждают, что знаменитый рубин был найден именно в их районе, а не в Могоу, как принято считать, и его первый обладатель Нгамаук был сожжен за обман короля вместе с родственниками на бамбуковом помосте в близлежащей деревушке Лаунзин. Вам покажут даже точное место экзекуции и заверят в том, что деревня получила свое страшное название именно в связи с некогда совершенной казнью, ибо «лаунзин» значит «помост для сожжения». Так или иначе, рубин «Нгамаук» действительно существовал, и его происхождение достаточно древнее.

Во времена правления предпоследнего бирманского короля Миндона (1853—1878) популярность рубинов настолько возросла, что сам король пустился в торговые операции с чужеземцами и держал в столице для этих целей специальных оценщиков. Могоуские старатели — поставщики драгоценных камней — пользовались такой благосклонностью короля, что тот позволял им иногда вкушать с королевского стола. Однажды Миндон отправил в Лондон с миссией дружбы своего министра У Кауна, который долго не возвращался, а по прибытии сказал, что на переговорах англичане домогались права на приобретение могоуских рудников и со своими предложениями намерены приехать в Бирму.

Вскоре британская делегация действительно прибыла в Бирму, встретила с королем и передала приветственное послание от ее величества королевы. Во дворце начался спектакль, задуманный по сценарию У Кауна. В приемный зал слуги неожиданно внесли на золотых и серебряных подносах прекрасные сапфиры. Король, как будто ни о чем не ведая, вопросительно поднял голову. Ему тотчас доложили, что драгоценные камни только что доставили во дворец ювелиры в подарок королю. Миндон велел послать кого-нибудь за оценщиком. В роли оценщика выступил министр У По Хлайн, который определил стоимость одного сапфира в тысячу кьят. Король показал сапфиры членам английской делегации и каждому подарил лучшие из них.

Англичане сочли начало многообещающим. Но это было лишь началом дворцового спектакля. Вдруг опять появились слуги с золотым подносом, на котором горели огнем изумительные могоуские рубины. Вновь доложили Миндону, что по его велению народ преподносит ему самые ценные находки. На глазах изумленных заморских гостей король повторил сцену с оценкой — на этот раз рубинов. У По Хлайн долго изучал их, а затем смущенно заметил, что, согласно заветам предков, рубины нельзя оценивать. По настоянию короля министр все-таки назвал приблизительную цену лучшего из камней: десять тысяч кьят. И опять каждый член английской делегации получил по дорогому подарку.

Открылись двери королевской приемной в третий раз, и гости застыли в изумлении, увидев на золотом подносе уникальный «Нгамаук». Камень поместили в сосуд с водой, накрыли белым полотном, сложив его вшестеро, и все обнаружили в середине ткани красное световое пятнышко: рубиновый сгонь пробивался наружу. Гостям рассказали, что рубин горит, как лампада, в темноте. Оценить рубин никто не осмелился. Королевский министр гордо заявил, что «Нгамаук» стоит столько, сколько стоит вся страна.

На могоуские рудники зарились и французы, которые время от времени наезжали в Бирму и затевали торги. Каждый раз «Нгамаук» стойко защищал национальные интересы. Миндон неизменно утверждал, что если заморские гости не могут назвать стоимость даже одного драгоценного минерала из Могоу, то как же они собираются приобретать рудники, на которых добывается множество таких же прекрасных рубинов.

Оказывая сильное давление на короля Тибо, сына Миндона, Франция попыталась на договорных началах все-таки завладеть могоуским месторождением или хотя бы получить косвенный доступ к драгоценным камням. Пока французские представители вели безуспешные переговоры, предлагая различные проекты договора, Англия, почуяв соперника, попыталась завладеть страной, двинув на Бирму свои войска.

Оккупировав в ходе третьей англо-бирманской войны значительную часть Бирмы, в ноябре 1885 года британские войска подошли к королевской столице Мандаляю. В предчувствии катастрофы последний бирманский король Тибо, капитулировав, пытался выторговать себе трон и какое-то псдобие независимости стране, но коло-

инструкторы оставались непреклонными. Британский генерал-майор Прендергаст потребовал безоговорочной сдачи Мандалая, гарантируя королевской семье жизнь. Тибо пришлось принять ультиматум.

28 ноября 1885 года город словно и не просыпался. А может быть, он вовсе и не засыпал, встревоженный и затаившийся в предчувствии беды? Молчали монашеские колокола, не слышался скрип телег, затих людской гомон, даже собаки не лаяли. Сквозь щели бамбуковых хижин мандалайской окраины перепуганные бирманцы встречали завоевателей. Их было много — спокойных и уверенных в своем превосходстве. Столица покорно впускала чужеземцев. Грозные бойни у королевского дворца молчали.

Располагая информацией о намерении короля Тибо бежать в город Шуэбо, Прендергаст первым делом распорядился окружить дворец, где прятался король. Однако генерала интересовал не столько сам Тибо, сколько несметные сокровища, накопленные царствующими династиями, которые могли стать достойным трофеем Великобритании. Блокировав все подходы ко дворцу, Прендергаст направил к королю для ведения переговоров о его дальнейшей судьбе полковника Слейдена.

Тем временем в королевской резиденции царил переполох. Придворные металась по залам, стаскивая в кучу наиболее ценное королевское имущество. Наивный двадцатилетний низложенный правитель еще надеялся на чудо. Когда в дверь постучался полковник Слейден в сопровождении офицеров и солдат, испуганная королевская чета сидела среди узелков с наспех упакованным добром. Низкорослый смуглый король сжался от растерянности и смятения и казался нашкодившим ребенком. Быстро оценив атмосферу паники во дворце, Слейден приказал выставить стражу у всех дверей, чтобы суетившаяся челядь не вынесла ненароком вместе со своими пожитками какие-нибудь ценности. И все-таки не заметила стража, как исчезло самое дорогое королевское сокровище — лучезарный «Нгамаук».

Позже в своем дневнике четвертая принцесса, любимая дочь Тибо, запишет, что никто, кроме нее, отца и матери, не знал, куда девался «Нгамаук». До отправления их в Рангун полковник Слейден попросил показать ему этот рубин. Отец и мать принцессы вынули из коро-

бочки для бетеля камень и передали ему. Слейден осмотрел его, затем, как бы забыв возвратить, опустил в свой карман, а те и не стали просить вернуть его. Легендарный рубин действительно пропал, а английские историки, пытаясь спасти честь мундира Слейдена от позорных подозрений в грабеже, ссылались на неразбериху в королевском дворце и возможную корысть дворцовой прислуги.

Тем не менее весть об исчезновении «Нгамаука» еще долго не давала покоя многим. Верховный комиссар в Бирме Чарлз Бернард, заинтересовавшись пропавшей ценностью, поручил одному из комиссаров, Уайту, провести расследование. В декабре 1886 года Уайт встретился с бывшим министром финансов Шве Тайк Вуном, который был близок к королю Тибо и участвовал при его пленении в описи имущества в присутствии англичан. Министр подтвердил существование «Нгамаука», вправленного в кольцо, и тот факт, что он лично вписал его в список королевских сокровищ. Он также рассказал, что кольцо с рубином находилось среди других драгоценностей, переданных вместе с описью полковнику Слейдену. Шве Тайк Вун предложил допросить Слейдена. К такому же выводу пришли Бернард и Уайт, решив также получить показания и у другого свидетеля ареста Тибо — капитана Баджина, командира подразделения, окружившего дворец.

9 декабря 1886 года Бернард отдал приказ активизировать поиски рубина. Действуя по его инструкциям, Уайт направил срочную депешу капитану Баджину и полковнику Слейдену, которые в то время уже покинули пределы Бирмы. В запросе отмечалось, что поиски затерявшегося рубина отвечают исключительно интересам британской короны. От английских офицеров потребовали детальных объяснений.

Первым откликнулся капитан Баджин. 12 января 1886 года он написал: «Я никогда не встречал кольцо с „Нгамауком“. Из драгоценных рубинов я видел только те, которые украшали королевскую коробочку для бетеля. В описи королевского министра Шве Тайк Вуна я также не видел камня „Нгамаук“. Я зашел во дворец только 21 декабря, а поэтому не имею представления, как передавались и получались королевские ценности. Из того, что я лично передал Слейдену, были лишь три камня, инкрустировавшие саблю. Если, как считают, драгоценности были переданы Слейдену по полной

ини, то я не думаю, что какая-нибудь из них могла принадлежать».

Полковнику Слейдену потребовалось больше года для восстановления в памяти недавних событий. Обвинения он прислал из Лондона лишь 26 февраля 1887 года. Слейден отметил, что заявление министра Шве Тайк Вуна соответствует действительности. Вместе с тем он высказал предположение, что, находясь 29 ноября 1885 года во дворце, где царила суматоха, Шве Тайк Вун мог по этой причине сделать неполную опись королевских сокровищ. Слейден припомнил, что через его руки проходили какие-то большие и малые золотые изделия, некоторые из них были украшены дорогими камнями. Он обратил внимание на то, что во время ареста Тибо во дворце находилось много женщин из числа прислуги, и, опасаясь случайных хищений, он поставил у дверей стражников. Слейден писал также, что в месте нахождения драгоценностей в момент ареста Тибо он своевременно информировал генерала Прендергаста и посоветовал ему создать соответствующую контрольную комиссию. И такая комиссия действительно была создана, но Слейден в нее не вошел. Однако видел, объяснял он в своем длинном послании, как британские солдаты и матросы грузили богатые трофеи на корабли. В письме Слейден даже не обмолвился о «Нгамауке», как будто бы и не было о нем речи.

Чарлз Бернард вместе с Уайтом подвели итог своим расследованиям: «Нгамаук» действительно был, но бесследно исчез. Четвертая принцесса обвиняла в похищении рубина полковника Слейдена. Министр Шве Тайк Вун категорически утверждал, что включил «Нгамаук» в инвентарную опись конфискованных ценностей, которую передал Слейдену через его переводчика. Опись эта также пропала — последнее документальное свидетельство существования великого рубина исчезло. Оказалось предположение Слейдена о возможной причастности придворных слуг к хищению «Нгамаука» правдой, камень рано или поздно непременно где-нибудь появился бы.

Плененный Тибо в сопровождении двух жен, двух дочерей и слуг был переправлен в 1885 году из Рангуна в Мадрас. Однако англичанам показалось, что шумный, многонаселенный индийский город отнюдь не идеальное место изоляции бирманского короля, и в следующем году они переселили его в провинциальный Ратнагири,

куда до сих пор так и не дотянулась железнодорожная ветка. В национальной курточке, желтом лоунджи, с бриллиантовой заколкой в собранных в пучок на макушке волосах, в перстнях с мерцающими голубизной сапфирами неocenимого достоинства Тибо еще какое-то время чувствовал себя монархом. В первые годы ссылки он даже требовал от посетителей соблюдения привычного ритуала приветствия. Потом, лишенный достаточных для королевского существования средств, он стал распродавать свои драгоценности. «Нгамаука» среди них не было.

Английские колонизаторы опустошили в Бирме королевские дворцы, разграбили сокровища, все, что хранилось веками. На Британские острова уплыли добытые в 1785 году в Могоу и подаренный королю Бодопаи рубин «Малый хлакартин» в 20 каратов и «Большой хлакартин» в 40 каратов, подаренный королю Баджидо в 1837 году. Много и других прекрасных самоцветов было увезено с бирманской земли, но все они хранятся в памяти народа, и у каждого есть своя легенда. Особенно много легенд витает вскруг великого «Нгамаука», хотя в сейфах торговой корпорации Бирмы есть немало редчайших рубинов, и среди них — полуторакилограммовый рекордсмен, найденный в Могоу в 1965 году.

С захватом англичанами Верхней Бирмы в 1885 году Могоу наводнили чужеземные дельцы. Месторождение драгоценных камней полностью прибрала к рукам фирма «Бама руби маин компани», под вывеской которой скрывалось несколько английских компаний. В апреле 1887 года колонизаторы ввели свои порядки. Вместо традиционных свободных разработок драгоценных камней они утвердили строгую систему лицензий и предоставили фирме «Мессерс Джордж Стритерс энд компани» монополию на закупку всех добываемых рубинов. Компании имели право разрушить любой дом бирманца, если предполагалось, что под ним могут оказаться самоцветы. Бирманским старателям отводились лишь те места для разработок, которые считались бесперспективными. И все равно они платили за это арендную плату — 20 кьят в месяц, деньги немалые по тем временам.

Чаще всего бирманцы промышляли в старых, заброшенных штольнях или за оградами действующих рудников, на отвалах промытой породы, вновь промывая ее под струей воды в надежде на случайный промах сорти-

ровщиков компаний. У колючих заборов рудников, как правило, собиралось особенно много женщин. В стране рубинов они пользовались равными правами с мужчинами на свою долю везения и счастья. Старатели до сих пор вспоминают историю, когда найденный девушкой дорогой камень ускорил ее свадьбу и надолго обеспечил новобрачным безбедную жизнь.

И теперь в Могоу многое напоминает о недавних козьявах местных рудников. В старом деревянном здании, где находится теперь городской клуб, когда-то собирались сливки и лакеи «Бама руби маин компани». Акционеры, инженеры, механики, надсмотрщики, перекупщики сходились здесь по вечерам, потягивая виски. Поднимались тосты и за удачный день богатых находок, и за королеву Викторию, и вообще за женщин. Англичане утверждали здесь свой образ жизни и свои порядки. Город превратился в заповедник, доступный лишь рожденным в нем. Люди заразились духом предпринимательства и наживы, который пропитал весь быт горожан. И еще один неизгладимый след оставили в Могоу британские колонизаторы — озеро, образовавшееся в центре города в результате интенсивной разработки драгоценных минералов. Могоуские рудники побывали в руках не только англичан, но и японцев, захвативших копи во время второй мировой войны.

Разоренная войной страна испытывала крайнюю нужду в продовольствии, которое не только стоило баснословных денег, но и порой вообще оказывалось недоступным бирманцам. Голод толкал людей на крайности. Извлекались фамильные реликвии и драгоценные камни, которые почти каждая бирманская семья традиционно припасает на «черный» день. Японские солдаты крупно наживались, обменивая на краюху хлеба целые состояния.

После изгнания из Бирмы японских интервентов ограбление национальных богатств Бирмы продолжалось. Учрежденная 19 марта 1945 года союзническая военная администрация, по сути дела, только сменила флаг иностранного господства. Голодные бирманцы по-прежнему толпились у военных казарм, предлагая драгоценности в обмен на продукты, одежду. Теперь обогащались янки. Американские менялы даже приспособили в Могоу поле для посадки небольших самолетов, чтобы сподручнее вести доходный бизнес, наживаясь на нуждах бирманцев. В Могоу как на большую ярмарку сле-

гались торговцы в американских офицерских мундирах из Мейтхилы, Банмо, других армейских штаб-квартир в Бирме. В ход шли долларовые ассигнации, поношенное военное обмундирование.

С приходом к власти в 1962 году Революционного совета правительственные меры еще долго не касались рубинового царства, в котором по старинке действовала система выдачи лицензий частным лицам на промысел минералов. Не поддающаяся учету армия старателей динамитом, бурами, кирками и лопатами решетила и просеивала могоуские холмы, кроме того, там было 300 механизированных рудников. В семь миллионов кьят исчислялись вложения в предпринимательство, дивиденды от которого шли главным образом в карманы частных торговцев, спекулянтов, контрабандистов, сбывавших драгоценные камни в сопредельных странах. В казну государства ежегодно попадала лишь малая доля (не более 500 тысяч кьят).

Среди гор, поросших густым лесом, Могоу, кажется, лежит на дне огромной сковородки, под которой полыхают в недрах рубиновые огни. Еще совсем недавно по мерцающим огням костров на ближних и дальних склонах можно было определить поистине грандиозные масштабы паломничества. В мираже пляшущих огней иным даже чудилось, как перескакивали с места на место, словно «огневушки», прекрасные рубины, спасавшиеся бегством от человеческого нашествия.

Свернешь всего на несколько сот метров с центральной магистрали на дорогу, ведущую к Могоу, и тут же открывается широкая живописная панорама бесчисленных зеленых холмов с проплешинами старых разработок, с бурями, словно раны, свежими следами деятельности старателей. С тех пор как человек открыл этот оазис сокровищ, орудия труда почти не изменились. Мотыга и лопата по-прежнему остались основными.

Издавна в Бирме существует четыре способа добычи самоцветов — в зависимости от рельефа местности. Один из них: способ открытой траншейной разработки, когда размывают грунт на склоне холма и спускают его по желобу, а затем просеивают оседающие на дне сборника камешки. На ровном месте практикуется другой способ: роется яма, которая заполняется водой, а затем образующуюся жижу с песком и камнями тщательно промывают. Иногда в достаточно просторной для одного человека яме делают горизонтальные отсеки,

изделяя полезный пласт, а потом поднимают его канатными на поверхность. В горах применяется динамит.

Превращение грубых самоцветов в лучезарные камни — процесс длительный, сложный, требующий от шлифовщиков точного глаза, тонкого вкуса, высокого мастерства и навыка. Техника эта, подобно дорогому наследию, передается из поколения в поколение. Мастер должен понимать конструкцию камня, его «душу», чтобы «выпустить его в свет» при полном парадном блеске естественных достоинств.

С помощью липкой смеси из воска, мела и смолы минерал крепится на кончике длинной деревянной палочки и шлифуется на доске, покрытой слоем шеллака и сапфирового порошка. Гладкая полировка рубина и гранение производятся на вращающемся медном диске. Количество граней, их симметричность, угол преломления лучей — все надо точно соблюсти в этой ювелирной работе.

Никто не знает, сколько драгоценных камней вычерпали из могоуского бассейна в период частного предпринимательства, сколько рассеилось их по Бирме, сколько утекло по контрабандным тропам за границу. 12 марта 1969 года бирманское правительство решило положить конец разбазариванию национальных богатств, проведя национализацию разработок драгоценных камней. Собственностью государства были объявлены 18 минералов, включая рубины, сапфиры, джейды. Правительство учредило 17 государственных шахт в окрестностях Могоу и соседних городов Момея (Мёнги) и Табейчина. Старатели-одиночки обязывались продавать свои находки государственной корпорации. Контроль ужесточился, но занесенный когда-то в страну рубинов вирус погони за наживой распространился слишком широко, чтобы административными мерами можно было его локализовать в короткое время. Падение добычи драгоценных камней вследствие хищений оказалось настолько серьезным, что Бирма вынуждена была закрыть свою торговую фирму в Цюрихе.

Проблему утечки драгоценных камней из могоуских рудников безуспешно пытались решить в свое время колониальные английские власти. Так, на голову рабочих надевали специальные балахоны, не позволяющие прятать самоцветы в волосах. При досмотрах вскрывались даже окровавленные бинты на ранах служащих компании. Места промывки рубинов оцеплялись прово-

локой, по которой пускался ток. Но изворотливость добычи оказывалась сильнее драконовского надзора. Рабочие находили способы тайно экспроприировать у чужеземцев то, что должно было принадлежать им по праву. Так было во времена колониализма, но призрак легкого обогащения до сих пор целко держит древний город в своих руках, толкает его жителей на скользкий путь наживы в обход законов и установленных порядков.

В сентябре 1975 года Могоу посетил с инспекционной проверкой президент Бирмы У Не Вин, который совершил также облет района месторождений драгоценных камней. С воздуха открылся муравейник нелегальных промыслов. Официальные доклады расширили представление о масштабах незаконной деятельности в Могоу. Через несколько месяцев в городе было арестовано более трехсот коррумпированных официальных лиц, включая представителей местных властей, полиции, иммиграционной службы, торговой корпорации. Были конфискованы значительные партии припрятанных для продажи драгоценных камней. Последовал строгий приказ, запрещающий собираться вблизи отдельных рудников под страхом применения солдатами охраны оружия. В 1977 году в Рангуне были организованы специальные подготовительные курсы для ста бирманских военных, чтобы использовать их на работах в могоуских рудниках. Некоторые участки месторождений рубинов в Могоу превратились в строго охраняемые военизированные зоны.

Важный источник валютных поступлений в основном удалось поставить под государственный контроль. Увеличение производства благородных минералов и их реализация через государственные корпорации обеспечили стабильное пополнение национальной казны. Производство рубинов возросло с 350 каратов в 1951 году до 26,911 карата в 1973 году, а совместно с сапфирами достигло в первой половине 1980 года 48,442 карата. Организуемый в Рангуне с 1964 года международный ежегодный аукцион, на котором распродают бирманские самоцветы, принес стране до 1980 года более 62 миллионов американских долларов. Однако довоенный уровень производства драгоценных камней (200 тысяч каратов) все-таки остался пока недостижимым и во многом из-за тяжкого трудноизлечимого недуга, которым страдает Могоу.

На улицах, в переулках, в частных домах и подворьях перепродается и покупается все, что ускользает от государственного ока. Драгоценные камни поступают тайно на черный рынок, утекают через слабо контролируемые границы. Некоторые дома мстоусцев не случайно гнездятся в непосредственной близости от государственных рудников, чтобы удобнее вести «любительские» разработки прямо у порога жилья под видом приусадебного огородничества или иных земляных работ. Хотя это пахнет судом и штрафом, деловой люд не скупится на издержки. В одном из докладов Совета народных инспекторов Народному Собранию Бирмы, высшему законодательному органу страны, отмечались случаи нелегальных разработок самоцветов под видом разведения специальных «плантаций» около рудников или за чертой города, у подножия холмов. Рассказывали также и о разработках прямо на территории местного гольф-клуба, когда старатели под видом спортсменов рассыпались по полям и спешно ковыряли чем попало землю в надежде на случайную добычу.

Как писала центральная бирманская газета «Уоркинг пиплз дейли», рубиновая лихорадка настолько захватила жителей Могоу, что «люди умственного труда перестали думать, зеленщики прекратили поставлять овощи, крестьяне забросили свои поля, школьники забыли дорогу в школу». Производство, не имеющее отношения к драгоценным камням, замерло, словно город взял на себя строгий обет самоотречения от всего, что не связано с бизнесом, построенным на самоцветах. Город — производитель драгоценных камней стал городом — потребителем контрабандной заморской продукции. Здесь курят западные сигареты, носят модные западные наряды, передвигаются по крутым и узким улочкам на шикарных автомашинах.

По статистике 1948 года, в Могоу насчитывалось 1422 дома и 1205 домов в пригороде. Коренное население составляло тогда несколько более 21 тысячи человек. Восемнадцать лет спустя население «страны рубинов» увеличилось в тридцать раз. Вдали на голубоватых холмах, пологих склонах, в низинах — везде, где только выкраивается местечко, растут как грибы после дождя дворцовообразные дома из камня и дерева. В городе купеческих нравов проблем со строительным материалом не существует, не пугает страшная дороговизна на земельные участки, которые стоят теперь в

центре Могоу не меньше, чем в фешенебельных районах Рангуна.

Нелегальные промыслы запретных самоцветов — не единственная хворь на континентальном бирманском «острове сокровищ». Тайные тропы спекулятивных сделок ведут из Могоу в Мандалай, Таунджи, Лашо, Мольямьяйн, где сбываются драгоценные камни. На обратном пути контрабандисты доставляют в Могоу наркотики. Более тысячи наркоманов из Могоу шныряют по монастырям и пагодам в поисках укромного местечка для принятия очередной дозы героина, покупки новой порции или с целью грабежа.

Смирный провинциальный Могоу не знал прежде такого разгула насилия, какой совершается теперь. Сенсационные ограбления, которые попадают в местную прессу, вскрывают баснословную состоятельность некоторых потерпевших. Так, уголовная хроника зафиксировала факт кражи ценностей на сумму более 1,2 миллиона кьят. Со временем Могоу стал и городом подпольных игорных казино, в которых по рукам ходят колоссальных достоинств ассигнации.

Теперь под строгим правительственным контролем коренные жители Могоу охладели к индивидуальным промыслам, и вылазки за добычей самоцветов совершают в основном пришельцы, наслышанные о городе рубинового призрака. Но так или иначе новое поколение старателей с тем же энтузиазмом первопроходцев рвется к заповедным местам, поддерживая незатухающий огонь неистребимой человеческой страсти. Как и в древние времена, где-то у походных костров в холодной могоуской ночи рождаются новые сказания о лучезарном «Нгамауке», о счастливых обладателях сказочных малиновых самоцветов, о пляшущих оборотнях-огневушках, убегающих все дальше и дальше от людей по горбатым холмам.

НОВЬ КОКОСОВЫХ ОСТРОВОВ

Примерно в 420 километрах от Рангуна, там, где встречаются волны Бенгальского залива и Андаманского моря, поднимается гряда вечнозеленых островков, густо поросших кокосовыми пальмами, — это приграничная окраина Бирмы. По стройным, высоким, словно

корабельные мачты, деревьям с разлапистыми перистыми опахалами тяжелых крон называли эти кусочки суши Кокосовыми островами. Немногие знают, что у каждого из островков есть свои исконные бирманские имена, которые в переводе на русский значат: Столовый остров, Крысиный, Вишневый, Башмак, Пуговка. Собственно говоря, только самый крупный из островов называется Большим кокосовым, а чуть поменьше — Малым кокосовым островом.

Британские колонизаторы, скупив в Нижнюю Бирму, высадились и на Кокосовых островах. Природные богатства заманили сюда вслед за солдатами и деловых людей. В 1883 году одна из английских компаний получила на 50 лет концессию на выращивание кокосовых пальм и производство копры на островах. Иностранцы не спешили покидать благодатный край, а с провозглашением независимости Бирмы сами бирманцы не сразу смогли воспользоваться своим национальным достоянием. Сказывались удаленность от материка, отсутствие транспорта, скудость национального бюджета. Бирманское правительство заключило на 25 лет соглашение с одной индийской компанией по эксплуатации кокосовых плантаций. В 1954 году договор был пересмотрен, и хозяйством занялась национальная бирманская корпорация, но ненадолго.

В 1958 году вблизи кокосовых рощ были разбиты первые бараки лагерей для политических заключенных, которых привозили на Кокосовые острова из центральных районов страны. Над райским уголком нависла тень мрачной славы как места тюремной ссылки. Спустя два года лагеря были закрыты, а через шесть лет открыты вновь вплоть до 1971 года. Теперь в изоляции находились те, кто встал на пути молодой республики, провозгласившей политику прогрессивных преобразований.

С закрытием лагерей на островах стало совсем безлюдно. Морской бриз трепал жесткие ветви пальм, кокосовые орехи, словно неразорвавшиеся ядра на поле боя, устилали покинутую землю. На золотых песчаных берегах откладывали яйца тигантские морские черепахи. В лесах развелось много зверья и птиц.

Но человек вернулся на Кокосовые острова, и прежде всего на Большой кокосовый. Он начал искать себе постоянное пристанище, удобное и надежное. Западное побережье было изрезано высокими скалистыми отрога-

ми, а восточное представляло собой сплошной песчаный пляж. Из 10 квадратных километров площади острова для жилья только и можно было выбрать трехкилометровую полосу на северном и южном берегах. Здесь и возникли два поселения, названные Северным и Южным поселками Кокосового района, который вошел в Рангунскую область. К первым выборам в Бирме в высший законодательный орган — Народное собрание и местные органы власти — народные советы, которые состоялись в начале 1974 года, население Большого кокосового острова составило 750 человек и позже увеличилось до 900. Жители по праву имеют теперь в Народном собрании собственного представителя, а кроме того, одного в окружном Народном совете и пятерых — в районном.

Жизнь потекла по новому руслу. Открылась начальная школа, затем семилетка. Подрастает молодое поколение — необходима теперь полная средняя школа. На острове открыли школу партийного обучения, госпиталь, создали местные административные органы, полицейский участок. Полицейские и военнослужащие, однако, больше занимаются производством риса на специально отведенных полях, нежели своими служебными делами. В здешних краях не знают, что такое преступление. Спокойная жизнь — без трений, конфликтов, — добрые отношения. Каждый занимается своим делом. Кто работает на птице- или животноводческой ферме, кто выращивает овощи, рис, фрукты, делает кокосовое масло. Коллективный труд на кооперативных началах помогает жителям обеспечивать себя сполна питанием, способствует дальнейшему процветанию этих далеких островов. Не возбраняется иметь и личное приусадебное хозяйство, заниматься мелким промыслом: сбором ракушек, изготовлением бус, прибрежным рыболовством. И это не только дает дополнительный заработок, но и вносит определенное разнообразие в жизненный уклад островитян.

Редко кто из заплывавших на острова гостей не увозил хотя бы небольшой брусок твердого как железо черного дерева, которым богаты местные леса. Кому повезет, тот возвращается и с бусами из ценной древесины. Кропотливым и трудоемким ремеслом по изготовлению бус здесь занимаются всего шесть-семь семей, а за целый день только и можно сделать что пару снизков.

Запах бирманской кухни, которая не обходится без

чеснока, лука, рыбного соуса и всяческих пряностей, и приправляется, как говорится, за версту. На Кокосовых островах он свой, устоявшийся, специфический. Все здесь готовят только на кокосовом масле, и было бы странно завозить в эти края какое-либо иное: кругом только плантации могучих деревьев, увешанных крупными плодами. Люди используют у кокосовой пальмы каждую ее составную часть — начиная от корней и кончая верхушкой. Но самое главное — добывают копру. Из копры выжимают масло, жмыхи идут в пищу или используются для производства свечей и мыла. Сок кокосового ореха, цветы и корни пальмы служат сырьем для приготовления лекарств.

В кокосовом хозяйстве занято всего 25 человек, но они собирают более ста тысяч орехов в год, производят по 15 тонн копры. Местные власти понимают, что можно значительно расширить это производство, ведь в недалеком прошлом на острове собирали почти до миллиона кокосовых орехов, но все упирается теперь в проблему транспортировки. Средства доставки продукции в Рангун и другие города Бирмы пока весьма ограничены. Связь с островами осуществляется лишь посредством военных кораблей, которые попутно доставляют или возят пассажиров, и очень редко небольшими самолетами, приземляющимися на местном аэродроме, построенном в 1958 году. Кроме того, власти хотят использовать государственные и частные суда, следующие курсом вдоль побережья, пытаясь обязать их останавливаться у Кокосовых островов хотя бы раз или два в месяц. Прикладываются немалые усилия, чтобы наладить регулярное авиасообщение, а это в здешних условиях непросто. В народном хозяйстве Бирмы еще немало нерешенных задач, но страна и ее народ делают все возможное, чтобы их решить, и недалек тот день, когда щедрыми дарами Кокосовых островов смогут пользоваться многие города материковой части республики.

ПУТЕШЕСТВИЕ В «ЗОЛОТУЮ СТРАНУ»

Внимательный осмотр одного из рангунских буддийских монастырей с прилегающими к нему аккуратными пагодками, увенчанными чисто выбеленными или позолоченными зонтиками-ти, не остался незамеченным.

Из глубины темноватого зала от стены отделилась приземистая фигура в оранжевой тоге и, семеня босыми ногами по каменному полу, стала приближаться ко мне. Пожилой монах со впалыми щеками и коротким ежиком седых волос застыл в нерешительности на почтительном расстоянии и, запинаясь, спросил, из какой я страны и какие ветры занесли меня в Бирму. Получив ответ, подошел поближе.

— Приходилось ли бывать в пагоде Чайктиё? — совсем осмелев, поинтересовался монах. — Нет? Жаль! покачал головой с таким неподдельным сожалением, словно речь шла о невосполнимой утрате. — У нас в Бирме говорят, что считай и не жил до той поры, пока не побывал в этой пагоде. Чем знаменита? Своей историей, легендами. Другой такой нет. Хотите, расскажу о ней?

Мы присели в тени на одну из каменных скамеек монастырского двора. Монах помолчал немного, очевидно восстанавливая в памяти последовательность событий, и вкрадчивым голосом начал рассказывать историю, в реальности которой не только не сомневался сам, но и пытался убедить меня.

Может быть, в страхе перед грозными силами природы древние бирманцы уверовали в натов, человекоподобных духов добра и зла. Культ натов в настоящее время в том виде, в каком он существовал многие сотни лет назад, сохранился в Бирме только на севере, в горных районах. Там принято считать, что натами стали те люди, которые были убиты или умерли от какой-нибудь непонятной болезни либо неестественной смертью. Наты не бессмертны, как греческие боги. Они рождаются и, как только иссякает их волшебная сила, умирают. Этих вечных «спутников» человека «видят» на ветвях деревьев, в густых зарослях джунглей, в синеве озер, рек и моря, на холмах и в горах, на рисовых полях, у домашнего очага. Все окружающее имеет собственного ната, о котором рассказывают как о реальном человеке из поколения в поколение. Прогневил натов — несчастий не оберешься. Задобрил подношением — быть богатому урожаю, успешной охоте, удачам во всех житейских делах. Большинство натов творят добрые дела и помогают человеку. Они заботятся, в частности, о паломниках. В знак почитания добрых стражей их каменные статуи в полный человеческий рост и в одежде прошлых эпох воздвигают на территории многих пагод.

С этого начал свой рассказ монах. Затем оглянулся по сторонам, словно изучая реакцию окружающей невидимой аудитории, и, явно успокоившись, заговорил снова.

В глубокой древности в глухом отдаленном лесном районе Суваннабхуми, или Золотой страны, поселился в скромной хижине старик-отшельник. Никто не знает, сколько восходов солнца он встретил в одиночестве, пока в окрестности не забрело полубожество в облике юноши. Он поселился недалеко от отшельника в пещере. Шло время, и юноша стал верным учеником старика. Но однажды в лесу оказался случайно дух в образе прекрасной девушки, и молодые люди полюбили друг друга. Вскоре у них появился сын Тисса.

Наступил день, когда отшельника вспомнили земляки и направили к нему гонцов, чтобы уговорить стать королем. Тот отказался, а трон уступил Тиссе, и при нем королевство достигло своего наивысшего расцвета. Однако власть не вскружила голову Тиссе. Он по-прежнему встречался с отшельником, по-прежнему вел с ним душевные беседы. В предчувствии приближения смерти старец решил открыть Тиссе свою тайну. Он рассказывал о том, как однажды посетил его сам Будда и передал священный дар — несколько волос со своей головы. Старец подарил священные реликвии Тиссе, но с одним условием: спрятать их в храме, выстроенном на камне, который будет иметь форму его головы.

Найти нужную глыбу оказалось непросто. К поискам подключился самый главный нат Таджамин, которому наконец удалось отыскать камень на морском дне и доставить на судне к тому месту, где возводился храм. В мгновение ока корабль превратился в скалу, сохранив свои очертания. Вот на этой-то скале, как гласит легенда, появилась двадцать пять столетий назад пагода.

Эта фантастическая история, которую монах рассказывал уже, наверное, не один раз, подкреплялась для убедительности примерами. Холм у той пагоды называется «Отшельник». И пещера, в которой якобы жил старец, тоже на месте. Сохранилась в скульптуре сцена знакомства юноши с девушкой-натом. Здесь же восседает Будда, и служит ему король натов Таджамин.

— Если все это выдумки, — настаивал на своем монах, — то кто же занес на такую высоту многотонный валун и кто взгромоздил туда пагоду?

Пагода Чайктиё действительно поражает, представляя собой необыкновенное соединение человеческой

фантазии с природой. Она построена в районе, известном в древние времена под названием «Золотая страна», как раз на севере области Танинтайн (Тенассерим) — живописнейшей полоски с горами и густыми лесами с одной ее стороны и тысячью островов на морском побережье — с другой. Шестидесятикилометровый путь от Рангуна мимо джунглей и рисовых полей через реку Ситаун приводит в город Чайтхо, от которого рейсовый автобус добрасывает до базового лагеря Кинмун у подножия гор в 14 километрах к северу от побережья. Отсюда по горной крутой тропинке начинается утомительный подъем к пагоде Чайктиё.

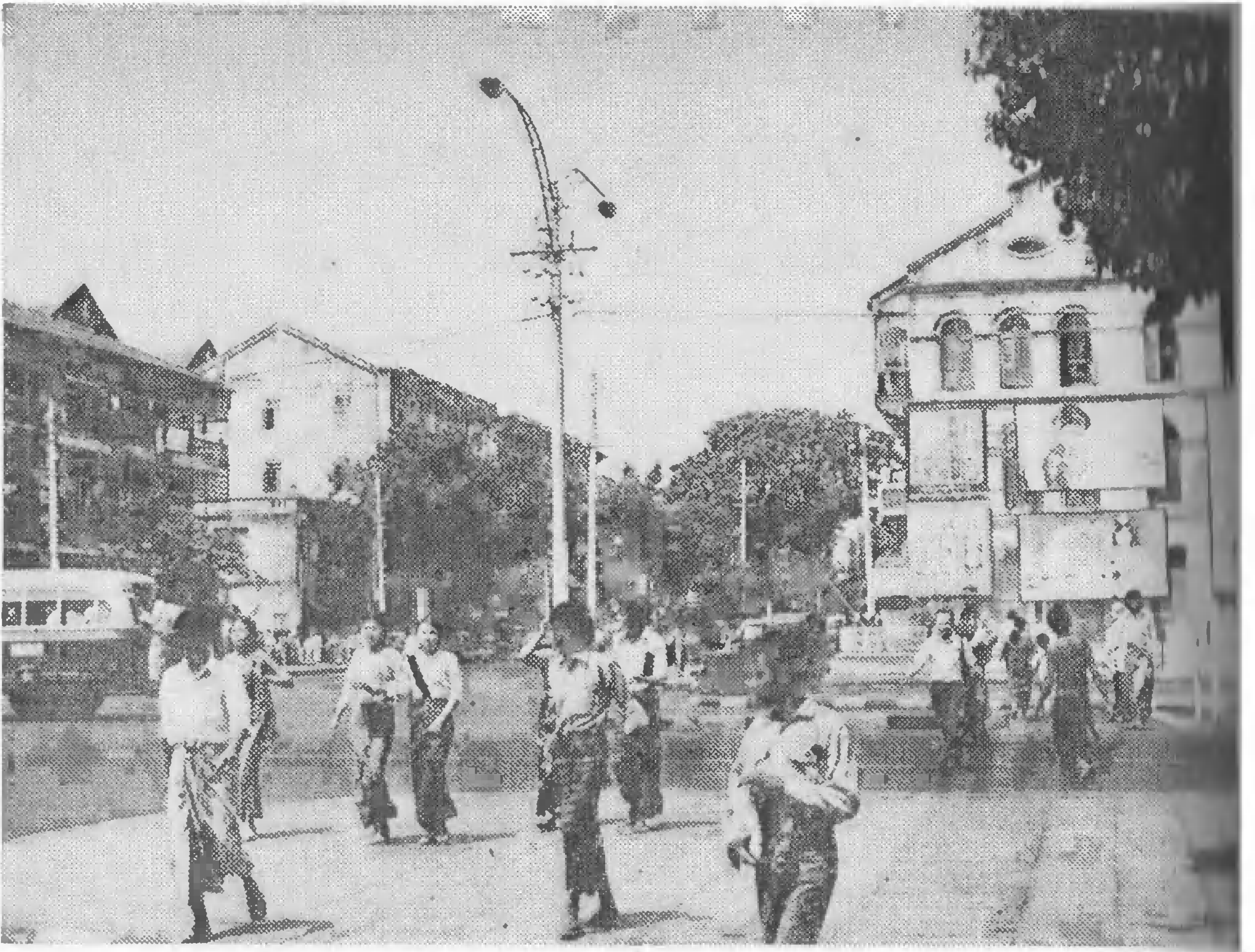
Во время традиционных праздников территория лагеря мигом застраивается бамбуковыми хижинами и превращается в своеобразный экзотический базар. Из разных мест сюда привозят на продажу товары — плетения из бамбука и рисовой соломки, резные деревянные фигурки, чеканные изделия из серебра и меди, бирманские тканые сумки, ювелирные украшения и предметы ширпотреба. Есть тут и различные снадобы для домашнего лечения, такие, например, как молоко тигрицы, тигриные когти, рога буйволов и оленей, желчь удава и т. п. Все это предлагается туристам, которые приезжают сюда, чтобы посетить знаменитую пагоду. Путешествие обычно начинается в прохладные послеобеденные часы, а когда опускаются сумерки, процессия освещает себе путь бамбуковыми факелами. Детей, как правило, несут на спине в корзинах нанятые носильщики. Они же доставляют багаж, а иногда в гамаках, подвешенных на длинных палках, несут особенно немощных и просто неспособных вынести нелегкое восхождение.

Вот уже каждый шаг отдается пульсирующими ударами в висках. Сердце готово выпрыгнуть из груди. Не хватает воздуха. Пот застилает глаза.

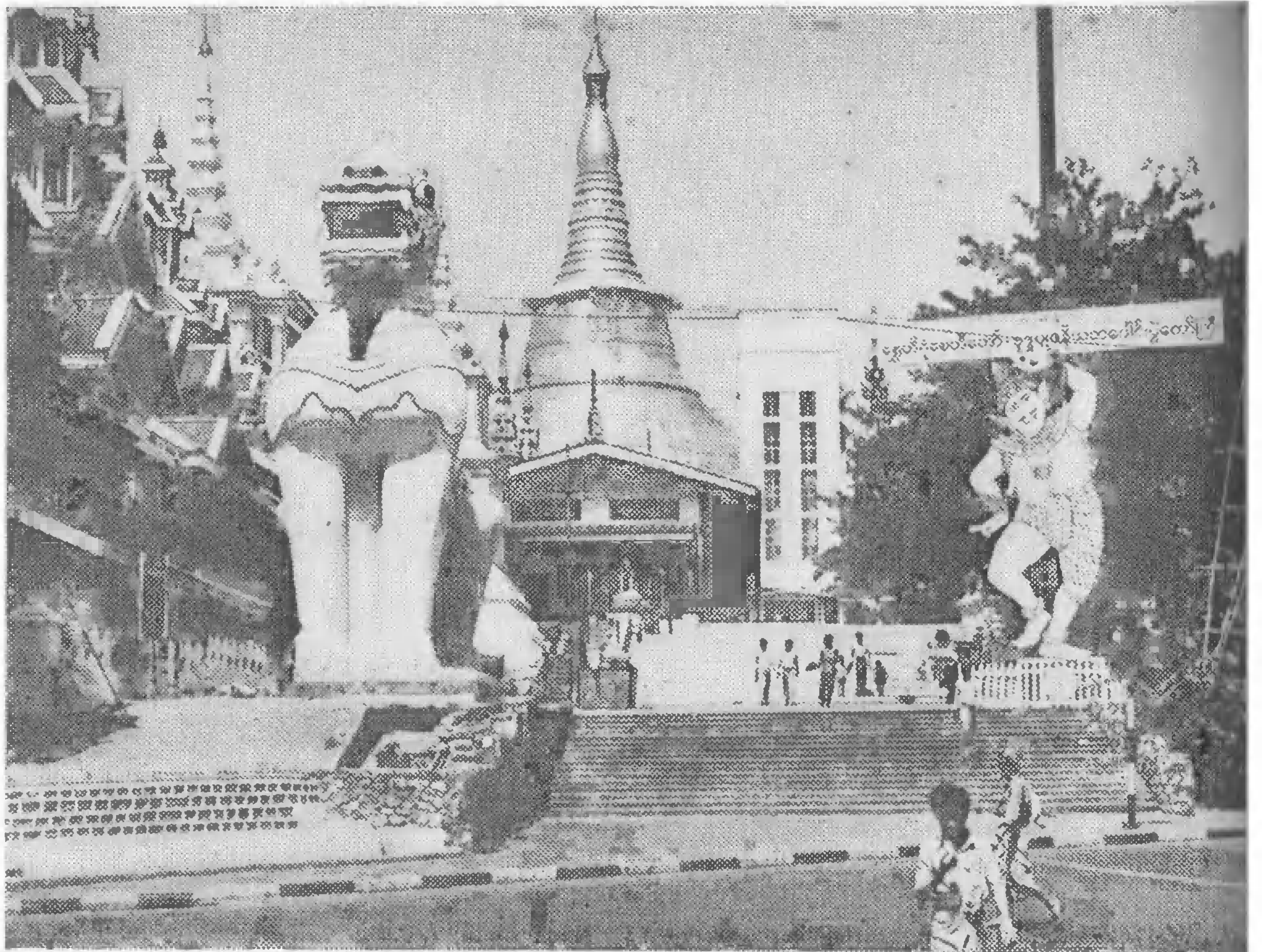
— Давай, давай, уже близко! — подбадривают спускающиеся счастливицы. Идущие наверх не в состоянии произнести и слова. Не до разговоров. Добраться бы до следующего отведенного для отдыха места. Внезапно сверху полыхнуло золотом. Смотришь в бинокль и кажется, что на тебя готов скатиться огромный желтый шар, прилепившийся к самой макушке скалы. Такое впечатление, что, подуй сильнее ветер, и эта позолоченная глыба с остроконечной ступой сорвется и полетит вниз. До Чайктиё как будто рукой подать, а на самом деле еще шагать да шагать по пыльной дороге.

Пам'ятник Луї Саву в Рангуні

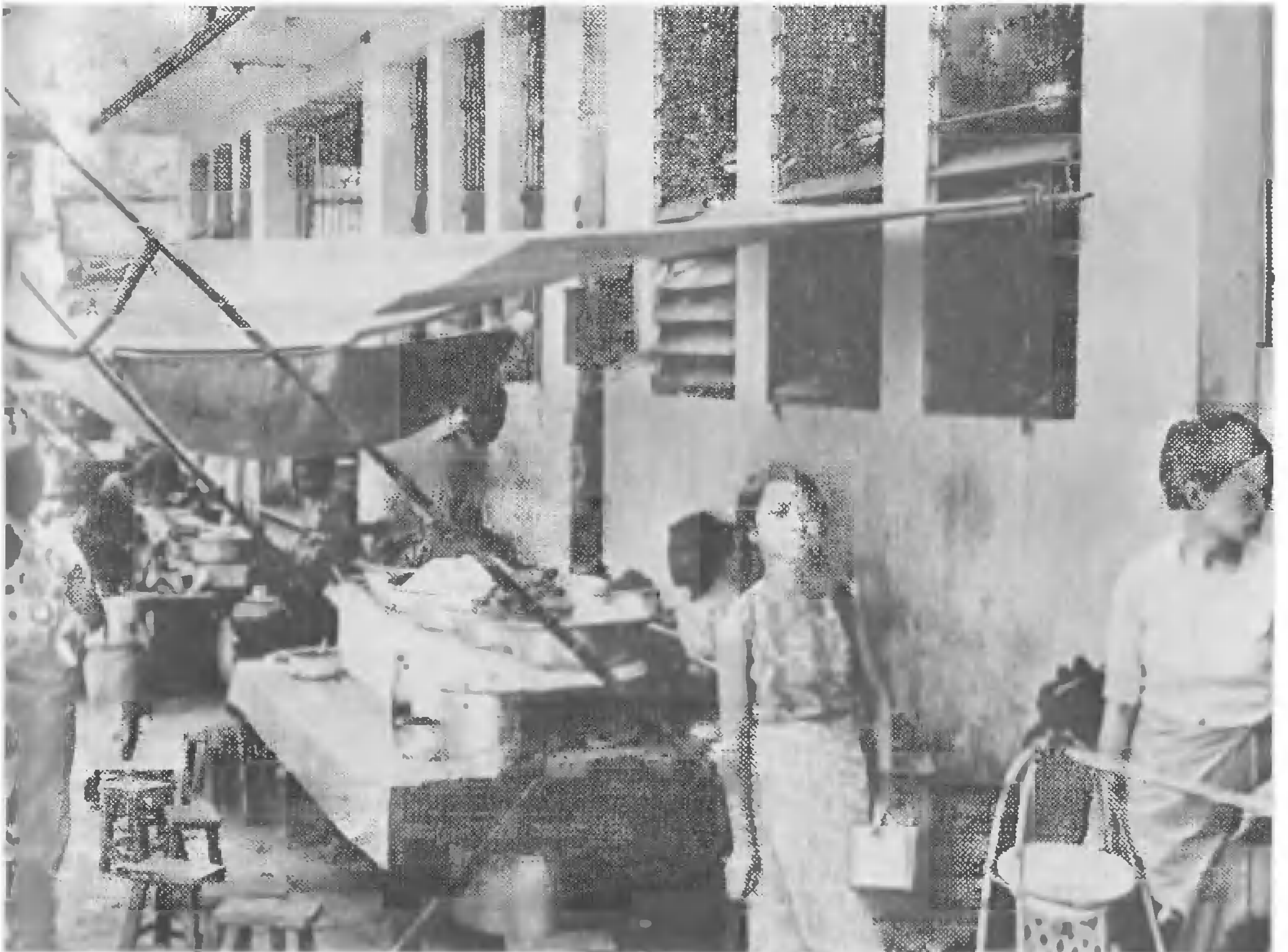
В центре Рангуна
Шуэдагон-пагода

Тинджан на улицах Рангуна

Уличная харчевня

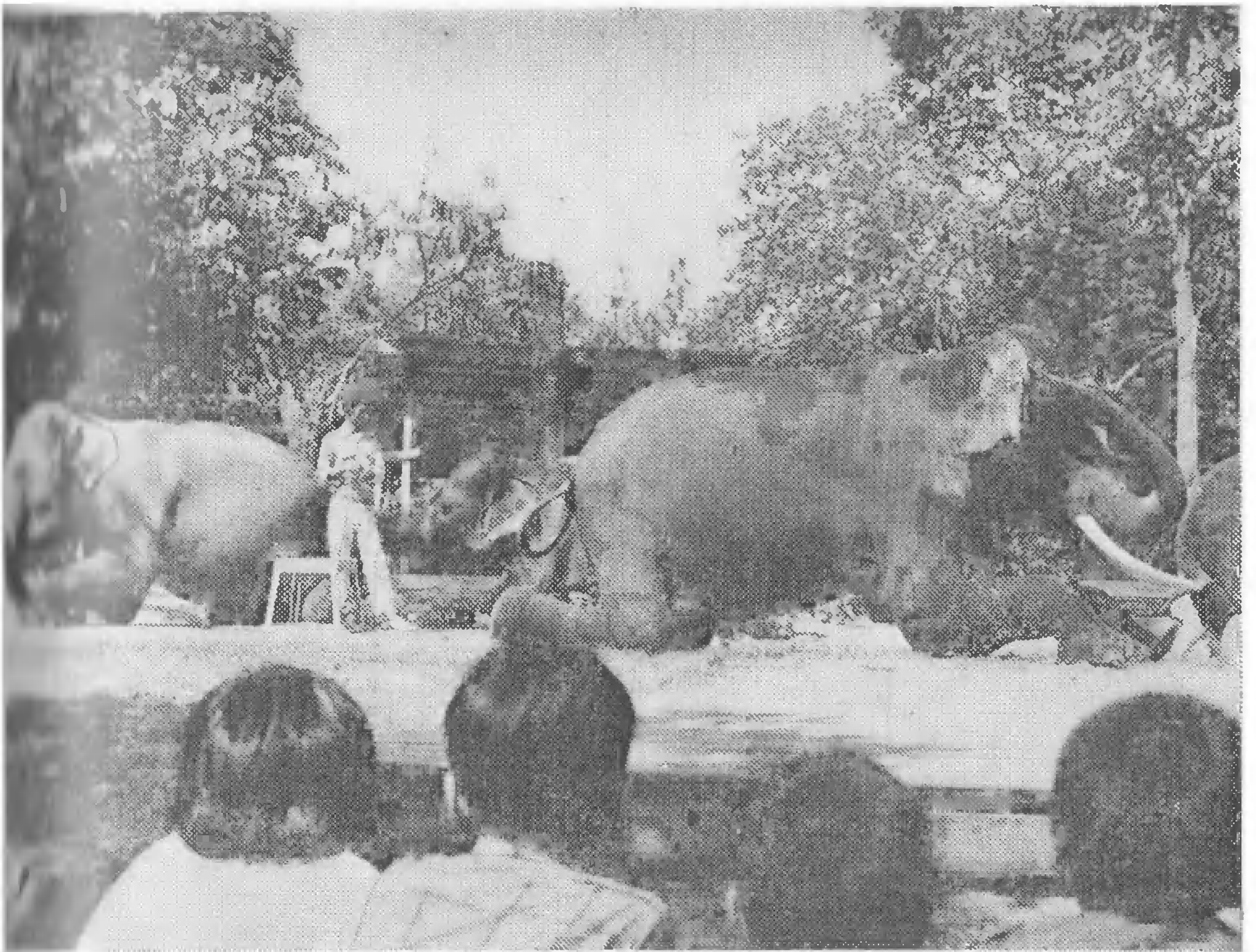

За прилавком

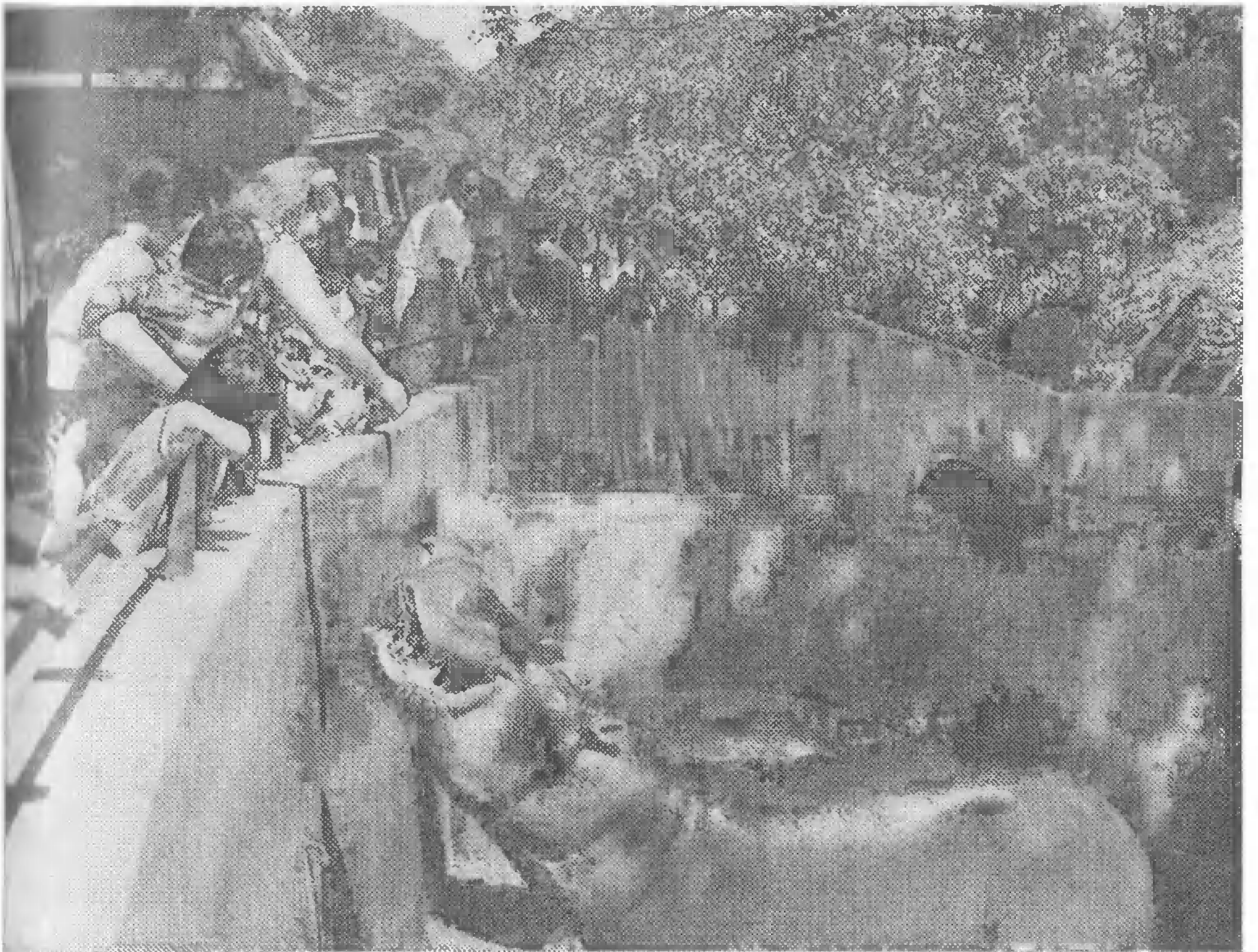
Изготовление соков

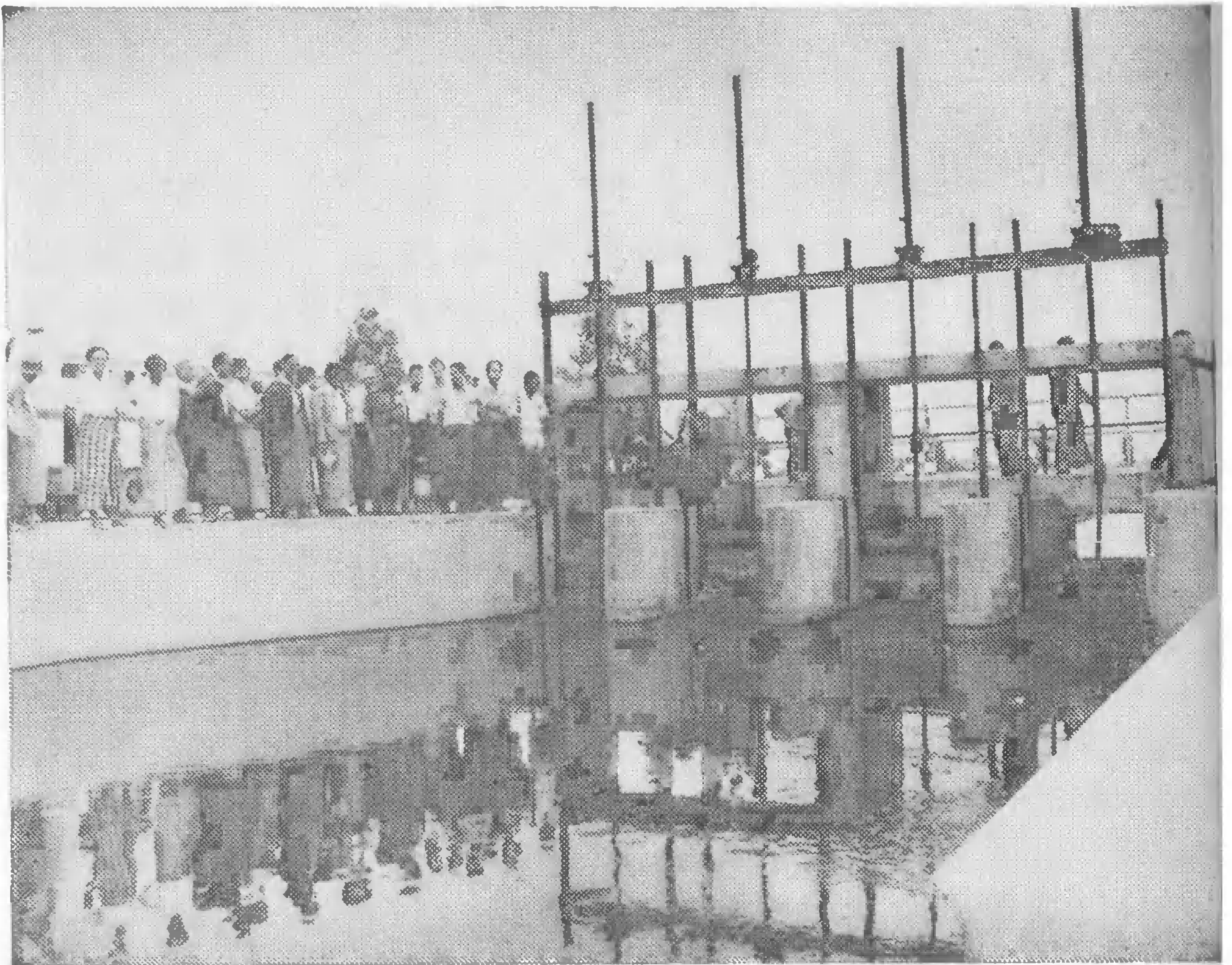
Атракцион со слонами

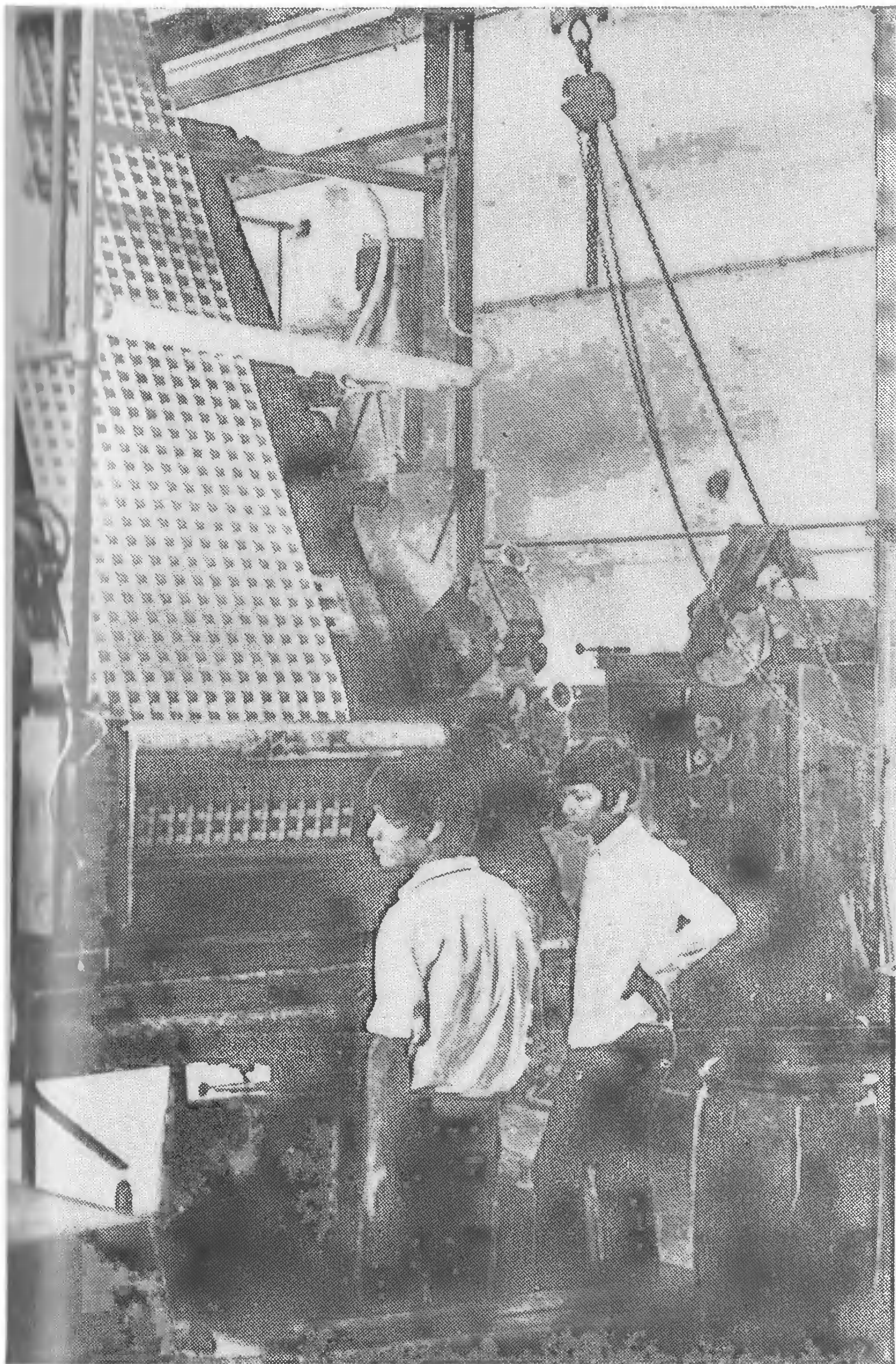
В ралгунском зоопарке

**Студентки Академии национальных меньшинств в Юатиджи
Открытие оросительного канала**

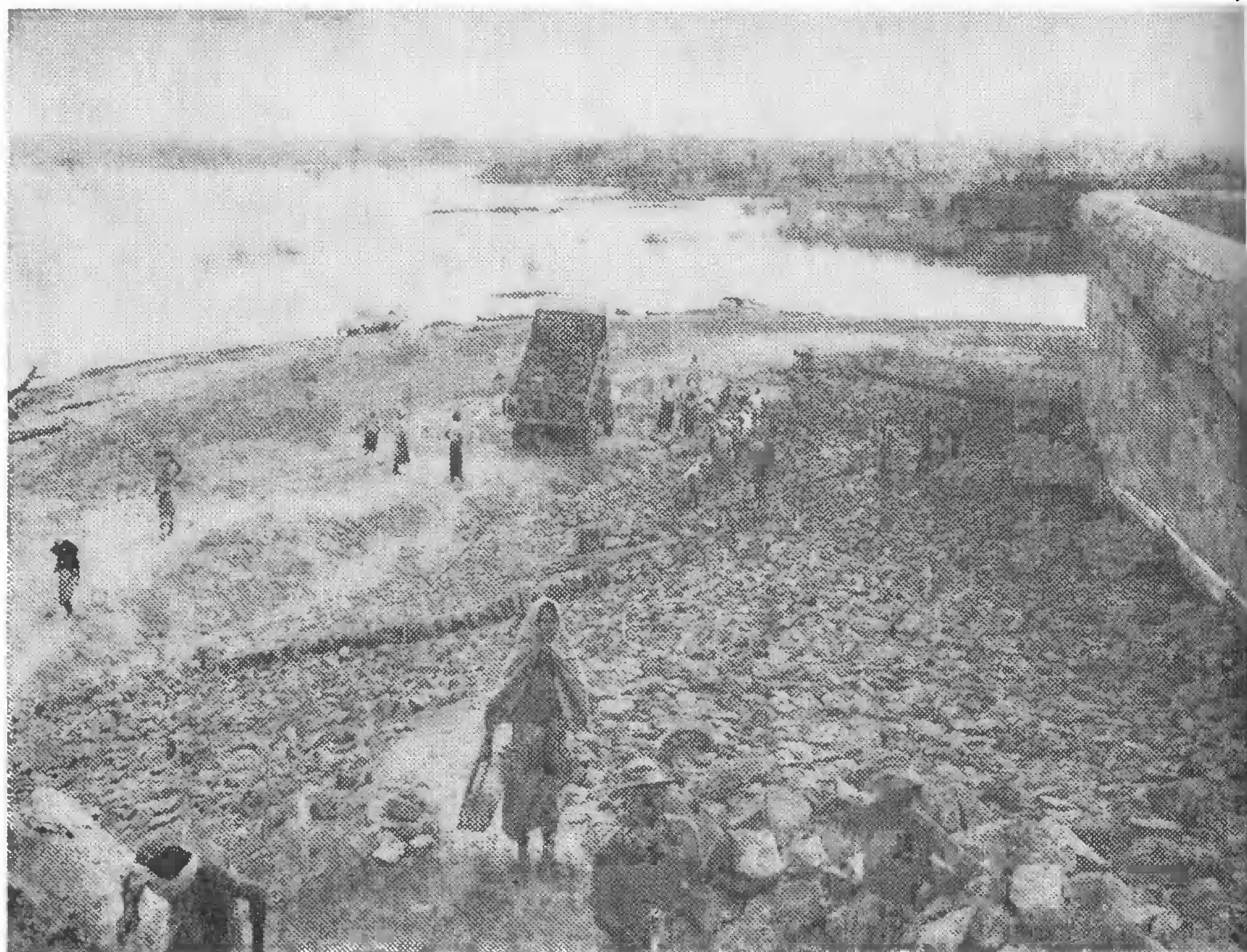

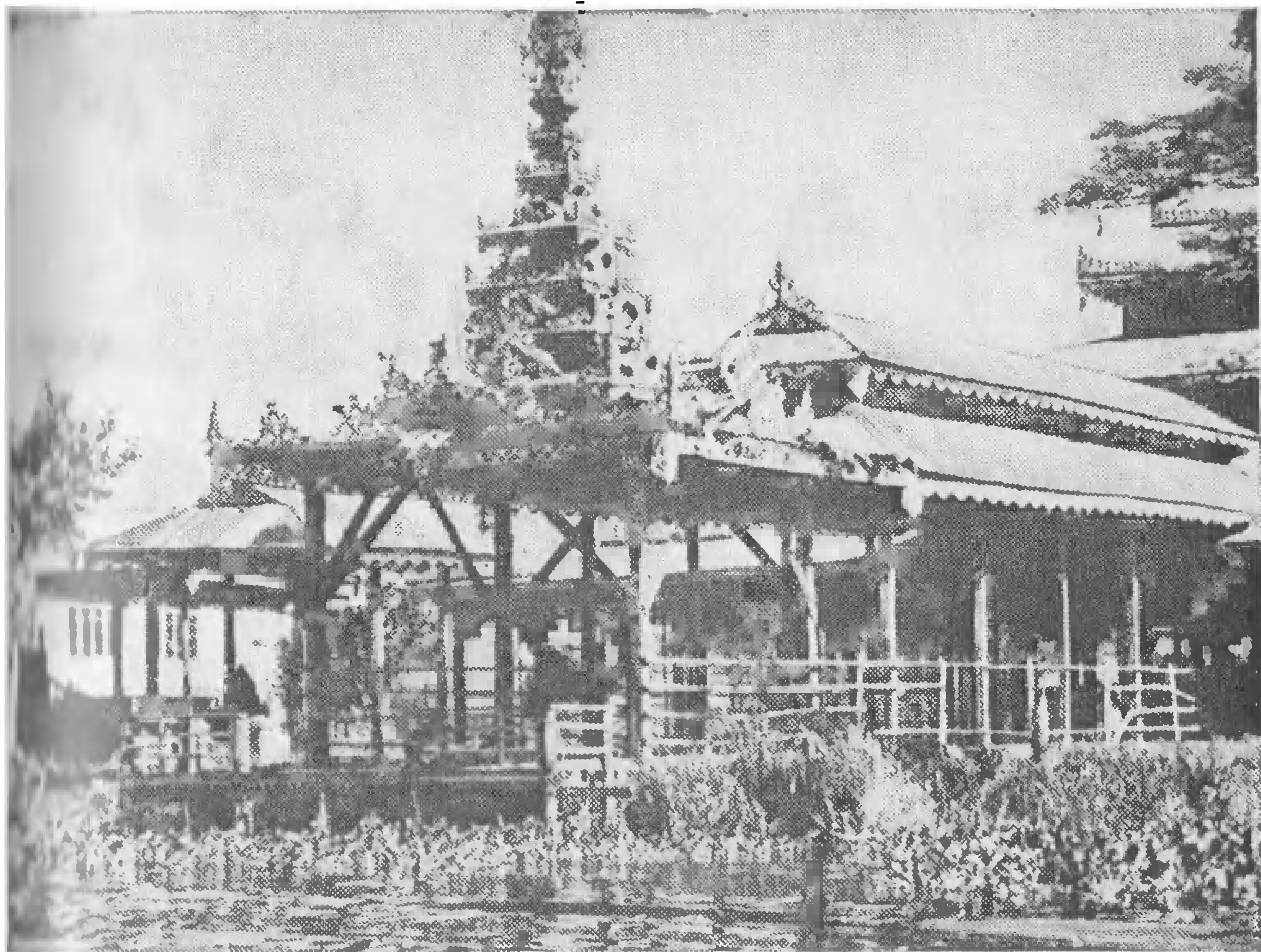
На ткацкой фабрике в Палау

На рисовых полях близ Пегу

Строительство ирригационной системы в окрестностях Пью

Павода на озере Инле

Детские соревнования женщины на Инле

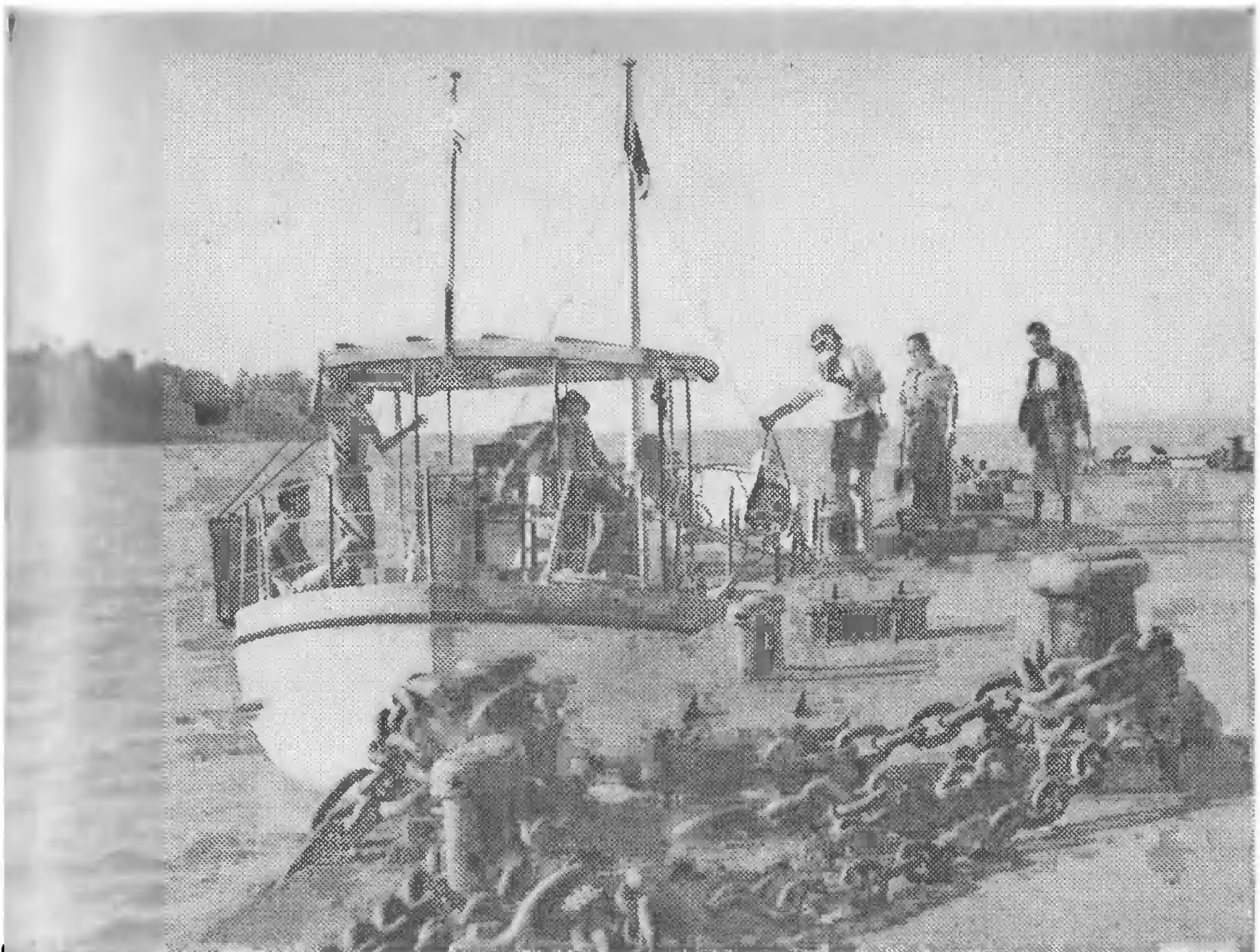

На лесоразработках в Араканской национальной области

Местное «такси» в г. Пегу

Морской транспорт в Бенгальском заливе

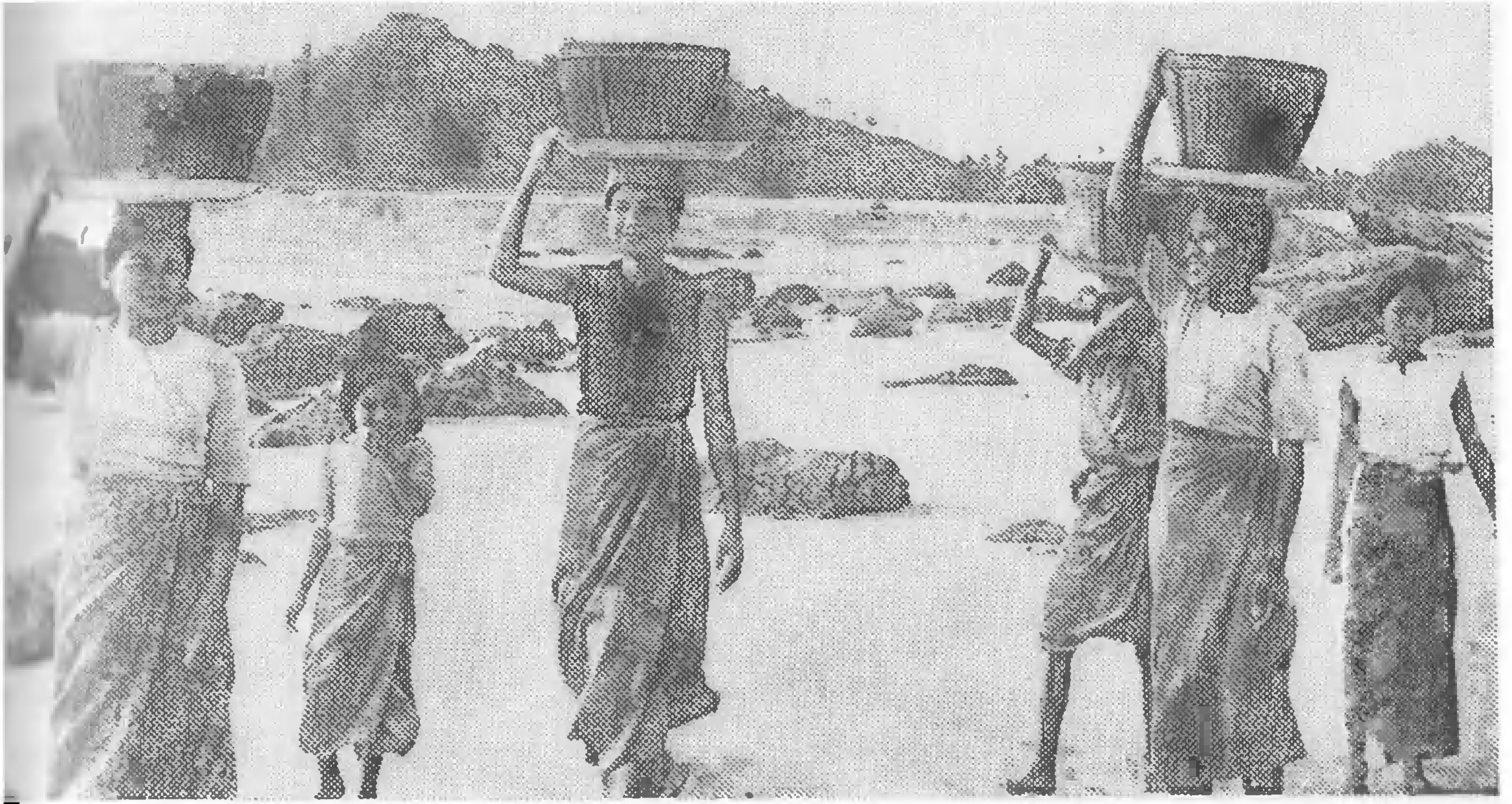

Ловля креветок на побережье

Члены кооператива за работой

Возвращение с базара
Покатели жемчуга выходят в море

Случайный заработок

Торговка рыбой

Будь ласка улов

Опшійная лаборатория

Реликвии монастырей

Прошли еще пять километров — и вас принимает очередное временное пристанище, названное «Большой поток», построенное на средства от добровольных пожертвований прихожан. Широкий, глубокий и очень холодный поток у стоянки воспринимается распаленным нутром как спасительный дар небес. Оказываются кстати неказистые душевые и лавчонки с прохладительными напитками и легкой закуской. И все-таки последние километры даются с превеликим трудом.

Там, на вершине горы, пагода Чайктиё представляется восьмым чудом света. Более чем пятиметровая ступа покоится на пятнадцатиметровом в обхвате почти круглом валуне, который ненадежно примостился на вершине двадцатичетырехметровой скалы, отторженной от родной горы глубокой расселиной. Когда смотришь на эту позолоченную громадину, нависшую над пропастью, поражаешься смелостью ее создателей, точностью расчета центра тяжести глыбы. Кто же взгромоздил этот уникальный храм к поднебесью? История не помнит дерзких зодчих этой пагоды, как и других, разбросанных по вершинам соседних холмов, где свободно гуляют ветры, бьют живительные родники и столетиями живут легенды.

ОАЗИС СВЕЖЕСТИ

Час быстрой езды от Мандалая по спирали обкатанного шоссе, уходящего к вершинам холмов, — и ты попадаешь в чудесный уголок ухоженной природы, столь редкой в жаркой тропической стране. Палящие лучи солнца словно щадят небольшой городок Мемьо, приютившийся на плоской вершине холма, и его живописные окрестности. Городок в окружении высоких зеленых сопок более всего известен своим умеренным климатом и богатой флорой местного ботанического сада. Мемьо получил свое название в 1886 году по имени полковника британских колониальных войск Мея и долго служил иностранным завоевателям главной летней резиденцией, особенно в период гнетущего зноя.

Теперь разросшийся на площади почти в 142 гектара ботанический сад, подступающий со всех сторон к тихому озерцу, стал местом отдыха для бирманцев, которые заботливо охраняют ценные насаждения и попол-

няют этот зеленый оазис новыми видами. Сад известен во всей Бирме великолепными экземплярами индийско-индокитайской и китайской флоры, а также представителями растительности среднеевропейской полосы. В особых климатических условиях здесь прижились различные хвойные деревья — пихта, сосна, в том числе и гималайская, из лиственных — стройные эвкалипты, могучие дубы и даже встречаются березы. Склоны холма заняли плантации кофейных деревьев, ананасов, клубники. В Мемьо плодоносит редкая для Бирмы вишня. Из своего вечнозеленого сада город рассылает по всей стране цветы — розы, хризантемы, которые буддисты традиционно приносят по религиозным праздникам к пагодам. Дивная природа, свежий воздух и прохладная, как в Европе, ночь ежедневно выводят на дорогу к Мемьо сотни автомашин и пеших туристов.

Другой благоухающий оазис находится в 48 километрах от «страны пагод», древнего Пагана, в одном из красивейших мест Центральной Бирмы, где поднимается на более чем полторы тысячи метров вершина древнейшей горы Поупы. На фоне ровного плоскогорья горы, занимающие площадь 80 квадратных километров, кажутся огромными. Бирманская хроника Конбаунского периода утверждает, что горе 2425 лет. На самом же деле ей гораздо больше. Поупа — это один из потухших уже в четвертичный период вулканов Бирмы. Сама гора имеет сглаженные формы, а о ее вулканической деятельности напоминает спящий уже много тысяч лет безобидный кратер, весь заросший травой и кустарником. В вулканических породах встречается того же свойства песчаник, что устилает ложе Иравади. По этой причине, а также по отпечаткам растений и окаменелым останкам животных ученые полагают, что горе не менее двух миллионов лет. Ввиду столь древнего происхождения бирманцы причисляют Поупу к священным горам. Безымянный поэт времен Паганского государства оставил ей короткие поэтические строчки: «На величественных высотах горы Поупа — пристанище богов, в благоухающих лесах вспыхивают ярко, словно золото, цветы».

Возможно, в доисторические времена этот вулкан частенько наводил страх на все живое, сейчас же мирная гора утопает в цветах и фруктовых садах, разбитых в лощинах и на склонах. Где еще в Бирме природа соткала такой пестрый ковер из роз, хризантем, афри-

канских маргариток! Плодородная, вулканического происхождения почва и климат всегда благоприятствовали развитию садоводства. Многие гектары заняты под вишней, яблоней, персиками, цитрусовыми. Свежий ветер, дующий с Иравади в сухой сезон, надежная тень от разросшихся эвкалиптов, прохлада, исходящая от более чем двухсот родников с кристально чистой водой, манят в этот уголок жителей изнывающих от жары городов.

Крикни с вершины горы — и тотчас многоголосое эхо подхватит твой восторженный голос и разнесет далеко по окрестностям, по лесам, где когда-то водились олени, тигры, леспарды, медведи и другое зверье. На вершине Поупы, согласно преданиям, с незапамятных времен живут духи-наты — их изваяния можно встретить там на каждом шагу. К монастырям, храмам и пагодам днем и ночью тянутся паломники. Их путь в ночные часы выдают мерцающие огоньки светильников (зажженные бамбуковые палки), петляющие по склонам горы. А днем «бирманский Олимп» штурмуют иностранные туристы, которых всегда хватает в подобного рода местах. И уже много лет каждого встречает здесь старожил монах У Парамма Вана. Он знает все легенды и песни, сложенные об изумрудной зелени столь непохожего на тропики уголка Бирмы, знает, сколько сил вложено, чтобы сохранить этот заповедник природы.

Окрестности горы считались заповедными еще до второй мировой войны. Лес стоял непроходимой стеной, и никто не смел сломать даже веточку, сорвать цветок. Местным жителям разрешалось обрабатывать лишь узкую полоску по краю леса. Там и были разбиты 33 сада по 7 гектаров каждый. Выращивали бананы, батат, цитрусовые. Вторая мировая война нанесла богатому краю страшный урон. В безнадзорных лесах под топор пошли могучие тиковые деревья, железное дерево, другие ценные породы. После войны район захватили сепаратистские мятежники, и новая истребительная волна прокатилась по заповеднику. Изрядно поредевшие лесные массивы стали сохнуть под жарким солнцем, появились ржавые выжженные плечи. Не раз прошлись по склонам пожары. Говорят, что один бушевал семь дней. Вооружившись палками, все население вышло на борьбу с огнем, сбивая его в высоком травостое, но сберечь удалось немного. Над кладбищем обуглившихся деревьев еще долго стоял дым.

— Возрождение этого края,— сказал сотрудник департамента лесного хозяйства У Тун Тин,— практически началось только в пятьдесят седьмом году, когда после стихийных бедствий были произведены первые посадки местных пород. Этих мер по исцелению края, конечно, было недостаточно, если учесть масштабы потерь. Работа заметно оживилась с приходом к власти и шестьдесят втором году Революционного совета. Посадили на пустошах саженцы сосен, сандалового дерева, кофейного. На совещании департамента лесного хозяйства девятого января семидесятого года было принято решение в течение трех лет полностью озеленить три с половиной тысячи акров земли. Генеральный план восстановления природы также предусматривал покрыть лесопосадками склоны горы и тем самым предотвратить изменение микроклимата, оживить начавшие пересыхать родники. Было запланировано поднять уровень воды в близлежащем водохранилище Чемаутаун.

Гора Поупа и прилегающие районы вновь получили право на неприкосновенность. Зажили старые раны, забили хрустальные ключи, которые дают воду нескольким соседним деревням. В леса пришла прохлада, и вновь повеяло, как говорится в старой легенде, «пряным ароматом корней, стволов, листьев, цветов, плодов». И опять спешат люди к бирманскому Олимпу, этому красочному зеленому острову на фоне чистого голубого неба, древнему памятнику природы.

— А сколько еще прекрасных мест в Бирме требуют доброго внимания человека! — снова заговорил У Тун Тин, хорошо знающий природу страны и беззаветно преданный своему делу.— Еще недавно из-за многих трудностей наше лесное хозяйство находилось в довольно запущенном состоянии. Сейчас новые лесопосадки занимают огромную территорию, активизировались поиски редких растений, которые мы стараемся взять под контроль и надежную защиту. Вам приходилось что-нибудь слышать об ароматном дереве ситхмой? — спросил У Тун Тин и, получив отрицательный ответ, принялся горячо доказывать необходимость воспроизводства и распространения этой породы в стране.

В мае, когда Бирму накрывают первые муссонные ливни, кое-где на склонах гор и среди вечнозеленых лесов на высоте 900 метров над уровнем моря расцветает маленькими белыми звездочками ситхмой. О существовании этого «пахучего» дерева даже в Бирме знают не-

многие. В буддийских книгах упоминается ситхмой, который якобы был ровесником самого Будды и прежде назывался «сандаку».

Когда бирманские леса изобиловали деревьями ситхмой, на рубку их отправлялись как на охоту, запасаясь провиантом. Промысловики ставили временные шалаши, располагались лагерем. По ночам они зажигали огонь и по традиции ублажали духов леса и гор подношениями риса. Поиски ситхмоя начинались с разведки, и не каждое найденное дерево оказывалось пахучим. Из ста примерно в пяти содержатся ароматные соки, которые концентрируются в наростах внутри ствола. Если у комля свежесрубленного дерева не обнаруживаются скопления смолы, то весь ствол в поисках этих наростов сверлят, а потом распиливают на поленья, а порой даже и раскалывают на мелкие щепки.

Смолистое вещество собирают буквально по каплям. Как правило, из взрослого дерева извлекают не более 80 килограммов ароматного густого сока, острого и горького на вкус. Сок ситхмоя издавна применялся как лучшее медицинское средство для заживления ран и от укусов ядовитых насекомых, а также в парфюмерии.

Может быть, это редкое дерево и исчезло бы совсем, если бы не энергичные усилия отдельных энтузиастов, поднявших вопрос об охране ситхмоя и восстановлении лесопосадок. Теперь есть надежда, что древнее ароматное дерево все-таки выживет и с течением времени станет еще одной статьей бирманского экспорта. И очевидно, недалек тот час, когда лучшие экземпляры бирманской флоры станут украшением городов. Решением городских властей в 1980 году в Рангуне было высажено несколько тысяч эвкалиптов, саженцев нгушваве, цветущего ярко-желтыми соцветиями, деревьев сейнбан, распускающихся красными и оранжевыми шатрами, и много других, дающих спасительную тень деревьям и кустарникам. Столице первой из бирманских городов суждено стать вечнозеленым благоухающим садом.

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

У самого начала поворота Иравади в сторону Мандалая на ее западном берегу в 37 километрах от областного центра Сагайна приютился городок Юатиджи,

или, как называют его бирманцы, «Новая большая деревня».

На вид это и есть деревня, только чуть побольше и поаккуратнее. В средневековье небольшое поселение на этом месте имело другое название; свидетельствующее о том, что местные жители особенно рьяно поклонялись Будде. Однако не в старину прославил себя городок, а в наши дни.

20 октября 1964 года в Сагайне открылась единственная в своем роде Академия по развитию национальных меньшинств. После завершения строительства нового учебного комплекса в Юатиджи она переместилась туда.

Сама идея создания центра по подготовке кадров для работы в отдаленных районах возникла во время массовых манифестаций по случаю празднования 17-й годовщины Дня Союза. 12 февраля 1947 года генерал Аун Сан собрал на конференции в Панлоне представителей различных народов, населявших тогда еще колониальную страну, и предложил создать единое государство Бирманский Союз, союз связанных историческими узами братских народов. С тех пор этот день стал общенациональным праздником в Бирме. Мечты Аун Сана о тесном сплочении бирманских народов для их гармоничного развития стали реально осуществляться с приходом к власти в 1962 году Революционного совета. Создание Академии в многонациональном районе страны было одной из первоочередных задач нового правительства.

Около 50 народностей населяют Бирму. Некоторые исследователи насчитывают даже более ста этнических групп. В прежние времена не всегда они жили в мире. В огне братоубийственных войн сгорали дотла селения и целые города. Долго жила между народами отчужденность, подогреваемая английскими колонизаторами, мешала народам-братьям жить в мире и дружбе. Принятая 3 января 1974 года конституция Бирмы закрепила революционные завоевания народов и провозгласила их равенство перед законом, право на свободное развитие национальных культур, языков и литератур. Но значительные трудности по-прежнему продолжают создавать вот уже более тридцати лет различные вооруженные сепаратистские группировки, орудующие в периферийных районах. Пользуясь сложностью отношений между национальными группами, главари сепаратистов

ратистов стремятся разобщить народы страны, посеять взаимный страх и ненависть.

На церемонии открытия Академии представитель министерства образования Революционного совета полковник Хла Хан был немногословен. Раскрывая суть политики власти в национальном вопросе, он сказал тогда о заинтересованности правительства во всестороннем развитии малых и больших народностей Бирмы, в подготовке проводников национальной политики партией ПБСП в глухих окраинах страны, создании нового социально-политического и жизненного уклада. Основатели Академии преследовали также цель способствовать укоренению духа национального единства, равенства, взаимопониманию между различными народностями и взаимообогащению их культур, выравниванию жизненного уровня отсталых этнических групп до более развитых.

Скоро в Юатиджи пришли первые представители бирманской глубинки. Юноши и девушки добирались издалека. Кто как мог. Ма Оун Мьин, например, из области Тенассерим много километров исколесила на телеге, запряженной быками, прежде чем достичь районного центра. Затем колеса старенького поезда отстукивали мили по узкоколейке. Дальше выручал попутный транспорт, а где и собственные ноги. Девушка спешила и все-таки опоздала к началу занятий. Было обидно до слез. Почему-то вспомнился уютный родительский дом, прощальный растерянный взгляд отца и матери. «Теперь наверняка не примут», — испуганно думала Ма Оун Мьин и представила себе весь путь, который ей вновь придется пройти, и позорное возвращение домой. Но в Академию ее приняли, дали место в студенческом общежитии и стипендию 75 кьят. Так начались для нее дни напряженного учения в многонациональной семье сверстников. Думала ли когда-нибудь девушка из далекого Тенассерима, что именно на ее долю выпадет ответственная миссия поднимать культуру отсталых районов?

— Не все шло гладко на первых порах, — рассказывает бывший директор Академии У Тин Маун. — Многие учащиеся не понимали друг друга. Языковой барьер мешал в общении и с преподавателями, которых к тому же не хватало. Вначале их было всего тридцать, потом пятьдесят. На первом наборе как бы проходила проверку учебная программа. В чем-то экспериментировали,

искали самое рациональное. Бирма — дом для многих исконно проживающих в ней этнических групп. Хотя качины, кая, карены, моны, бирманцы, араканцы, шань — это разные народы, они члены одной большой семьи и разделяют общие трудности и радости. Поэтому главное внимание уделялось тому, чтобы молодые люди подружились, почувствовали себя хорошо в единой большой семье, нашли общий язык и в общении оказывали друг на друга благотворное влияние. По существу, нашим питомцам суждено было стать, как говорится, первыми образованными людьми на селе, к которым земляки всегда могли бы обратиться за помощью.

На залитую солнцем лужайку около учебного корпуса высыпали юноши и девушки лет по 15—16 в национальных костюмах. Неужели о них с такой серьезностью говорил У Тин Маун?

— Чин Шве Син. Я из Чинской национальной области, чин по национальности, — представился мне один из юношей. — Все свои силы и полученные в Академии знания отдам делу процветания своего родного края.

Населяющий Бирму пограничный с Индией и Бангладеш народ под обобщенным и распространенным названием «чины» часто называет себя также «зоми», «мизо», «зо», «чо», «эшо» или «лайми», что в переводе означает «люди». Эти представители тибето-бирманской языковой группы, к которой принадлежат также бирманцы, качины и нага, некогда населяли территории Монголии, Тибета, Китая. По-видимому, еще в I тысячелетии до н. э. племена чинов поднялись с обжитых мест и потянулись осваивать неизведанные земли. Одни осели в Бирме, другие продолжили путь в нынешние Вьетнам, Лаос и Кампучию.

По некоторым предположениям, активное проникновение чинов в Бирму шло с IV до середины VIII века. Говорят, что в месте слияния рек Чиндуин и Манипур «кончается земля». Так и сохранилось старое чинское название местности, которое в переводе на русский значит «водяной частокол». Разливы рек остановили не всех. Отдельные племена спустились вдоль по течению Иравади до самой северной вершины горной системы Пегу — Йома — вулкана Поупа, иные продвинулись в высокогорные области западной части страны и основались в районе Минда — Канпеле — Матуби — Палевы. Племенная разобщенность и стремление жить изолиро-

ными кланами привели к дроблению этнической группы.

Поселения чинов утопают в банановых зарослях. Склоны бесчисленных холмов разбиты на неровные деляны, обработанные подсечно-огневым способом. Немалое место в жизни чинов занимает охота, не только как важный промысел, но и как традиционный спорт, дающий возможность помериться силой, проверить смелость и отвагу. Каждый мужчина должен показать свою удаль в единоборстве с диким зверем — все равно с каким. К тому же считается, что охотник никогда не попадет в ад. Приучаются они к охоте с раннего детства.

С бирманцами чины издавна жили бок о бок. В Паганский период истории городом Тхилином на Чинских холмах владел бирманский правитель Мин Со Найн, который собирал с населения налоги золотом. С его смертью на трон взошел его сын То Хлайн Мин, которого изгнал вторгшийся в этот район со своим войском паганский король Алаунситу. Он принес на землю чинов смерть и разрушение. Но шло время, и снова возрождались поселения, поднимались дворцы и храмы. Последующие бирманские правители расширили свои владения до нынешних чинских районов Минда и Канцеле, заключив с местным населением мир.

Минда — один из девяти районов Чинской национальной области. Его название означает на бирманском языке «королевские войска». То ли нашествие соседних завоевателей отразилось в нем, то ли тот факт, что чины поставляли воинов в бирманскую армию. А может быть, в годы междоусобиц здесь действительно стояли бирманские войска, которые и дали имя городу? Старожилы утверждают, что он получил такое название в связи с пребыванием в нем британских колониальных войск, захвативших Минду 25 декабря 1885 года. В период борьбы за независимость отсюда вышли такие известные национальные герои, как У Вум Ту Маун и У Ки Пе Леин, который стал в дальнейшем членом Государственного совета Бирмы.

Минда славится природными богатствами, опытными охотниками, искусными ремесленниками и самобытными традициями, но более всего талантливыми народными художниками и поэтами. Живописные зеленые гряды холмов, тенистые леса и прозрачные роднички издавна вдохновляли здешних жителей на восторженную ли-

рику. Необычайно красивый закат, шелест листвы, журчание ручья, песня в тихой ночи, древняя история народа — любимые темы чинских поэтов.

Потомственные земледельцы и охотники долго не имели собственной письменности. История народа передавалась столетиями из поколения в поколение в стихах и песнях. В начале нынешнего века католические миссионеры неоднократно пытались внедрить письменность в разных вариантах на базе латинского алфавита, но она так и не прижилась. Со временем официальным языком чинов стал бирманский, на котором в основном и ведется преподавание в школах.

В окрестностях Минды расположены 198 деревушек с населением около 30 тысяч человек. За годы новой власти в районе построены средняя школа, пять семилеток, 71 начальная школа, два госпиталя, 29 медицинских пунктов. Люди полагаются теперь больше на медицину, чем на традиционные услуги знахарей. Между холмами пролегла шоссейная дорога, мосты соединили берега рек. Сократились расстояния между разбросанными по холмам поселениями чинов.

Новое, никогда не виданное прежде, прочно вошло в жизнь 106 горных деревень Чинской национальной области. Только в августе 1983 года там открылись одна полная средняя школа, шесть неполных средних и 100 начальных школ. Таким образом, число общеобразовательных учебных заведений перевалило в области уже за 700.

Правительство Бирмы уделяет большое внимание развитию национальных окраин, преодолению старых пережитков и вовлечению населения в активное строительство новой жизни. В рамках аграрной реформы жители Минды, как и других районов, переходят от устаревшего, «кочующего» земледользования, что приводило к истреблению лесов и эрозии почвы, к современным методам обработки земли. Все большую популярность завоевывают пчеловодство, разведение скота. Здесь и там на голые вершины чинских холмов надвигаются молодые лесопосадки — плоды нежной заботы жителей о своей земле, свежий современный штрих в панораме живописного пейзажа окрестностей Минды, которые с новой силой вдохновляют поэтов-чинов на возвышенное воспевание своего пробуждающегося края и древнего народа, не так давно ступившего на путь современной цивилизации. Новые песни слагают теперь

и Минде поэты, и в них наверняка найдется место таким пионерам, как Чин Шве Син, поставившим целью своей жизни беззаветное служение народу.

Мне вспомнился еще один воспитанник Академии по развитию национальных меньшинств — товарищ Чин Шве Сина, парнишка из племени нага Маун Кан Аун. Он прибыл в Академию из наиболее отсталых, высокогорных северо-западных районов Бирмы.

— В нашей группе, — сказал юноша, — десять шанов, шесть мальчиков и четыре девочки, пятеро моих земляков. Живем дружно. Нам очень хотелось бы после получения диплома работать вместе.

Немногое знал из прошлого своего народа Маун Кан Аун, и частенько на выручку приходил во время беседы преподаватель.

Когда-то воинственные племена поднялись на самые вершины гор и в заоблачной выси основали свои поселения, чтобы легче было наблюдать за противником. Внутриплеменная вражда возникала по разному поводу: кто-то не вернул долг, кто-то нарушил обещание. Нередко нападали друг на друга, чтобы побольше добыть голов противника, так как у нага существует обряд инициации (посвящение юноши в воины), и раньше юноша не мог считаться воином, пока не заполучит голову врага.

Горные хребты изолировали нага от окружающего мира, оградили от влияний их самобытный семейный уклад, вековые традиции и верования. Внешне похожие на чинов и качинов горцы связаны с другими районами Бирмы пока еще довольно условными экономическими и культурными нитями, живут, как жили их предки, занимаются земледелием, выращивая рис, просо, ячмень, кукурузу, охотой и скотоводством. При упоминании о народных праздниках Маун Кан Аун оживился. Тут он чувствовал себя знатоком и говорил без умолку. Оказалось, что день или два в году нага отмечают праздник урожая, который устраивается повсеместно по заведенному ритуалу между январем и мартом — в зависимости от завершения полевых работ в разных поселениях. Нага очень любят этот праздник и готовятся к нему загодя. В лесах отыскивают скот (быков или буйволов), который круглый год находится на свободном выпасе, для ритуального праздничного пира. Духи нага требуют обильных жертв — у специального жертвенника идут под нож буйволы, свиньи, птица.

Совершение обряда жертвоприношения крупного рогатого скота носит отголоски диких обычаев далеких предков. Буйволу или быку подрезают вначале сухожилия передних, затем задних ног. Упавшему животному наносят смертельный удар копьем. Голова жертвы вывешивается на фронте жилища, и чем больше таких трофеев, тем знатней и богаче хозяин дома. Кровью окропляют поля, сырое мясо раздается односельчанам, а вареное предназначается домашним духам. Культовые действия сопровождаются апелляцией к духам, чтобы не скудел урожай, животные не травили посевы, эпидемии не косили людей и тигры обходили стороной жилище. Много мирских просьб у людей, а значит, и подношения духам должны быть значительными.

Не каждому по карману щедрые дары. Но кто не в состоянии забить буйвола или быка, тот на праздник не имеет права облачаться в полный национальный наряд.

Зажиточный нага выделяется на торжествах. Степень его богатства определяет головной убор, украшенный яркими птичьими перьями и клыками дикого кабана. Чем длиннее клыки, тем дороже головной убор, который порой в два-три раза превосходит по цене среднемесячную зарплату бирманского рабочего. Больших денег стоят и браслеты из слоновой кости на руках. В обычные дни горцы носят набедренную повязку. Этот «костюм» дополняют плетеный пояс с палашом в плоских ножнах с колокольчиком да джутовые браслеты на лодыжках.

Когда наступает праздничный вечер, в поселениях вспыхивают костры, на которых жгут кости животных и у которых всю ночь до утра без какого-либо музыкального сопровождения пляшут женщины, завершая редкое в суровой жизни нага веселье.

Под впечатлением услышанного я невольно обвел взглядом ладную фигуру Маун Кан Ауна в добротном костюме, какие носят бирманцы, а он, поймав мой взгляд, дружелюбно рассмеялся.

— Я уже не тот, что мои соплеменники, — сказал юноша и после короткой паузы серьезно добавил: — Я хочу быть другим, чтобы вывести мой народ из отсталости, как этому учат в Академии.

По привычным понятиям, Академия — это самая высшая школа наук, дающая обширнейшие и глубокие знания. Может быть, так называли учебный центр в Юатиджи потому, что у бирманского правительства и

народа нет цели более высокой и благородной, чем решение национальной проблемы. На самом деле это полная средняя школа особого профиля и назначения. В Академию развития национальных меньшинств принимают по специальному набору наиболее способных к учению юношей и девушек, окончивших семь классов. В течение четырех лет учащиеся осваивают историю и географию страны в целом, изучают родной язык, традиции и обычаи различных народностей, технические дисциплины, знакомятся с партийными документами ПБСП и основами политэкономии. В Юатиджи готовят не просто преподавателей школ, но активных пропагандистов и организаторов экономического, социального и культурного развития малых народностей. Именно этим определяется роль Академии в вопросе решения национальной проблемы Бирмы. Через открытые окна аудитории слышится незнакомая певучая речь. Идет урок. Мы заглянули внутрь — на доске округлая вязь бирманского письма. В соседнем классе из-под ножа летят стружки от твердого тикового бруска, и на нем появляются очертания рисунка. В Академии учатся также лепить и рисовать, играть на народных инструментах, готовить национальные блюда. Здесь приобретают навыки кузнечного дела, организации медицинской помощи, получают широкие знания в области современных методов сельскохозяйственного производства, кооперации.

Молодой специалист сельской местности должен знать все, что пригодится в жизни глубинных районов, и готовить себя к нелегкой работе морально и физически. Поэтому учебный день в Академии начинается очень рано. Надо многое успеть сделать и многому научиться. Трудовую закалку учащиеся получают в свободные от занятий часы, работая на своих учебных 160 гектарах земли, на ближайших фабриках и рисо-рушках.

Расширение и совершенствование системы образования рассматриваются в Бирме как одна из основ национального строительства. В завершившемся в марте 1982/83 финансовом году расходы на нужды просвещения достигли более 870 миллионов кьят, возросли за последние 20 лет более чем в пять раз. Особое внимание уделяется развитию системы образования в национальных областях страны, которое расценивается как важный фактор ликвидации векового разрыва социально-экономических уровней центральных и периферийных

районов Бирмы. Одним из плодотворных примеров такого подхода является деятельность Академии развития национальных меньшинств. За четыре года обучения государство расходует на каждого ее студента более 10 тысяч кьят. На всех курсах Академии учится около 700 слушателей, представителей 47 народов Бирмы. За 20 лет в ее стенах прошли подготовку около 2,5 тысячи человек. Многие питомцы Юатиджи уже отработали свои обязательные первые пять лет в родном краю. Некоторые там и осели, иные поехали осваивать новые районы. Одни учительствуют, другие занимают ответственные посты в партийных органах, работают в местных Народных советах. Выпускники Академии, находящиеся под общим контролем ЦК ПБСП,— люди хотя и молодые, но весьма уважаемые — они нужны повсюду. Эксперимент в Юатиджи давно оправдал себя. Учебный центр по праву называют теперь кузницей кадров, довольно квалифицированных и сознательных, несущих в массы идеи революционной партии и шаг за шагом прокладывающих путь к освобождению многих народностей страны от пут отсталости. Посланцев из Юатиджи ждут еще многие глухие уголки. Отсюда не слышно, как плещутся волны Иравади. Но она где-то рядом, пробирается по извилистому ложу. На ее берегах мостятся деревни и города, и среди них Юатиджи, ставший своеобразным символом единства большой семьи народов Социалистической Республики Бирманский Союз.

ДЫМ ОЧАГА НАД ОЗЕРОМ ИНЛЕ

Маленький «Фоккер-Френдшип» с эмблемой бирманской авиакомпания быстро набирает высоту, оставляя под крылом млечную испарину тумана, не успевшего еще раствориться в лучах жаркого солнца, поднимающегося над Рангуном. Вырвавшись в чистое небо, самолет словно замирает над бескрайними просторами Шанского плато. Хотя натруженные двигатели исправно отрабатывают свои 400 километров в час, из состояния неподвижности выводит лишь медленное смещение кадров земной панорамы в узеньком отверстии иллюминатора и легкое покачивание корпуса машины.

Под крылом проплывают покатые склоны невысоких лесистых хребтов с проплешинами на вершинах, покры-

тыми кое-где стелющейся порослью, холмистые степи, окаймленные изломанными линиями наползающих друг на друга скал, желтые тонкие нити пыльных провинциальных дорог. В долинах рек отчетливо просматриваются разные по величине квадраты крестьянских делян с оспинками рисовых посадок, сахарно-белые и золотые зонтики буддийских пагод, невесть как взобравшихся на крутизну, сизые буйволиные спины в сером и буром глянце водоемов, подернутых у берегов зеленоватой тиной. Но вот опять под нами царство дикой природы, глубокие ущелья, дно которых изрыто набегами паводковых вод, бурлящих после муссонных ливневых дождей. Шанское нагорье — это 160 тысяч квадратных километров волнистых равнин, над которыми поднимаются сглаженные невысокие вершины, привольных степей, плодородных долин, раскинувшихся по берегам рек. Это гамма цветов неповторимого пейзажа одного из живописнейших уголков Бирмы.

В южной части Шанского нагорья, в долине Ньяуншве, которая лежит на высоте примерно 700 метров над уровнем моря, распласталось озеро Инле, второе (после Индоджи) по величине естественное озеро страны. Его относят к реликтовым водоемам, и когда-то оно занимало гораздо большую площадь, чем теперешние свои 100 квадратных километров. Слишком интенсивно наступают берега, тростник отвоевывает себе все больше места.

Озеро мелеет. Пагубно сказалось вторжение человека, поселившегося здесь еще во времена Паганского государства. Давно распаханы под посевы многие сотни гектаров земли вокруг озера, выкорчеваны леса, сглажены лесистые холмы, вследствие чего обнажилось кое-где илистое дно. Специалисты утверждают, что, если не будут приняты эффективные меры, озеро погибнет через 50 лет. Естественное заболачивание, разрастание водных растительных плантаций и интенсивное озерное сельское хозяйство обострили проблему до необходимости срочной консервации Инле. В апреле 1978 года вступил в силу проект по спасению озера, рассчитанный на 10 лет. На пустынных 100 акрах земли появились первые лесопосадки. Каждый год будет озеленяться 250 акров. К кампании за жизнь озера подключено местное население.

Инле изменчиво, непостоянно. Подуют муссонные ветры — и взбунтовавшееся небо обрушивается на землю

потоки воды. Тогда вышедшее из берегов озеро трудно измерить. Колебания уровня воды в дождливый и в сухой сезоны значительны. Средняя глубина Инле колеблется от двух до семи метров. Со всех сторон, кроме южной, к Инле спешат реки и ручьи, питая его прозрачной водой. Речушкой Билу озеро делится избытками влаги с рекой Нампун, вливающейся в Салуин. С двух сторон к озеру близко подступают невысокие горы, защищая его от сильных ветров, с двух других сторон оно всегда открыто солнцу, которое прогревает его воды до 20 градусов.

Когда душная тропическая ночь, полная тревожных звуков и пряных запахов, уходит от соприкосновения первых лучей с мерцающей гладью, над Инле поднимается пар. Слово дымок от погашенного костра, он стелется в безветрие над белыми, желтыми, розовыми головками водяных лилий, обволакивает прибрежный камыш и тростник, зеленые островки на высоких сваях, поднимается к золотым зонтикам пагод.

Рано пробуждается жизнь в огромной чаше Инле — в всплесках проголодавшихся рыбешек, крике пикирующих на воду чаек, в позывных горластых петухов. И вот уже слышится отдаленный рокот мотора, тяжелой гирей висящего на хвосте узкой длинной лодки. Такие же утлые, почерневшие от воды суденышки покачиваются на привязи у бамбуковых хижин под тростниковыми крышами с плетеными навесами над прорезями оконных проемов. Хижины эти располагаются на платформах, которые лежат на поднимающихся на 2—3 метра над водой прочных сваях, упирающихся в илистое дно.

Сходит предрассветная пелена, и перед глазами встают целые кварталы домишек «на ходулях». От высокого порога деревянная лестничка ведет вниз, к площадке причала. Дома то теснятся в пробитых среди озерных зарослей коридорах, то вытягиваются в строгую линию, образуя улицы. Нередко высокие дугообразные мостки связывают две части улицы, обеспечивая движение как пешеходов, так и водного транспорта. В пристройках-двориках (также на сваях) дымятся очаги, играют дети, топчется домашняя мелкая живность, в том числе рыжие собаки. Кто укладывает на дно лодок товары, чтобы везти их на продажу, кто готовит семейный десант для вылазки на городской рынок, до которого отнюдь не рукой подать. Озеро давно служит пристанищем народа, когда-то изгнанного с рав-

иных земель шанами и приспособившего его для жизни. Точную дату расселения здесь инта никто не знает. Может быть, помнят это плавучие травянистые островки и голубые цветы бедар, вздрагивающие от набегающей волны, или молчаливые скалы вдали, обросшие дикой тропической растительностью.

Местный старец с застывшей печалью в глазах покачал головой, будто силясь припомнить давно минувшее, некогда пережитое или рассказанное. Губы разошлись в хитровой улыбке, собрав в уголках мелкую точку морщин.

— Разве можно все упомянуть? Много тут побывало туристов, и все спрашивали, откуда пришли инта, — словно пропел на высокой ноте старик. — Здесь, на дне озера, покоятся наши предки. В этих бедных хижинах на воде рождаются наши дети. Инта не знают прошлого, живут настоящим и будущим, — закончил он, словно устав.

Как бы то ни было, озеро хранит немало преданий и легенд о происхождении своих обитателей, в которых можно найти и крупицу правды. Вот одна из них.

Когда-то, в очень давние времена великих переселений, ветры судьбы подняли с нагорий Западного Китая племена и направили их в сторону нынешней Бирмы. По стране растеклись три миграционных потока тибето-бирманской языковой группы. Один спустился вдоль реки Иравади на юг и остался в центральных районах и в Нижней Бирме, другой пересек в верхнем течении полноводную реку и потянулся в горы, на запад, третий облюбовал междуречье Мали и Нмайкхи и северную горную часть. В пути каждая из групп раскалывалась на более мелкие подразделения, которые, в свою очередь, также дробились в поисках плодородных долин, богатых зверьем лесов, чистых источников. Где-то среди первопроходцев пробивались к новым землям и предки инта, имевшие большое сходство с бирманцами и та-войцами.

Существует и другая, более современная легенда о появлении первых поселенцев на Инле. Говорят, что много столетий назад, в Паганский период, озеро решил объехать король Алаунситу. На носу судна горели пять золотых статуй Будды. Король имел серьезные намерения прославить имя свое в здешних краях. В память потомкам он распорядился воздвигнуть на западном берегу, около нынешних деревень Паундоу и Пайа-Каун-

тиң, величественные буддийские храмы. По его же указанию в середине озера соорудили сваи, чтобы построить на них дворец для приезжей знати. Намечалось строительство и королевской резиденции.

Живописная местность пришлась по душе не только королю, но и придворным — тавойцам по национальности, от которых, как полагают, и происходят инта. Очарованные красотой Инле, они попросили короля разрешить им остаться на озере. Король согласился. Так впервые и было заселено озеро. Проходили столетия, колония тавойцев разрасталась, и сейчас она насчитывает более сорска деревень. Что бы ни рассказывали легенды, бесспорно одно: жители Инле — пришельцы. Нередко инта называют «озерными бирманцами», поскольку в их внешнем облике и в языке много общего с бирманцами. Но в речи инта встречаются слова из лексики араканцев и тавойцев, что говорит об их родстве и с другой языковой подгруппой.

По преданию, инта основали вначале четыре деревушки: Намтоу, Нампин, Юаджи, Хея Юама. С годами люди освоили большую территорию от города Ньяуншве до Лойко, расселились в четырех приозерных районах Инле. По статистике 1955 года, народ инта насчитывал 80 тысяч человек, а по последним данным, только в районе Ньяуншве проживает около 30 тысяч семей — почти 96 тысяч человек. 170 деревень инта выросли на озере, 260 — на его берегах. В средние века озерный край был расчленен на северный и южный, а обе части раздроблены еще на 13 мелких единиц, во главе каждой из них стоял правитель. Когда феодалы лишились власти, район перешел в ведение городских властей.

Среди народов Шанской национальной области инта живут наиболее зажиточно. И не потому, что природа слишком благосклонна к ним. Озерные жители славятся своим умением осваивать сразу несколько профессий, переключаться по мере надобности с одной на другую, создавать простейшие формы трудовой кооперации. Совместный труд сближает людей. Инта всегда старались жить не обособленными, одинокими хуторками, а большими поселениями. Деревня Нампин насчитывает, например, до тысячи дворов, Хея Юама — и того больше. Показателем обеспеченности считаются великолепные буддийские пагоды и храмы, возведенные на воде на стабильном фундаменте из множества деревянных столбов, а также на небольших островках. Некоторые

из них — это исторические и архитектурные памятники, имеющие общенациональное значение.

Каждые пять дней, только успеет разлиться по сонной глади озера рассвет, в путь устремляются целые караваны тяжело груженных лодчонок. В единственный, как правило, в неделю базарный день надо успеть реализовать излишки продукции и запастись всем необходимым на городском рынке. Жители деревни Хея Юама торгуют, правда, каждый день на сельской базарной площади и на воде прямо с лодок. Привычно проплывают вдоль выставленных на лодках товаров покупатели, и, так же как и на суше, по-деловому совершаются здесь нехитрые операции купли-продажи.

Богаты базары инта. Тонкие местные шелка, хлопчатобумажные набивные ткани, чеканка по золоту, серебру, меди, домашняя утварь, фрукты, овощи, рыба. Чего только не производят «озерные бирманцы», народ трудолюбивый, мастеровой! Но главное занятие инта — сельское хозяйство, рыбная ловля.

Земля здесь — понятие условное. Прибрежные полоски, засеянные рисом, пшеницей, кукурузой, — вот, собственно говоря, и все естественные земельные наделы. Но человек распорядился по-своему. Хозяйским глазом он высмотрел на Инле небольшие островки, сотканные из водорослей и «слоновой» травы, скрепленных за сотни лет песком и илом. Долго гоняли их по Инле ветры, пока эти толстые, пригодные для земледелия растительные пласты не посадили где-нибудь на мелководье. Вот на таких относительно устойчивых «полях», иногда размером с гектар, и были выращены некогда первые урожаи.

Инта освоили затем и подвижные сплетения клубней, небольшие плавающие островки площадью до 15 квадратных метров. Чтобы не расплывались участки по озеру, их прикалывают ко дну длинными бамбуковыми шестами, пристегивают друг к другу, отлавливают новые и вновь «прошивают» жердями. Верхний слой островков инта обильно приправляют питательным эликсиром плодородия — илом, и огород готов. Огородами на плаву, возделанными или целинными, торгуют, разрывая их на куски и отгоняя на чистую воду. День, а то и два уходит порой на тяжелый бурлацкий труд, чтобы перетащить с места на место многопудовый массив, тараня его веслом или шестом, стоя в мелкой неустойчивой лодчонке. Иногда «земельные участки» пе-

ретаскиваются с помощью буйволов, которых гонят вдоль берега и которые тянут за собой веревку, прищипанную к бамбуковой палке, закрепленной на островке.

Туристическим, праздным взглядом не замечая, сколько поистине титанического труда вкладывают инта в озерное сельское хозяйство, в эти плавучие грядки на приусадебных участках у платформ их жилищ, в центральные плантации вдали от домов. Подплываешь на лодке к островку и видишь, как перекачивается на поднятой волне весь зыбкий массив с грядками капусты, помидоров, огурцов, лука, чеснока, бобовых, картофеля, арахиса, клубники.

Когда-то в старину инта были только рыбаками. И в этом деле им опыта не занимать. Они умеют загонять в сети целые косяки рыбы. Помимо обычных сетей озерные жители используют ловушки из длинных бамбуковых палок, которые соединяются на одном конце, образуя конус, и сверху обтягиваются сеткой. Для сохранения формы конус распирается изнутри набором различного диаметра колец. Стоя на корме, рыбак быстро погружает в воду такой конус его широкой частью и тотчас вытаскивает запутавшуюся в сетях рыбу. Разновидностью такой ловушки является небольшой квадратный плетеный загон в виде домика без крыши.

Инта прославили себя как искусные ремесленники. — Видите поблекшую позолоту на зонтике той древней пагоды, ажурный узор на деревянных обрамлениях пристроек — все это сделали жители озерной деревни Талей, — сказал председатель Народного совета района У Эй Маунг.

Его рассказ ведет от деревни к деревне, от двора ко двору, где живут потомственные кузнецы; чеканщики, ткачи, производящие лучшие во всей Бирме лоунджи.

Представитель местной народной власти У Эй Маунг, человек с высшим гуманитарным образованием, знает, как нелегко здесь труд и крестьянина и учителя, с каким напряжением всех сил достается рис, закупасмый государством у единоличных производителей по твердой цене. Задача местных учителей — приблизить инта к современному жизненному уровню наземных жителей, вдохнуть в них социалистическое сознание. Этого требует Партия Бирманской социалистической программы, а У Эй Маунг — проводник ее политики в озерном крае. Он живет радостями инта и их заботами.

Вода... кругом вода. Но на ней появились уже совре-

менные школы, больницы. Часть озерного флота оснащена моторами. Созданы кооперативы.

В одежде инта сочетаются различные стили. Мужчины носят длинные, очень широкие штаны, бирманские курточки, на голове тюрбан из полотенца; женщины одеваются, как бирманки. Вообще инта многое роднит с бирманцами, и они это подчеркивают, оберегая бирманское культурное наследие, традиции, обряды. У бирманцев они переняли весь свадебный ритуал, рисунок и ритм танца, мелодии, порядок сбора пожертвований на содержание буддийских монастырей. Жители деревни Хея Юама до сих пор разыгрывают древнее бирманское музыкальное театрализованное представление, в котором участники инсценировки посредством танца изображают королевский суд, передавая манеру речи, поведения, осанку судей. Причем одежда также соответствует случаю.

Редко кто из бирманских юношей избегает торжественного обряда посвящения в монахи. В озерном крае особенно почитают этот народный обычай, следят за тем, чтобы каждый в возрасте от 9 до 15 лет прошел церемониал приобщения к буддийской религии. На празднества собирается множество гостей. Одни привозят рис, растительное масло, овощи, другие дарят деньги, предлагают услуги по хозяйству. На угощение уходит несколько сот килограммов только одного риса, и каждый понимает, что, когда приходит такой праздник, без взаимовыручки не обойтись. Виновников торжества наряжают, как принцев, их осыпают подарками, окружают вниманием. Утощение для них готовится отдельно, и сами родители собственноручно подают им самые вкусные лакомства. Гости желают долголетия, удачи. Затем целая флотилия лодок под музыку направляется к монастырю, где юношей наголо обривают и верховный буддийский священнослужитель совершает обряд посвящения в монахи и облачает каждого мальчика в оранжевую монашескую тогу.

Шумные веселья случаются на Инле нередко. Каждый год в октябрьские дни от деревни Нанху отчаливает огромная красочная ладья в форме священной птицы хинта, напоминающей утку. Говорят, что именно на таком ковчеге странствовал некогда по Инле король Алаунситу. Так же как и в далекие времена, на корме выставляются золоченые изваяния Будды, на время переселенные из знаменитой местной пагоды Паундоу. По

обычаю, каждый наклеивает на статуи тонкие листики сусального золота. Фестиваль в честь храма Паундоу — самое значительное событие в озерном крае, собирающее паломников даже из отдаленных районов Бирмы.

Величаво скользит ладья по тихой воде, подплывает к поселениям, разбросанным вокруг озера, чтобы завершить традиционный ритуал поклонения. Возвращение к пагоде статуй Будды открывает новый этап фестиваля — народное гулянье, раздольное, мирское, свободное от религиозных условностей. Над озером звучат музыка, песни. Устраиваются соревнования по оригинальному, распространенному лишь в здешних местах виду спорта — ножной гребле. Впрочем, состязания проводятся не только в дни фестивалей. Достаточно одной деревне бросить спортивный вызов соседям, и тут же набираются команды, собираются болельщики.

К месту гонок приходят и стар и млад. На длинных узких лодках с опорными перекладинами во всю длину на уровне пояса выстраиваются команды из 22 человек, плотно стоящих друг за другом в две шеренги. Одной рукой они опираются на планку, другой удерживают ручку весла, которое обхватывается в его нижней части ногой. Стартовый взмах платком — и лодки под ритмичное гиканье участников срываются с места и устремляются к финишной жерди, торчащей из воды километров за восемь от старта. Судна как лезвия рассекают с молниеносной быстротой зеркальную поверхность. В воздухе синхронно мелькают голые пятки, продолговатые лопасти весел, напружинившиеся смуглые спины. Победителей бурно чествуют, отмечают подарками. А на старте ожидает сигнала новая пара лодок. Команда из 12 замужних женщин и 12 девушек. Умению и опыту противопоставляются сама молодость и задор. Гляди, мол, болельщик, в оба! Может быть, на стремительной ладье летит и твое счастье. Юное, ловкое, сильное и милостивое создание, которому повезло в этот день показать свое искусство вот так, на людях, на чистой глади Инле.

Солнце клонится к закату. Еще несколько часов, и оно провалится за горизонт так поспешно, как, пожалуй, бывает только в здешних краях. По воде скользят лодки с только что собранным урожаем. Кто-то пришвартовался к пагоде, чтобы побыть в храме наедине со своими сокровенными думами. На высокой платформе, на спущенных в воду ступеньках плещется неугомонная детво-

ра. Над домашними очагами колдуют женщины. Размеренная, неторопливая, как воды зеленоглазого озера Инле, жизнь.

ВЕЧНЫЕ СТРАННИКИ

На южной оконечности Бирмы, где теплое Андаманское море плещется у сильно изрезанной линии побережья Тенассерима и бьется о множество скалистых островов архипелага Мьей (Мергуи), разбросаны небольшие деревни салонов (селунгов), вечных скитальцев и мореходов. Пугливые и замкнутые люди, не приспособившиеся к современным условиям жизни, так и не смогли выйти из узкого мира, в котором находились их далекие предки. Толком никто не знает, когда появились салоны на островах и в болотистой береговой полосе вдоль Тенассерима. В документах переписи 1891 года этот народ зарегистрирован именно так, как называли его бирманцы: «салоны», то есть «живущие у моря», «морские жители». Сами же себя эти люди до сих пор называют мокенами — словом, означающим на языке салонов «погружающийся в соленую воду», что отвечает образу их жизни и промысловой деятельности.

Считается, что салоны — выходцы из Малайзии, так как говорят на языке, схожем с малайским, и внешнею чем-то напоминают малайцев, хотя у них есть что-то общее и с бирманцами. По одним предположениям, салоны антропологически близки к папуасско-меланезийскому типу негро-австралоидной расы, представляют вторую по древности ветвь народов Юго-Восточной Азии и происходят от малайзийских и индонезийских племен, отброшенных к бирманскому побережью более воинственными соседями. Иные догадки не исключают, что салоны откололись от своего же рода и отошли по каким-то причинам от родственных малайцев, которые до сих пор называют их «оранг бесим» («оттесненные люди»). Существует версия о самостоятельной народности, имевшей, по крайней мере до VI века, собственное островное государство, пока оно не рухнуло под ударами завоевателей, а его население нашло убежище на бирманских островах. По представлениям же самих салонов, их предки произошли от населяющих и поныне Бирму мо-

нов, которые вынуждены были спуститься на юг страны во время засилья бирманских королей.

Волны скитаний прибили салонов к безлюдным каменистым островам вблизи города Мьей. Маленькие обособленные группы поселенцев можно встретить и в других близлежащих районах. Сегодня они здесь, а завтра снялись и на рассвете ушли в другие места. Море не хранит следов их легких, быстроходных лодок. Вечно гонимые в прошлом то малайцами, то бирманцами, салоны превратились в странствующее племя, кочующее по безбрежным просторам Андаманского моря в поисках тихого временного приюта.

Когда-то они пытались освоиться на земле, выращивать кокосы, бананы, папайю, ананасы, но вновь приходили более сильные племена, которые разрушали их хозяйство и продавали мирных людей в рабство. Бурное море в период муссонов еще защищало салонов от врагов, но успокаивались волны, и на горизонте появлялись новые суда пришельцев. Страх перед ними гнал салонов с острова на остров, в открытые голубые морские дали. Жизнь на воде, постоянная готовность к лишениям, бегству от преследований наложили отпечаток на самобытный уклад полузабытого племени, инстинктивно избегавшего контактов с внешним миром. Современниками без прошлого и будущего называют бирманских салонов.

Американский миссионер-баптист Стивенс попытался создать в начале XIX века для салонов письменность на базе латинского алфавита. В 1844 году манускрипт Стивенса был размножен, а спустя два года издан в виде начального пособия. Время почти не сохранило каких-либо свидетельств живого интереса салонов к плодам благотворительной деятельности миссионера. Исчезла старая литература, а салоны так и не приобрели своей письменности, остались глухими к чужому печатному слову.

В полной изоляции от внешнего мира этот маленький (их всего несколько тысяч) странствующий народ сохранил навыки труда, опыт предков, который заменяет им книги, радио, кино и тому подобное. По наблюдениям некоторых путешественников, живших среди салонов, это народ понятливый, любознательный, но обойденный помощью, какую имели многие другие народы на разных этапах развития.

Каким-то чутьем салоны угадывают нужное место для ловли рыбы и устриц, знают, какое надо выбрать

для строительства лодки или хижины дерево, могут по виду определить, съедобен ли тот или иной фрукт, даже если он был ранее неизвестен, назвать по одному только листочку растение. По их понятиям, солнце восходит только для того, чтобы поднять их на работу, и опускается за морем, чтобы дать им отдых, а оберегают их покой духи, они же распоряжаются судьбой, дают пищу и кров. Духи навлекают на них страшные болезни, эпидемии. Холера, черная оспа, дизентерия, малярия беспощадно косят людей, а салоны убеждены в проделках злых духов, противопоставить которым они могут лишь заклинания да мольбы, обращенные к добрым духам. Иногда салоны идут за помощью к знахарям. Но они не лечат, используя всевозможные травы и снадобья, как у некоторых других народов, а шаманят, считая себя посредниками между семьей больного и духами. Знахарь, и он же наставник по вере, садится у изголовья больного и «вселяет» в себя сверхъестественную силу, а потом накладывает ему на больное место заранее приготовленные листья бетеля и чая, после чего все ждёт исцеления. В некоторых деревнях практикуется иной вариант такого врачевания. Больной укладывается на циновку, а знахарь с зажженной свечой на подносе, помахивая веером, «прогоняет» хворь. Одновременно он сыплет пациента жареным рисом. Обряд завершается чтением заклинаний и традиционным обращением к духам. Немногие выживают после такого «лечения», и тем не менее вера во всемогущество духов остается непоколебимой.

Главный дух-нат у салонов (тида) — творец всего земного. Считается, что он не требует жертвоприношений, поскольку уже создал все, что положено. Жертвы нужны другим натам, которые могут околдовать человека и принести ему несчастье. Часто на алтари салоны кладут бананы, кокосовые орехи, сладости, иногда черепах, свечи из пчелиного воска.

Будучи постоянно один на один с грозными силами природы, морской стихией, они по-особому относятся к духам моря, островов, считая, что многим обязаны этим невидимым, но могущественным патронам, и, боясь их прогневать, стараются вовремя задобрить подношением в виде кур, уток и другой живности. Устраивается шумная священная церемония. Все усаживаются на землю и, имитируя греблю на лодке, с заклинаниями «плывут» в сторону моря. Чем ближе к морю, тем гром-

че мольба, чтобы услышали ее немые скалы, беспокойные волны и сохранили привычный мир нетронутым.

Наставник-знахарь в большом почете у салонов. Его уважают и в то же время боятся: как бы не накликать беду. Особый страх внушает им его сумка с атрибутами волшебства (бамбуковая чаша с песком «цвета крови угря», несколько рыбьих костей и маленькая восковая фигурка человека, обвязанная тесемкой), которую он носит всегда с собой. «Сумка смерти», как называют ее салоны, делается из листьев растения дани или кокосовой пальмы, вымоченных в морской воде. Иногда бывает так, что пострадавший, не дождавшись никакой помощи от знахаря и израсходовав на него все свои припасы, тайком убегает, стараясь избавиться от опасного нахлебника, и тогда разгневанный шаман пускается за ним в погню. Страшен он в своем гневе: сначала тайком выслеживает обидчика, и стоит тому ступить на берег, как шаман собирает песок с отпечатка его босых ног в сумку, в бамбуковую чашу или тряпицу, завладевая таким образом следами жертвы, а следовательно — и душой. После этого он отправляется в лес, собирает там воск, смешивает его с собранным песком и вылепливает фигурку раненого или плененного человека, обмотав ее для убедительности ниткой или травой. Фигурку он показывает человеку, на которого собрался наслать болезнь или смерть. Затем отвозит восковое изваяние на необитаемый островок и при свете двух свечей начинает свои заклинания, призывая «чистые и нечистые» силы ниспослать недругу болезнь, а то и смерть, если обидчик того заслуживает.

Поскольку этот обряд отнимает много времени, знахарь придумал более простой. Он приходит к своей жертве с рыбьей челюстью и на его глазах раскрывает и закрывает ее, предупреждая о скорой смерти в пасти крокодила.

Много опасностей подстерегает этот небольшой народ на его жизненном пути, слишком велик страх перед силами природы, слишком много возможностей погибнуть — утонуть во время поисков жемчуга или умереть от случайной болезни. «Обреченный», как правило, убегает из родного племени, спасаясь от кары, а его исчезновение истолковывается как проделки злых духов.

Деревни салонов состоят из 10—30 временных хижин. Они расположены на высоких сваях, крыты бамбуком и листьями растения дани. В них салоны пережи-

дают ненастье, муссонные штормовые бури и ливни. А когда наступает затишье, флотилии лодок с целыми семьями от мала до велика на борту на несколько месяцев пускаются в плавание между скалистыми островами архипелага Мьей.

Хижины-лодки (кебины) салоны делают издавна, с тех времен, когда завоеватели выжили их из родных мест. Надстройка на палубе, где стенами служат борта лодки-долбленки, а крышей — листья дани, и есть плавающий дом салонов. На лодки идут пяти-семиметровые толстые стволы, которым придается нужная форма. Внутри их либо выдалбливают, либо, если нет нужных инструментов, выжигают, а обуглившиеся части соскабливают. Борта лодки делают более высокими, прикрепляя к ним вдоль всей длины легкие планки, после чего пропитывают их клейким древесным соком. Из бамбука делают пол и длинная мачта, на которой подвешивается парус, сшитый из 4—5 широких листьев растения тинпаун. Даже небольшой кусок ткани для салонов — слишком большая роскошь, к тому же ее легко может разорвать штормовой ветер, а листьев кругом сколько угодно, и чинить «растительный» парус не представляет особого труда. Большой камень, обвязанный плетеным из травы канатом, служит якорем. Ни единого гвоздя не используют салоны при сооружении своего быстроходного ковчега. Топор, широкий нож — все подручные средства корабелов. Они считают, что навыками строительства судна должны владеть все мужчины. Если молодой человек не усвоил потомственную профессию, он не имеет права жениться. Своим избранницам салоны верны, как морю. По заветам предков, они строго придерживаются законов единобрачия. Только вдовец может вновь вступить в брак. Этот народ не знает гражданского брачного законодательства. Приняли родители девушки сплетенный из листьев пояс, значит, согласие получено и будет новая семья. Невеста временно переселяется в лодку, где живут родители жениха, а ему предстоит построить собственную.

Не земля кормит салонов, а море, сделавшее их искусными пловцами, рыбаками, собирателями водорослей, жемчуга и редких раковин. Искатели жемчуга уходят под воду на двадцатиметровую глубину и способны находиться там фантастически долго. Это ремесло не могло не сказаться на их внешнем облике. Большинство из них низкорослы, с широкими мускулистыми

плечами, с налитыми кровью глазами и с постоянными нарывами на коже от соленой морской воды. Немало смельчаков, не рассчитавших свои силы, осталось лежать на морском дне, иным не удалось избежать острых акульих зубов.

На отмелях или на глубине салоны собирают морских улиток, устриц, ловят креветок, рыбу, черепаха — тяжким трудом добывают себе пропитание, дарованное морем, не обходя при этом и дары леса. С деревянными копьями, с наконечниками из рыбьей кости они идут охотиться на диких кабанов и косуль, один месяц в году собирают на скалах дикий мед и воск, съедобные птичьи гнезда.

В окрестностях приморского города Тавоя на много километров вдоль побережья Тенассерима растянулись гнездовья любопытных птиц. Они веками привлекали человека не экзотическим оперением или голосистой трелью, а вкусовыми качествами своих гнезд, которые они строят на отвесных скалах и на сводах пещер гористых островов. Птицы очень пугливы и осторожны. Как только появляется какая-нибудь опасность, они меняют место гнездования.

В Бирме насчитывается около тысячи видов птиц, и только у двух из них съедобные гнезда. Первых местное население называет «белыми птицами», хотя они темно-коричневые и лишь поясok у хвостовой части белый. Размер их не более десяти сантиметров, размах крыльев — двадцать пять. Других птиц именуют, наоборот, «черными». Но как бы их здесь ни называли, это саланганы, относящиеся к подотряду стрижей и имеющие большое сходство с ласточками, благодаря чему и гнезда этих птиц везде называются «ласточкиными». Построены они целиком из выделений слюнных желез и имеют форму полумесяца. Эта затвердевшая на воздухе слюна саланган — прекрасная пища для человека, так как состоит из чистого белка. «Ласточкины гнезда» высоко ценятся как деликатес для приготовления супов и других блюд. Кроме того, на Востоке принято считать, что они обладают целебными свойствами, действуют как тонизирующее и укрепляющее средство.

Салоны, жившие испокон веков в районах обитания этих птиц, всегда занимались сбором гнезд. Свободный промысел продолжался до тех пор, пока область Тенассерима не захватили британские колонизаторы. В соответствии с принятым актом о лесном хозяйстве завоева-

если стали выдавать специальные лицензии на сбор птичьих гнезд. Ценные бумаги легко доставались китайским пиратам, чьи суда бороздили здешние воды. Из племен салонов и бирманской бедноты китайцы сколачивали промысловые артели по сбору ласточкиных гнезд и, одурманивая людей спиртом и опиумом, вели на штурм неприступных скал. Многим эти рискованные вылазки стоили жизни. Сколько отчаянных промысловиков срывалось в море с отутюженных штормовыми ветрами скал.

С годами промысел стал не менее опасным. Пугливые птицы по-прежнему строят гнезда на совершенно отвесных скалах, на недоступном расстоянии от всего, что может им угрожать. Много их в пещерах, пробитых за тысячелетия беспокойными волнами. Вход в пещеры порой достаточно широк, чтобы человек мог заплывать туда на лодке. Иногда своды естественного грота поднимаются высоко над головой, через бреши проникает дневной свет, и тогда на стенах пещеры видны маленькие полукруглые комочки хижин пернатых.

Собиратели гнезд берут с собой специальные приспособления из бамбука в виде подмостков с тремя-четырьмя небольшими платформами, но чаще всего только веревку да бамбуковую палку с крючком. Если в своде пещеры есть отверстие, то один человек держит веревку снаружи, а другой спускается по ней в расщелину. Повисая на одной руке, другой собиратель снимает гнезда, орудуя палкой. Тут уж не роняй с трудом добытое добро. Чтобы набрать как можно больше гнезд, тот, что висит на веревке, маятником раскачивается вдоль стены, пока не снимет все гнезда. Бывает, что веревки обрываются, и тогда поминай как звали.

Добыча гнезд для салонов — дело серьезное. Три месяца разгула муссонов после мая и еще три месяца сопутствующих штормов на море бригады сборщиков выжидают, подготавливая с ноября по февраль необходимое снаряжение. Именно в эти месяцы птицы начинают строить свои съедобные гнезда.

Занимаясь опасным промыслом — нырянием за жемчугом, сбором птичьих гнезд, — салоны думают о том, как бы прокормиться сегодня и, может быть, сделать небольшой запас на другой день, обменяв свою добычу на нужные продукты. Непритязательные и бесхитростные, доверчивые и неопытные, они долго позволяли китайским и малайским торговцам обманывать себя при

единственной навязанной им форме торговли — далеко не равноценном товарообмене. Оттого так и беден этот народ. Полуистлевшие тряпицы, чуть прикрывающие их тела, — вся их одежда. Сами салоны так и не научились ткать, оставаясь в зависимости от заезжих менял. Издавна они торговали жемчугом, перламутром, устрицами, гнездами «белых» и «черных» птиц, черепашьими панцирями, воском, медом, выменивая эти ценные товары на поношенную одежду и опиум у малайских торговцев, которые приучали людей курить наркотическое зелье, убеждая их в том, что каждого, кто прекратит употреблять наркотики, ждет мучительная смерть. Хотя в стране еще в прошлом веке существовал закон, запрещающий продавать опиум отсталым народам, этот товар проникал к ним контрабандным путем.

Жизнь у этих наивных и непрактичных детей природы короткая. Нищета, болезни, опасный промысел, скитания, скудная пища сокращают их век. Салоны верят, что смерть вызывается волшебными действиями духов, что после смерти душа человека переносится в иной мир и продолжает жить там обычной земной жизнью. Они также считают, что после смерти в потустороннем мире остаются их имена, поэтому, чтобы не гневить духов, никогда не называют их незнакомым людям. Еще недавно покойников салоны не предавали земле, а переправляли их на необитаемый островок и оставляли там. Остров покоя предков обходят стороной.

Там, где волны теплого Андаманского моря бьются о множество скалистых островков архипелага Мьей, живет древний народ — салоны, племя мужественных потомственных мореходов. Только первые порывистые предштормовые ветры, сбивающие гребни волн, гонят их юркие еуденышки под листовенными парусами к земле, временному пристанищу, чужому и необжитому.

ГДЕ РОЖДАЮТСЯ ЦИКЛОНЫ

В мае, когда над землей уже нависают тяжелые ливневые тучи, со взъерошенного волнами горизонта Бенгальского залива срывается бешеный поток ураганного ветра и остервенело обрушивается на приморские районы Араканской (Ракхайн) национальной области и треплет во всю свою необузданную силу эту равнин-

ную полосу западного побережья Бирмы. Метеорологические прогнозы не всегда успевают опередить несущийся со стомильной скоростью вихрь. Даже своевременный сигнал тревоги вряд ли спасет от этого стихийного бедствия ветхие бамбуковые хижины.

Циклоны оставляют страшные следы разрушения на араканской земле. Ураган, пронесшийся над главным городом области Ситуэ (Акьяб) и его окрестностями: 6 мая 1968 года, погубил тысячи людей, огромное число домашнего скота. Годом раньше жестокому нападению подвергся прибрежный город Чаупхью, а 17 мая 1978 года он вновь принял удар стихии. Циклон разметал почти все строения в самом городе и в двадцати шести крупных поселках, снес 9500 домов и стольким же нанес значительный урон. Ураган обрушил на побережье массы соленой морской воды, что причинило ущерб полям. По уходят циклоны, стираются следы опустошений, люди выстраивают новые дома и целые деревни, жизнь входит в привычное русло.

Почти на 500 километров тянется береговая линия Ракхайна, изрезанная заливами и отрогами гор. Большая часть двухмиллионного населения расселилась в низинах. Единого мнения о происхождении араканцев нет. Одни считают, что они пришли с севера, что это одна из ветвей тибето-бирманцев, достигшая крайнего юга. Другие полагают, что они — выходцы из соседней Индии. Известно лишь, что Ракхайн всегда поддерживал тесные контакты с Бирмой, пока в XVIII веке окончательно не присоединился к ней. Поэтому население Араканской области — это потомки бирманцев и пью, и араканский диалект очень сходен с бирманским языком.

Аракан богат лесом, углем, нефтью. Кроме того, здесь много невозделанной земли и прекрасных пляжей, многие из них стали уже известными на всю страну, как, например, Нгапали.

Немногим более получаса лета от Рангуна, и самолет уже кружит над узкой посадочной полосой небольшого аэропорта с этим романтичным названием. Как бы принаравливаясь к скромным местным условиям и прицеливаясь поточнее, маленький лайнер снижается почти до самого гребня волны и осторожно опускается на площадку у прибрежной каменной гряды. Разгрузка-погрузка — и снова по чистому полю гуляет один только ветер. Аэропорт принимает в день два-три самолета

с редкими пассажирами, направляющимися к знаменитому курорту Нгапали, расположенному в 19 километрах от аэропорта.

Говорят, что это местечко окрестили так англичане в пятидесятых годах прошлого столетия после захвата Нижней Бирмы. Живописный уголок показался пришельцам чем-то похожим на лазурное побережье Неаполитанского залива. С тех пор название Напали укоренилось среди европейцев, а бирманцы произносят его по-своему: Нгапали. Гостиница, за свое сравнительно короткое существование сменившая две фирменные вывески — «Бассейн-отель» и «Стренд-отель», — теперь имеет третью — «Нгапали». Гостиничный комплекс возник здесь, на пригорке у самого моря, под сенью пальм, в 1964 году. Это шесть деревянных бунгало с плетеными из бамбука стенами по одну сторону от веранды открытого ресторана и четыре однотипных строения по другую. Комфортабельной гостиницу не назовешь, да ведь и приезжают сюда на короткий срок. Турист находит здесь такие природные ценности, которыми едва ли обладают теперь самые фешенебельные курорты: гармонию моря, гор и тропической нетронутой фауны, две мили пустынного песчаного пляжа, свежий бриз с Бенгальского залива, рассеивающий дневной зной, бескрайний простор водной глади, то темно-синей, то изумрудно-зеленой, то пурпурно-багровой, когда над ней расплывается огненный диск заходящего солнца. Вот набегают белопенные волны, перекатывая по берегу похожие на миниатюрные минареты цветные раковины, вот они отступают, и тогда обнажаются отшлифованные темно-серые каменные глыбы, а вот море, успокоившись, поблескивает световыми лучиками.

Нгапали лежит между древними араканскими поселениями Лоунта и Мьяпхин. Издали они кажутся потонувшими в банановых зарослях среди кокосовых пальм. Подходишь ближе — и пальмовые мачты расступаются, образуя подсьбие улицы с деревянными хижинами и загонами для скота. Кое-где просушиваются рыбацкие сети, отлеживаются на песке длинные узкие суденышки с кирпичными мангалами на борту, на которых готовится пища во время дальних морских походов. Жители деревни Мьяпхин окружили нас, как только мы пришли туда, и молча, с любопытством стали разглядывать. Европейцы в здешних краях не в диковину, но каждый привлекает внимание. Попытка заговорить с

ними по-английски не увенчалась успехом. Как видно, язык колонизаторов здесь так и не привился.

Переводчик нашелся на следующий день, и нам удалось побеседовать с одним из местных старожилов — У Ньи Туном, бодрым, подвижным семидесятилетним стариком с красными от постоянного жевания бетеля зубами и губами. У Ньи Тун заговорил быстро-быстро, словно кто его торопил. Родился он на «равнине зеленого камня», как порой называют эту местность, где жили его предки. Люди пришли сюда, к морю, где легче прокормиться. Корчевали деревья, очищая землю под рисовые посадки, строили рыбацьи лодки. Сейчас в деревне не меньше трехсот дворов, население перевалило за две тысячи.

— Вчера у нас была свадьба, а значит, и людей скоро прибавится, — усмехнулся старик. — А что вы знаете о наших свадьбах? — спросил У Ньи Тун и, не дождавшись ответа, начал свой рассказ о здешнем свадебном обряде.

Араканцы, как и бирманцы, при рождении ребенка получают у астрологов своеобразное свидетельство — «зата». На таком «документе» из пальмового листа отмечаются дата рождения и сочетание звезд в этот день. Перед вступлением в брак молодые люди предъявляют свой зата предсказателю судьбы, который и определяет, будут ли они богаты, удачливы и счастливы в браке. Если сочетание даты рождения молодых и положение небесных светил благоприятны, астролог называет день свадьбы.

Ночь накануне свадьбы проходит в танцах у домов жениха и невесты. Девять умудренных опытом женщин со стороны жениха отправляются в ту ночь к невесте с угощениями, дорогими подарками и цветами на подносах. Они же наряжают ее к предстоящему торжеству. На свадьбе обязательно должны присутствовать буддийские монахи. Еще с утра они ходят по деревне с проповедями, стараясь привлечь к организации такого важного праздника как можно больше народу. Для жениха и невесты отдельно готовится свадебная еда — рисовая паста, два банана, два утиных яйца, две рыбы, два батата, две креветки.

Вечером жених направляется к дому избранницы в сопровождении шаферов — почтенного старца и юноши. И праздничный наряд, и пристегнутая сбоку длинная сабля, и вообще весь его вид выражают мужество, от-

вагу, серьезность намерений. При входе в дом женщины одаривают серебряными и золотыми тесемками и требуют символический выкуп. Венчают молодых опытная пожилая женщина, которая усаживает их рядом, накладывает зата один на другой, поливает их водой и объявляет, что отныне молодые муж и жена. В знак особого уважения к родителям новобрачные готовят одной и другой сторонам по семь катышков риса. Добрые пожелания, подарки родственников, друзей и знакомых завершают ритуал араканской свадьбы. Неписанные правила предусматривают, чтобы свадьба обязательно состоялась до тинджана — бирманского Нового года — и ни в коем случае после буддийского поста. Если в семье одного из будущих супругов ожидают ребенка, свадьба откладывается.

Явления природы, традиционные условности, суеверия, житейский опыт составили целый кодекс и других неписанных законов у араканцев. Считается, например, целесообразным начинать полевые работы в воскресенье. Сразу же после вспашки надо оставить в четырех концах поля на широких листьях по три плоских риса, посадить джутовый росток, положить на определенное место в поле горсть сладкого риса и только тогда начинать посадку саженцев. Араканцы считают, что не следует показывать пальцем на растущие фрукты, иначе они не созреют; нельзя удивляться их размерам, иначе плоды перестанут расти.

Прежде чем отправляться на лов рыбы, нужно поклониться духам моря. Во время лова нельзя свистеть, ругаться, радоваться удачной ловле и удивляться, если попадется крупная добыча. Рыбаки одной деревни не должны поднимать парус на судне при подходе к другой деревне, а если подняли, то нельзя опускать его до тех пор, пока судно не покинет временное пристанище.

Араканцы считают плохой приметой, если сосуд с питьевой водой, который они обычно выставляют перед домом для прохожих, остается открытым. Нельзя входить в чужой дом с незакрытой посудой для питья. Араканцы не умываются водой из питьевых сосудов, не моют ноги в озере, чтобы не замутить его. Они не торгуют скотом белой масти, за исключением выращенного в собственном доме, никогда не угощают гостей бамбуковыми побегами, грибами, рисовой пастилой, сырыми овощами, считая, что от них можно заболеть. Старшее поколение следит за тем, чтобы перед тинджаном в

доме были проведены генеральная уборка, стирка, мелкий ремонт; все плохое и нечистое должно остаться в старом году.

— Что же изменилось за годы новой власти? — спросил я старика.

— Многое изменилось, конечно, и многое еще меняется, — последовал глубокомысленный ответ. — Отношения между людьми изменились, стали более родственными, что ли. Молодежь потянулась к знаниям. В Мьяньине построили школу-пятилетку. Дальше дети идут учиться в соседнюю деревню Лоунту, где открылась семилетка. Кто хочет продолжать учебу, направляется в город Сандовей. Там есть средняя школа и другие учебные заведения. Слов нет, жить стало лучше, но проблем еще много. А где их нет?

Вспомнив о волнующих селян проблемах, старик пришел в некоторое замешательство, но тут же нашел выход из положения, сославшись на газеты.

— В газетах пишут о наших заботах. Это хорошо. Местные власти должны добиваться того, чтобы для сельской детворы наука не кончалась в начальных классах. Средних школ, значит, надо строить больше. Надо больше заботиться о сельских жителях. Иногда не знаешь, где достать керосин, спички, мыло, одежду по государственным ценам. Крестьянина надо научить разводить скот, пользоваться сельскохозяйственными машинами. У нас в деревне народ в основном промышляет в море. Кто работает в кооперативе по выращиванию жемчуга для продажи за границу, кто ловит рыбу, кто собирает ракушки. Водятся у нас здесь и крабы, а черепахи попадаются до ста шестидесяти килограммов. В безлунные ночи выходим в море ловить «золотых» креветок. Они боятся света. Живут большими группами и темной ночью всплывают на поверхность моря белыми пятнами, и тогда рыбаки без труда берут их сетью. В наших краях вообще-то ловят и крокодилов, но это далеко от нас. Море кормит с ноября по май, — продолжал старик. — Потом дуют муссоны, и огромные волны не дают выйти в море. Тогда мы ловим рыбу в речках, протоках, заводях. А сейчас море тихое, и мне пора, — заторопился У Ньи Тун, глядя на зашуршавшие по песку плоскодонки, подталкиваемые к набегающей волне десятками рук.

Только-только начинает светать, а деревня уже пробуждается, словно по команде. Солнце поднимается

здесь поздно. Сырой холодный песок еще не успевает нагреться, как сотни быстрых босых ног оставляют на нем свои отпечатки. Начался сезон прибрежной ловли креветок, и тут уж нельзя мешкать. Пока одни в море, другие помогают им на берегу. Каждый знает свое место. Столкнув лодку в воду, человек 14—15 тут же запрыгивают в нее и ритмичными слаженными ударами весел отгоняют на 20—40 метров от берега, равномерно выпуская шлейф тонкой мелкой сети с привязанными к ней поплавками из пластиковых канистр, мячей и прочего, что может держаться на воде. С определенными интервалами за борт выпрыгивают пловцы, которые поддерживают сеть и медленно сводят ее широким полукругом, помогая тем, кто тянет улов на берегу, держась за концы каната. Чтобы легче удерживать его, рыбаки привязываются к нему короткими поясными бечевками и шаг за шагом тащат за собой тяжелую сеть с добычей.

— Поднимай, поднимай,—звучит команда. Чем ближе к берегу подтягивается сеть, тем оживленнее становится на берегу. В ход пускаются яркие зеленые и синие сачки на длинных шестах, которыми водят по самому дну у сети, чтобы не упустить часть улова.

На песке поднимаются слегка розоватые горки креветок. Улов распределяется по корзинам, и женщины уносят его в деревню. Целый день с рассвета до заката по берегу курсируют стройные молчаливые мадонны с тяжелой ношей на голове — то с уловом, то с обедом и чаем для рыбаков, которые, выловив всех креветок в одном месте, тут же передвигаются на другое. Условности не позволяют женщине в здешних краях заниматься морским промыслом. А на суше дел ей хватает. С одними креветками сколько хлопот. Сначала их раскладывают на циновки и выставляют на солнце, чтобы они как следует прожарились, затем измельчают и превращают в пасту, которой сдабривают традиционные блюда из риса.

Островок под шатром густой тропической зелени притягивал к себе близостью и доступностью. Днем он казался безжизненным и пустынным, а ночью оживал тусклым мерцанием огней, выдавая присутствие человека. С берега представлялось, что он совсем рядом и накрепко связан с сушей дорогой из каменных глыб, то скрывавшихся под водой во время прилива, то обнажавших свои черные обкатанные лбы, когда море

отступало. На самом деле эта «дорожка» скоро обрывалась, а остров при приближении будто утлывал в голубую даль.

Охотника, пожелавшего подзаработать на лодочной прогулке к острову, найти было нелегко. Кто спешил на промысел в открытое море, кто неопределенно отмалчивался, то ли не понимая английского, то ли стесняясь отказать.

Старик из деревни Лоунта молча подтянул узкую, почерневшую от времени лодку-долбленку к самой воде и жестом пригласил садиться прямо на дно. Лодка быстро соскользнула с песчаного берега и устремилась вперед, повинаясь сильным ударам весел. До острова было рукой подать, когда лодочник резко повернул в обратную сторону.

— Дальше нельзя: запретная зона. Там выращивают жемчуг,— объяснил он свой маневр, с трудом подбирая английские слова.

Позже я узнал, что этот прибрежный островок Апойс в Бенгальском заливе стал заповедным лишь в 1977 году, когда обнаружилось, что подводная среда пригодна для искусственного выращивания жемчуга. Второй такой «остров сокровищ» под названием Жемчужный в районе архипелага Мьей был освоен в годы второй мировой войны. С тех пор потускнела в Бирме слава искателей натурального жемчуга, добываемого на больших глубинах.

Издавна жемчуг ценился в Бирме наравне с такими драгоценными камнями, как рубины, сапфиры, бриллианты. Во времена английского колониального господства англичане выдавали специальные лицензии на добычу жемчуга, обладателями которых, как правило, становились предприимчивые китайцы, нанимавшие ныряльщиков из местной бедноты. За этим предпринимательством зорко следили японские дельцы. Под видом журналистов, врачей, специалистов по производству шелка они проникали в районы добычи натурального жемчуга и тщательно исследовали местные условия с дальним прицелом, готовясь заняться его выращиванием. Известно, что первые попытки культивировать жемчуг были предприняты китайцами. Во время одного эксперимента между мантией и раковиной жемчужницы положили свинцовую фигурку Будды, а через некоторое время извлеченный «подкидыш» оказался покрытым тонкой перламутровой пленкой. Лет триста назад один

шведский естествоиспытатель пытался повторить опыт, заложив в раковину нанизанные на тонкую нить бусинки. Может быть, ему одному из первых удалось вырастить половинчатые жемчужины. Секрет открытия не удалось сохранить в тайне. По миру понеслась сенсационная весть. В 1890—1893 годах австралиец Уильям Сэвилл-Кент также получил половинчатый жемчуг. Круглые жемчужины впервые вырастил японец Кокичи Микимото.

В конце второй мировой войны, после того как японцы приняли обязательство выплатить Бирме репарации и когда Бирма добилась наконец независимости, японская делегация промышленников во главе с неким Сувики договорилась с бирманским представителем У Пу из Мьея о создании совместной фирмы по производству жемчуга. Дело было поставлено на широкую ногу, но бирманскую сторону не стали посвящать в тайны этого производства. В 1962 году новая революционная власть положила конец эксплуатации национальных богатств иностранцами. Фирму национализировали, как и все другие частные предприятия. Японцы покинули Бирму, увезя с собой все секреты культивации жемчуга, и бирманцам потребовались тоды, чтобы возродить и наладить дело.

Примостившись на прибрежных скалах, я долго поджидал кого-нибудь с запретного островка Апойе, чтобы хоть чуть-чуть разузнать, как рождается бирманский жемчуг. На счастье, от острова отчалила моторная лодка и устремилась к берегу. В ней оказалась миловидная и разговорчивая сотрудница корпорации по добыче жемчуга и рыбы. Слово за слово, под большим секретом приоткрылась «производственная тайна». Как выяснилось, главное в таком важном деле — это правильно выбрать место для инкубатора. Глубина моря должна быть не менее 15 и не больше 45 метров. Температура воды, концентрация солей в ней, наличие планктона для питания моллюсков — все должно быть учтено. Затем из тридцати видов моллюсков производится отбор наиболее пригодных. В Бирме чаще всего используются чернотубчатые жемчужницы, которые в основном и населяют побережье Араканской области. Этот вид моллюсков от 7 до 25 сантиметров длиной способен выращивать в себе серебристые жемчужины от 10 до 18 миллиметров в диаметре.

Живущие в море жемчужницы кормятся орга-

пическими продуктами, планктоном, растительностью. Случайно с пищей в стенку мантии или между мантией и раковиной попадают песчинки, кусочки камней, осколки ракушек, паразиты, которые вызывают в организме моллюска раздражение, и он начинает выделять особое вещество, обволакивая им инородное тело. На этот налет затем ложится новый слой перламутра. Так появляется в природе жемчуг от крошечных бусинок до жемчужин с голубиное яйцо.

При выращивании жемчуга в мантию вводятся кусочки раковины, вокруг которых образуется перламутр. В натуральном жемчуге почти не видно «зародыша», в культивируемом его можно заметить с помощью рентгена или даже при сильном освещении. Обработанные раковины помещаются в стальной каркас или в плетеную из камыша клетку и опускаются на дно. Через три месяца ныряльщик проверяет, начался ли процесс формирования жемчужин. В определенное время жемчужницы поднимают на поверхность для очищения их от паразитов и укрепления жизнеспособности. Внимательная спека продолжается от трех до пяти лет, пока не созреет жемчуг достаточной величины. Потом его сортируют по внешнему виду, разделяя на четыре категории. Жемчужины высшей категории имеют шарообразную форму и не требуют дополнительной обработки. Они чаще всего образуются в самой мантии моллюска. Не менее ценен каплевидный жемчуг, который используют для изготовления подвесок для серег. К высшей категории относятся и жемчужины неправильной формы в так называемом стиле барокко. Категорией ниже стоят разновидности, отличающиеся незавершенностью формы. Третью категорию составляют половинчатые жемчужины, именуемые здесь «мабе». Классификационную таблицу завершают деформированные жемчужины, которые по неизвестным причинам «кочуют» во время своего образования внутри раковины.

Ценность жемчуга зависит и от окраски. По цвету самым дорогим в Бирме считается черный, затем следуют белый, розовый, золотистый, зеленоватый, с голубизной, смешанной окраски. Цвет жемчуга определяют выделяемые моллюском субстанции, состав морской воды и ее температура, наличие металлического концентрата на дне, тип используемого при выращивании «зародыша», органическая среда, в которой живет моллюск. В развитых странах для придания культивируе-

тому жемчугу желаемой окраски используются изотопы и даже атомные реакторы.

При оценке жемчуга, естественно, принимается в расчет и его величина. В этом отношении международный стандарт делит его на шесть категорий — от 9 миллиметров до 3 миллиметров в диаметре. Жемчужины-великаны составляют исключение. В природе встречаются действительно гиганты. В 1628 году ныряльщики выловили в Персидском заливе каплевидную жемчужину 7,5 сантиметра длиной и 5 сантиметров в диаметре. Сто лет спустя был найден еще один феномен, получивший название «Жемчужина Азии», который достался маньчжурскому императору и был погребен вместе с ним в 1799 году. В 1900 году ее откопали грабители. Вначале она появилась в Гонконге, затем после второй мировой войны — в Париже, а дальше след ее затерялся. 7 мая 1934 года в районе Филиппинских островов был поднят со дна новый рекордсмен весом в 7 килограммов, более 22 сантиметров длиной и более 12 сантиметров в диаметре. Владелец сокровища, которое оценивалось в 4 миллиона долларов, поместил его в сан-францисский банк.

Обрушив на меня все свои энциклопедические познания, собеседница посмотрела в сторону острова и с улыбкой произнесла:

— Сейчас еще не могут создать искусственным способом жемчуг таких размеров, но, может быть, скоро человек обгонит природу, и надо бы, поскольку она все реже и реже награждает ныряльщиков ценными находками. А пока на благодатной ниве в кооперации с природой мы создаем великолепные жемчужины от 14 до 18 миллиметров в диаметре, различной окраски и высокого достоинства, — с гордостью произнесла сотрудница корпорации по добыче жемчуга и рыбы, имени которой я так и не узнал, да она и не претендовала на известность.

В Бирме тоже есть свои уникалы. В Рангунском национальном музее хранится редкий экземпляр — правильной круглой формы жемчужина величиной с яблоко. Прозрачная вода с практически постоянным составом солей, нужная температура в местах развития редкого промысла в Андаманском море и Бенгальском заливе создают идеальные условия для выращивания действительно крупных жемчужин розового, золотистого и других оттенков. Несколько лет назад в одной из рако-

ин был создан экземпляр диаметром более 4 сантиметров, который пока еще остается единственным в своем роде. Но работники плантаций научились выращивать такие искрящиеся горошины, стоимость отдельных из которых доходит на традиционных ежегодных международных аукционах в Рангуне до 7 тысяч долларов. Бирманский жемчуг завоевал известность как один из лучших в мире и раскупается большими партиями представителями ювелирных компаний десятков стран. Почти 223 тысячи каратов отборного жемчуга было собрано в 1983 году на государственных жемчужных нивах страны, и добыча его стала важной отраслью национальной экономики. Ежегодно от продажи жемчуга в казну поступает в среднем более 3 миллионов долларов, а это немалый вклад в развитие народного хозяйства республики.

Солнце цвета граната стало медленно клониться к горизонту. Подкрадывались сумерки, повеяло прохладой. От деревни слегка потянуло дымком, острыми запахами местной кухни. На открытой веранде гостиничного ресторана зажглись разноцветные огни, приглашая гостей на ужин. Соседи за столом, сотрудники министерства сельского хозяйства Бирмы, оживленно обменивались впечатлениями от поездки по побережью. Между нами завязалась беседа, и они рассказали о жизни здешних рыбаков. Все рыбаки объединены в артели. Излишки рыбы девать некуда, хранить ее негде. Для полного использования щедрых даров моря нужны современные рыболовецкие суда, морозильные установки, консервные фабрики, хорошие дороги, надежное воздушное сообщение с Рангуном, устойчивый рынок сбыта. Это дорогостоящие компоненты, а государство, естественно, ищет наиболее простой и дешевый способ налаживания производства, хотя бы районного значения. Проблемы области, которые не ограничиваются только морем, находятся в ведении партийных органов, народных советов и ведомств различных министерств. Многих беспокоят постоянные колебания в размерах урожаев риса, определенная тенденция к сокращению посевных площадей, что чревато нежелательными последствиями. При нынешнем ежегодном приросте населения на 2,3 процента создается ситуация, при которой богатый сельскохозяйственный район не может полностью прокормить себя. Поэтому надо использовать резервы, а они у нас есть. Во времена феодальных кня-

жеств в Аракане выращивали прекрасный ароматный чай, который шел на экспорт, а теперь его нет. Здесь могут расти и кофейные деревья, а кофе пользуется большим спросом в Рангуне. Одним словом, Аракан — это край не только надежд, но и реальных возможностей.

Мы шли по берегу вдоль темного моря. Вдруг откуда-то издалека послышался протяжный мотив. Что в нем — радость или горе? Я не удержался и спросил:

— О чем она, эта песня?

— О жизни, — последовал ответ.

Мне перевели слова, которые никак не соответствовали грустной мелодии. Сильный женский голос рассказывал, как красивы молодые рисовые посадки, как восходит и заходит солнце над заливом, как свирепы, словно стаи хищных акул, морские волны во время муссонов.

Говорят, люди здесь никогда не расставались с песней. Классические песни передавались из поколения в поколение. Они звучали и на религиозных праздниках, и во время полевых работ, и в минуты отдыха. Когда сгущались сумерки, жители деревень расстилали бамбуковые циновки на открытом воздухе, зажигали огни и слушали односельчан. Вокальные группы, состоявшие из мужчин и женщин, пели без музыкального сопровождения. Время от времени «конферансье» оживляли «домашние» концерты исполнением шуточных песенок о деревенской жизни, о вечной любви, о том, как выращивают рис, ловят рыбу, добывают жемчуг.

Еще долго слышалась в ночи протяжная грустная мелодия араканской серенады о жизни... И слушали ее лохматые кроны пальм, засыпающий залив, вздрагивающая лунная дорожка.

ПАО — УКРОТИТЕЛИ ОГНЯ

На юге Шанской национальной области живет небольшая каренская народность, насчитывающая четверть миллиона человек, — бао, или пао. Живут они в окружении шанов, у которых многое заимствовали, хотя верования их сходны больше с каренскими, чем с шанскими. Так же как и шаны, пао носят черную

одежду, волосы собирают в пучок на макушке. Большинство пао говорит на шанском языке.

Пао, принявшие буддизм, строго соблюдают религиозные предписания, отмечают буддийские праздники. Но есть у них и общенародные традиционные торжества.

Особой популярностью у народности пао пользуется обычай запуска ракет. В дни народных гуляний в небо устремляются десятки ракет. Старики вспоминают, что прежде запущенные утром ракеты возвращались на землю только в полдень. Так это или не так, кто теперь докажет? Известно лишь одно, что обычай запускать ракеты зародился среди пао лет сто назад. Из уст в уста передается история о том, как градоначальник Майнчайна и его окрестностей построил ракету с зарядом пороха около ста килограммов и привез ее в город Таунджи, чтобы потешить британского комиссара. Но аттракциону не суждено было состояться. Английские власти испугались пожара. Раздосадованный гость вернулся в Майнчайн и запустил ракету во дворе своего дома. Вскоре ракетостроительством занялись в Пинлоуне, в районе озера Йнле, а затем повсеместно как в городах, так и в деревнях пао.

Прежде ракеты мастерили из стволов пальмы, бамбука, несколько позже — из согнутых в цилиндры цинковых листов. Теперь нередко в ход идут выхлопные трубы старых машин, которые можно использовать многократно. Носовая часть корпуса замазывается огнеупорной глиной. Внутри трубы набивается топливо — порох, смешанный с дробленым древесным углем. В горючую смесь добавляется немного воды, чтобы замедлить ее сгорание. Затем по центру внутри ракеты проделывается конусообразное, сужающееся к носовой части отверстие, в которое вставляется запал: бамбуковый стержень с дырочками в стенах, начиненный порохом, завернутым в специальную бумагу. Ракета обматывается тонкой бечевой и красится. Пао изготавливают и другие виды ракет, в которых порох сгорает в отсеках по принципу ступенчатой ракеты. В некоторых деревнях к корпусу приделываются бамбуковые палочки, издающие при запуске и во время полета пронзительные звуки.

Запуск ракет раньше всегда завершал церемонию посвящения в монахи. Пао просили у Будды благоприятной погоды, защиты урожая от грызунов и насекомых, успеха в делах. Теперь это стало в большей степе-

ни развлечением. К месту старта ракет стекаются из разных мест родственники и друзья, чтобы посмотреть на интересное зрелище, а заодно и пообщаться, поговорить.

Как правило, запуск ракет приурочивают к тинджану, к началу бирманского Нового года. От прошлого осталась символика, без которой немислимы народные празднества. Например, во многих районах, населенных пао, прежде чем запустить ракету, ее трижды обносят на плечах вокруг пагоды, пританцовывая. Здесь же, недалеко от пагоды, обычно и производят запуск. При этом монахи обходят со специальными подносами празднично настроенную публику, собирая подношения в виде денег или продуктов.

В наши дни запуск ракет у пао приобретает спортивный характер. Стали устраиваться соревнования как на дальность полета, так и на точность приземления в установленном районе. Народные умельцы из Пинлоуна гордятся тем, что их приобщение к космической технике состоялось пятьдесят лет назад, когда от земли оторвались сооруженные ими первые ракеты, якобы напоминающие по конструкции современные космические, если не судить о них строго.

ВХОДИ И БУДЬ ГОСТЕМ

Высоко в горах Верхней Бирмы, на крайнем ее севере, можно встретить необычные бамбуковые строения, которые заметно отличаются от бирманских. Они сооружены на более низких сваях, непременно имеют в задней стене вторую дверь, специально предназначенную для духов. У входной (главной) двери висят черепа буйволов. Так выглядят хижины качинов (или цзинпо), самых поздних переселенцев в Бирму, появившихся в стране лишь в XVII—XIX веках. Кому приходилось бывать в их деревнях, тот не мог не обратить внимание на своеобразные обычаи и условности, которым качины придают большое значение.

На прямой лесной просеке у входа на территорию деревни гостей встречает подвязанная к деревьям декоративная гирлянда с двумя звездочками на противоположных сторонах, месяцем и солнцем — в центре. Эти символы делают из расщепленного бамбука или из

легких пород деревьев. По верованиям качинов, изображение солнца и месяца символизирует приветствие «добро пожаловать для всех добрых», а звезды означают запрещающий знак для «злых духов». Иногда еще и сверху нависает такая же гирлянда, служащая дополнительной преградой на пути проникновения напастей. Рядом вкапывается в землю широкая деревянная плита с изображением початков кукурузы, предметов домашнего обихода, сельскохозяйственных орудий, животных, что служит постоянным напоминанием об окружающих человека ценностях, добываемых трудом. Раскидистая смоковница у входа с пышной густой кроной и ароматными плодами, собирающая звонкоголосых птиц, манящая под свою сень путников, венчает символику гостеприимства горцев, которые отличаются смелостью, мужеством и отвагой, трудолюбием и веселым нравом.

В деревню могут вести несколько дорог, но главной считается та, что идет с востока на запад и наоборот, то есть по направлению к восходу или заходу солнца. За аркой по обе стороны дороги качины расчищают от растительности прямоугольные площадки, оставляя лишь деревья, дающие тень. Правая площадка отводится для священного алтаря духов, левая служит местом отдыха для гостей и селян, участвующих в традиционных религиозных церемониях.

На жертвеннике жители оставляют кусочки мяса, завернутые вместе с пригоршней риса в банановые листья, напитки в бамбуковых стаканчиках. На ритуальные церемонии, которые, как правило, проводятся раз в год, согласно традиционным верованиям, надо пригласить всех духов неба, земли, гор, холмов, лесов, рек, озер, чтобы снискать их благосклонность. Случись неурожай, эпидемия или иное бедствие, качины вновь собираются у алтаря духов, а если и это не помогает, то покидают деревню и поселяются где-нибудь поблизости.

В конце января или начале февраля к небольшим городам качинов стекаются из окрестных деревень празднично одетые люди. Белые повязки на головах мужчин, яркие узоры вышивок на женских юбках, красные рукава на их блузах, тяжелые, закрывающие всю грудь украшения из серебряных бляшек, браслеты на руках и ногах — весь облик прибывающих, яркое пламя светильников, базарная суета у торговых палаток, перестук и перезвон народных инструментов призваны подчеркнуть, что наступил самый большой и веселый празд-

ник «жителей горных вершин» — манао, праздник народных песен и танцев. Прежде он устраивался в честь победы над врагом, и на нем приносили в жертву буйвола или желтого быка. Теперь жертвоприношения редки, но песни и особенно пляски обязательны.

Манао празднуют повсеместно в Качинской национальной области и в другое время. Все зависит от обстоятельств, значения того или иного из десяти существующих ныне манао. Во всех случаях неизменными остаются традиционные ритуальные пляски, со временем меняющие лишь эмоциональную окраску, отдельные реквизиты обстановки. Чтобы быть богатым и счастливым, вырастить послушных детей, танцуют «сутмано». «Джумано», как полагают качины, ублажает небесную силу, помогает попасть в рай. На свадьбах на счастье молодым пляшут «наншалаин мано». Замаливают грехи танцем «натджо мано», а если возникла особая потребность обратиться к духам, то это делают в танце «наунгсут мано». Качины уверены, что перед боем поднимает боевой дух «наинтан мано», а «падан мано» призван обеспечить победу над врагом. Поменял дом — исполняют «тейкайен мано», чтобы беззаботно жилось в новом. Традиционная церемония новоселья по всем ритуальным обрядам занимает восемь дней: четыре дня посвящаются духам, четыре — занимают танцы под открытым небом прямо перед новым жильем. Участники празднеств выстраиваются в два ряда во главе с ведущим, движения которого повторяют все остальные. С короной на голове, с мечом и цветами в руках ведущий похож на древних качинских вождей дува.

В ноябре, когда прекращаются муссонные ливни и созревает новый урожай, когда женщины подготавливают для его приема домашние амбары, а деревенская детвора рассыпается по полям отгонять птиц, чтобы они не клевали рис, трудовая жизнь в качинской деревне несколько затихает. В этот период можно посидеть с друзьями за чашкой чая, поговорить о том о сем. Словом, перед самой уборочной страдой есть короткая передышка, немного времени для народного праздника труда и урожая «инлон иннаншар».

К празднику качины готовятся заранее. Понятно, что не может быть веселья, если не хватит продуктов следующего сезона. Если виды на урожай хорошие, деревенский староста разрешает проводить праздник, и тогда жители деревень прежде всего несут к месту

сбора корзины с зерном, покрытые сверху душистыми цветами. Самые лучшие зерна староста по традиции отбирает для духов, которые обеспечили богатый урожай. Часть зерна попадает на специально подготовленный жертвенник, а остальное идет в общий праздничный котел. Вокруг места празднества на деревьях развешиваются цветы, и вся поляна превращается в сказочный благоухающий сад. По обычаю, староста желает всем благополучия, прибавления потомства, женщинам быть такими же прекрасными, как самые яркие цветы. Потом все поют и пляшут. Даже разрешается выпить немного спиртного, но грубость недопустима — все должны уйти домой в хорошем настроении.

Перед заходом солнца начинается общий пир, на котором много едят и говорят. Все заверяют друг друга в дружбе, обещают помощь. В знак дружбы и взаимопомощи крестьяне обмениваются зерном. Этот праздник отмечается качинами с древних времен, но решением Революционного совета в 1964 году он стал общенациональным праздником труда и урожая — Днем крестьянина. Новую символику приобрели гирлянды гостеприимства у входа в качинскую деревню, открытую для всех братских народов, населяющих Бирму.

СЕКРЕТ КРАСОТЫ

Кто знает, может быть, все именно так и было, как рассказывает древняя легенда.

...Один из вождей племени каньянов, некогда обосновавшихся в Центральной Азии, в верховьях рек Янцзы и Хуанхэ, подарил своей возлюбленной ожерелье в виде металлического кольца. Новость быстро разнеслась по всей округе. Многие завистницы пожелали иметь по такому кольцу, а некоторые даже решили перещеголять и надели на шею одновременно несколько колец. Со временем символы богатства и красоты подступили вплотную к подбородку. На шее уже не оставалось места для новых колец, а модницы продолжали нанизывать серебряные или медные обручи, все выше и выше поднимая голову. Предел наступил, когда шея в кольчуге из колец вытянулась до 30 сантиметров. Шейные позвонки расходились, мышцы атрофировались в таком «корсете», и женщина не могла без него уже обходиться.

ся. Однако мужчины находили такую удлиненную женскую шею верхом изящества и красоты. С той поры, как говорят, и укоренился сбычай «отращивать» шею у женщин из племени каньянов, предков нынешних падаунов (кеконду), переселившихся на территорию теперешней Бирмы.

Легенды всегда живут в окружении всякого рода допустимых версий. Считается, например, вполне правдоподобным, что сбычай удлинения шеи возник во времена бурного расцвета торговли, когда в качестве обменной единицы применялись куски дорогостоящей латунной проволоки. Показатель состоятельности — обручи из такой же проволоки — женщины стали носить не только на шее, но и на щиколотках, на руках от кисти до локтя, как это делают до сих пор в отдаленных глухих поселениях. Иностранная пресса окрестила район проживания падаунов «землей женщин-жирафов». Вряд ли кому-нибудь из падаунов приходилось видеть жирафа, зато большинство из них, придерживаясь тотемических верований, полагают, что родоначальником их племени были «кейнар-кейнари» — мифические полуптицы-полулюди. Во всяком случае, грациозно вытянутые шеи женщин, как считают падауны, чем-то напоминают шею почитаемой птицы — павлина.

В X веке падауны заселили горные восточные районы Бирмы на западе нынешней Национальной области Кая. Семитысячное племя охотников и земледельцев так и растворилось бы среди более сотни бирманских народностей, если бы женщины не обратили на себя внимание ревностной привязанностью к национальным обычаям. Первое кольцо на шею девочки падауны надевают в пятилетнем возрасте. Ритуальный обряд совершается с участием мудрого местного астролога-знахаря, который «обеспечивает» своими заклинаниями счастливое будущее ребенку. Годы стремительно наращивают набор восьмимиллиметровых медных колец на шею девочки, и к брачному возрасту их число доходит до двадцати двух. «Окольцовываются» также руки, ноги, в ушах появляются массивные серьги. Порой ювелирные «доспехи» невесты весят до десяти килограммов.

В таком постоянном панцире, что называется, ни сесть, ни встать. Из-за обручей на ногах нельзя согнуть колени и сидеть приходится вытянув ноги. Несгибаемая шея в оправе не позволяет нормально пить из чашки и есть. Неудобно спать, трудно разговаривать и передви-

гаться с дополнительным весом, но многие столетия женщины падаунов гордо несут с поднятой на тридцать сантиметров от плеч головой свое бремя красоты и женского величия, чтобы понравиться избраннику.

По традиции судьбу будущих жениха и невесты решают родители, когда детям исполняется пять лет. Во время переговоров и зарождаются родственные связи. Позже юноша выполнением ритуальных обрядов должен доказать свое мужество и зрелость. В день помолвки к дому невесты устремляется шумная праздничная процессия, которая одаривает ее деньгами, преподносит яркий свадебный женский головной убор и национальную одежду. С этого времени жених уже может навещать свою невесту, ублажать ее песнями любви, развлекать светскими разговорами. Молодые присматриваются друг к другу, привыкают, хотя изменить решение родителей уже все равно почти невозможно. Свадьба происходит в назначенный день после захода солнца. Жених бережно ведет за руку невесту в дом своих родителей по лестнице, которую именно он и должен заблаговременно выстроить. Пир продолжается три дня и три ночи с участием всей деревни. Родители новобрачных дарят друг другу на счастье мешки с солью, как предписывают заветы предков.

Цивилизация в той или иной степени затронула все народности Бирмы. Изменился жизненный уклад и падаунов. Мимо их деревень проносятся теперь по новым дорогам тяжелые грузовики. В каналах крупной ирригационной системы плещется живительная влага — залог хороших урожаев. Ткацкие фабрики широко раскрыли ворота для местных жителей, в том числе и для женщин, приобщение которых к труду оказалось на первых порах не таким уж простым делом. Понадобились специальные подставки у станков, чтобы падаунки с их негнушимися шеями могли справляться с процессом производства.

Теперь они все больше стали изменять традиционной моде, а мужчины и вовсе изменили свои представления о женской красоте. Кстати сказать, рентгеновское обследование одной из женщин из племени падаунов показало, что окольцованная шея вовсе и не удлиняется. Создается просто видимость за счет деформации ключицы и «опущения» грудной клетки. Секрет красоты раскрепощенных от условностей средневекового быта женщин кроется теперь в другом: в активном участии

их в жизни страны и, конечно, в естественной женской обаятельности. Редко теперь можно встретить на отдаленных горных тропинках Национальной области Кая девочку с медными кольцами на худенькой шейке — древними символами красоты.

ТИНДЖАН — ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

С первым апрельским ливнем, отдаленным предвестником сезона дождей, Бирма превращается в благоухающий сад, словно природа только и ждала этого короткого дождика, чтобы вспыхнуть буйным цветением. На рангунских улицах полыхают огненными языками деревья «сейнбан», или, как европейцы называют их, «пламя джунглей». Среди ярко-красных или оранжевых соцветий почти не видна листва. Желтыми гирляндами украшены деревья «нгушуэва», желтыми звездочками покрывается крона стройных деревьев «падау». И так всегда в апреле разливается фиолетово-красно-бело-оранжево-желтое море накануне бирманского Нового года.

Начинается Новый год месяцем тагу (середина апреля) и не всегда в один и тот же день, поскольку календарь лунно-солнечный. Начало празднования передвигается между 12 и 17 апреля.

Точная дата праздника накануне специально обнародуется министерством культуры. А раньше эта почетная миссия возлагалась на королевских астрологов бывшей бирманской столицы Мандалая, которые скрупулезно изучали положение солнца, луны, других светил и рассылали по стране сообщения о начале Нового года и предшествующего веселого водного праздника — тинджана. В прошлом его предварял торжественный выход короля из дворца, который сопровождался пушечным залпом, означавшим начало веселья. В городах и деревнях палили из чего попало в воздух, старались производить как можно больше шума, колотя по ведрам, кастрюлям, мискам, по всему, что гремело, однако главным в этом празднике было обливание. Последний правитель Паганского государства король Наратихапату (1254—1258) построил даже крытый коридор от своего дворца до берега Иравади, чтобы совершать со свитой церемонию обливания не на глазах у черни.

Традиционное обливание бирманцы исторически связывают с торжественной церемонией омовения головы короля — «тинджан до джи», которая совершалась в канун Нового года. Вода в Мандалай специально доставлялась с юга, из района Моулмейна. Когда эту часть Бирмы захватили английские колонизаторы, королевский министр воду для королевской бани брал из реки Иравади. Обычай сохранился до сих пор. Только теперь он распространился на всех стариков, которым голову моют молодые в знак уважения, добавляя в воду ароматические вещества.

Тинджан, очевидно, появился в древности в один из знойных сезонов, когда реки обнажили дно, а по земле разошлись глубокие трещины и все живое стало погибать от испепеляющих лучей. У людей исчезли последние надежды на скорую перемену, на спасительный дождь, и тогда они обратились с мольбой к небу. Собрав остатки воды, люди разбрызгивали ее друг на друга, словно не они, а небо послало живительные капли, услышав их заклинания. И возможно, однажды свершилось «чудо». Поднялся ветер, согнал тяжелые тучи, и на землю пролился живительный дождь. Радости не было конца. С тех пор люди и обливаются, как бы вызывая ливни. Первый дождь выпадает недели за три-четыре до начала сезона дождей, которые обрушиваются на Бирму с середины мая на несколько месяцев, наполняя до краев русла рек, насыщая до отказа землю.

Некоторые историки полагают, что истоки древнего предновогоднего обычая связаны с ритуалом самоочищения. Слово «тинджан» перекочевало к бирманцам из санскрита и понимается как «перемена». Тинджан знаменует переход от сухого сезона к дождливому, смену старого года на новый, завершение последнего месяца бирманского календаря табауна и наступление первого месяца нового года тагу. Это начало бирманского годового трехсезонья: дождливого, прохладного и жаркого.

Тинджан живет в древних легендах. Одна из них гласит, что однажды между верховным натом Тинджаминном и богом разгорелся жаркий спор по поводу каких-то математических расчетов. В азарте спорщики договорились, что побежденный лишается головы. Тинджамин победил и согласно уговору отсек голову своему противнику. Но голова божества оказалась непροстой: ее нельзя было ни бросить на землю, ни запу-

стить в небо — наступит такая жара, что приведет к всемирному бедствию. Тинджамин решил перепоручить голову соперника нескольким натам, которые должны были попеременно держать ее. Это время пересменки натов явилось, по легенде, переходом к тинджану и «нисхождением» на землю Тинджамина. От того, сколько, по расчетам астрологов, пробудет на земле верховный нат, и зависит продолжительность тинджана — три или четыре дня.

А чем же занимается Тинджамин на земле? Согласно легенде, Тинджамин нисходит на землю с двумя пергаментными книгами в обложках (одна из собачьей шкуры, другая из золота) и начинает вершить праведный суд. В одну книгу он вписывает имена грешников, в другую — людей уважаемых и почтенных. Потом каждому воздается должное.

Тинджан всегда был и остается общенациональным праздником, во время которого все веселятся до самозабвения — обливаются, поют, танцуют, смеются, шутят, готовят изысканные кушанья, угощают друзей — и самые лучшие блюда при этом преподносят учителям, уважаемым старикам (сыя).

Обычай всеобщего обливания на улицах прохожих и проезжих, всех, кто хочет и не хочет этого, сохранился, вероятно, еще и потому, что бирманцы видят в этом символ чистоты. Вода — сама чистота, прохлада, избавляющая от гнетущей жары. Сейчас на улицах создаются специальные «обливальные пункты», где хлещет из шлангов вода по прохожим и машинам с ликующей молодежью. Получив свою изрядную порцию воды, фестивальнй кортеж передвигается к очередному пункту. Каждый водный праздник забирает 50 миллионов галлонов воды, что примерно составляет ежедневную норму расхода питьевой воды более чем двухмиллионного населения Рангуна. Случается, что городские власти ограничивают потребление воды для праздничных целей и призывают население провести тинджан в духе старых традиций, не прибегая к техническим средствам для обливания, применение которых в столице к тому же иногда вызывает недовольство у приезжих.

Смотришь порой, как извиваются под мощным напором воды гибкие тела молодых бирманцев, как беспощадные струи бьют в лицо, как мокрые до нитки «живые мишени» бегают, дрожа от холодной воды, и начинаешь думать, что в подобных действиях есть ка-

кая-то доля жестокости. Но традиция остается традицией, и не нам, приезжим, судить о ней. Аккуратное обливание сохранилось еще в Мандалае. Там до сих пор спрашивают, облить тебя в честь наступающего праздника или не надо, но отказаться — значит уронить себя в глазах бирманцев.

Тинджан — это бесконечный марафон музыки и танца на превращенных в сцены декорированных кузовах грузовиков или на ярко украшенных, специально выстроенных уличных подмостках. Музыка, усиленная репродукторами, тремит днем и ночью, пытаюсь заглушить все остальные звуки, наполняя людей радостью, зажигая весельем. Пересекающиеся в разных направлениях водяные струи уносят горести и печали, все становятся словно добрее, зазывают друг друга в гости на традиционное бирманское застолье в канун наступления Нового года.

В многонациональной Бирме Новый год приходит несколько раз в году — в зависимости от обычаев, религии, принятого календаря того или иного народа. Карены отмечают его первого числа десятого месяца по бирманскому календарю, что примерно приходится на декабрь или январь по солнечному календарю. Карены же христианского вероисповедания празднуют первого января по солнечному календарю, буддисты — в апреле. Во время празднеств устраиваются пышные угощения, в первую очередь для стариков и учителей. Лаху отмечают новогодний праздник 18 января традиционными танцами.

Жители горных вершин северо-западных районов Бирмы — нага — встречают Новый год в январе, согласуясь скорее всего не с календарем, а с завершением полевых работ. Когда собран урожай и заполнены амбары, нага устраивают веселый предновогодний праздник, в котором участвуют вся деревня, гости из соседних деревень. Для этого загодя готовится национальный хмельной напиток «кауи», припасаются дрова для костров, съедобные листья и корни для приправ, подготавливается место для убоя скота и жертвоприношений духам. Хозяин, чье животное было забито, распределяет мясо сам. Лучшие куски он кладет на алтарь духов, остальные делит между друзьями и соседями. На фронтоне вывешиваются буйволиные головы. С наступлением темноты вокруг костров начинаются танцы, продолжающиеся до утра.

Новый год у чинов выпадает на октябрь, но в разных районах Чинской национальной области называется по-разному и имеет свою специфику. Праздник «гуардо», например, включает поиск пчелиных сот, для чего молодежь отправляется в лес. По возвращении с добычей деревня встречает их триумфальным барабанным боем, ударами в гонг, залпами из охотничьих ружей. Священнослужитель просит у духов сохранить в деревне единство и сплоченность, чтобы люди жили сообща и трудились, как пчелы в ульях. Всю ночь не замолкает музыка, не прекращаются танцы. Существует поверье, что счастье и достаток будут сопутствовать тому, кто в Новый год беззаботно веселится и танцует, кто внес свой вклад продуктами и напитками в новогодний праздник, который отмечается сообща всей деревней. И хотя сейчас он считается сугубо гражданским, без монахов на нем не обойтись. Своими заклинаниями и молитвами они должны обеспечить селянам крепкое здоровье, высокие урожаи и хорошую погоду.

Каждый год в апреле и мае устраивает свой праздник «кутодо» народ кая. У священного столба они поклоняются духу, посылающему дождь. Одновременно эта церемония открывает новогодний праздник, который собирает родственников и друзей со всей округи. В изрезанной сплошными горами Национальной области Кая не так-то просто встретиться с близкими. Кутодо — прекрасный повод для того, чтобы оставить на время заботы и отправиться на семейное веселье. Как и во многих сельских районах Бирмы, кая веселятся сообща. Каждый варит загодя местную брагу и приносит к общему столу. Староста проверяет, все ли жители присутствуют, местный шаман, погадав на куриных косточках, определяет день вылазки в лес за заранее облюбованным деревом для священного столба.

Рубят дерево обычно также всей деревней — в этом деле участвуют от пятидесяти до ста человек, по одному от каждого дома. Первые удары топором наносит, естественно, тот, кто считается приближенным к духам. Потом его несут верхом на бревне под торжественные удары гонга. После окропления водой четырех-пятиметровый столб красочно декорируют полотном, узорами. Угощения, обмен подарками бывают и до и после установления столба в центре деревни или у входа в нее, и эта церемония длится не один день. Танцевать женщи-

нам вокруг столба не разрешается, хотя они наравне с мужчинами участвуют в остальном веселье, которое сопровождается музыкой и щедрым застольем. Праздник завершается обильным жертвоприношением духам. У жертвенника под столбом складывается все, что содержит влагу: бананы, спиртное, листья растений, кусочки свинины. Кая верят, что все это окупится потом сторицей.

Шанскую национальную область населяют несколько народностей, и все они по-своему празднуют Новый год, причем в разное время. Так, народы, живущие в западных районах Шанского нагорья и исповедующие буддизм, отмечают тинджан до майского полнолуния. Старосты деревень разворачивают бурную деятельность, чтобы обеспечить всем необходимым встречу Нового года, наладить связь между соседями. Во время новогоднего праздника парни и девушки получают долгожданную возможность наговориться, так как в обыденной жизни общение довольно ограничено.

У жителей этой же области — коканов новогодний праздник «коуньян» отмечается по три-четыре дня в декабре — январе или феврале. Целый год коканы припасают рис, овощи, напитки, чтобы хватило и людям и духам. В первый день фестиваля фруктами и вареным рисом одаривается бог неба. На следующий день небесные силы получают свинину, говядину, кур и спиртное. На третий день устраиваются поминки по умершим предкам и родственникам, раздаются продукты соседям и друзьям. Детвора и молодые люди, еще не вступившие в брак, получают новогодние подарки на счастье — завернутые в красную бумагу деньги.

Вторая по численности (после индийцев) группа некоренного населения Бирмы — китайцы — встречают свой Новый год чаще всего в феврале. По улицам во время многодневного гулянья с танцами и песнями проносят огромного многометрового дракона.

Среди преимущественно буддийского населения Бирмы четыре-пять процентов исповедуют ислам, много индуистов и придерживающихся родо-племенных культов и верований, пять процентов христиан, десятки тысяч католиков, и у всех наступит свой желанный Новый год. Но когда приходит тинджан, немногие уходят от соблазна принять обязательный холодный душ на улице и подключиться к общему народному веселью.

Каждый май бывшая бирманская столица Мандалай погружается в безграничное море звуков, которые растекаются по улицам и площадям. Прибывающие в город музыкальные и хореографические ансамбли привозят с собой традиционные песни и танцы из глубокой старины. Особенно большим успехом пользуются в Мандалае ветераны — музыканты, певцы, танцоры, мастера комедийного жанра в возрасте от семидесяти и выше. Они неизменно собирают вокруг подмостков толпы народа. Музыка, ежегодно звучащей на мандалайских фестивалях, порой столько же лет, сколько первым народным инструментам, на которых она исполняется. Инструменты эти появились в Бирме не менее полутора тысяч лет назад у народа пью, который населял территорию существовавшего уже в первые века нашей эры государства Шрикшетра с центром в Тарекитаре (нынешний Пьи). После прихода в эти края бирманцев пью постепенно ассимилировались с ними. С давних времен без музыки не обходился ни один религиозный обряд пью, ни одно деревенское празднество, а их музыкальные инструменты в том или ином виде нередко копировались другими бирманскими народностями.

В самом начале IX века музыкальные труппы пью уже выезжали на «гастроли» за границу. В 801 году, согласно дворцовым хроникам, танцоры и музыканты пью посетили Китай. Танцевально-музыкальный ансамбль из тридцати пяти артистов дал концерт в королевском дворце, в котором звучали музыкальные инструменты двадцати двух видов. Восторженные отзывы о мастерстве гостей остались в стихах знаменитого китайского поэта той эпохи Бо Цзюй-и:

Звук нефритовой раковины колышет волосы артистов,
Удар в медный барабан движет их разрисованные тела,
Жемчужные нити струятся и мерцают, как звезды на небе,
Гирлянды цветов кружатся, извиваются драконом, змеей.

На каменных плитах, найденных при раскопках в Пагане, высечены надписи, подтверждающие очень древнее (IX век) происхождение первых музыкальных инструментов так называемой группы ньи, на которых играли во время храмовых церемоний. Настенные письмены на некоторых пагодах Пагана XII—XIII веков рассказывают о том, что его жителям были известны бара-

баны, рожки, гонг, тарелки, трещотки. Качины принесли с собой в Бирму народный танец «мано» и собственные инструменты: барабан (большой и малый), гонг, флейту. Известно, что барабаны существовали также и у бирманцев, у араканцев и падаунов.

Во времена Авского государства (1364—1527) барабан считался своего рода символом королевской власти. Изготавливались десятки видов этого инструмента, их преподносили в качестве даров королям, принцам, принцессам, местным правителям. У короля была большая коллекция всевозможных барабанов. По традиции король Байиннаун подарил в 1574 году в день полнолуния своему сыну и дочери семь позолоченных барабанов, три флейты, два рожка. В 1662 году король Прома подарил коллекцию барабанов, флейт, гонгов и рожков своему брату королю государства Таунгу. В то же время музыкальные инструменты появились у горных народов Верхней Бирмы. Среди них были большие и малые барабаны с узорами и изображениями животных. Позже они отделялись металлическими ободами, а иногда из металла сооружался и весь корпус.

Карены заимствовали бронзовый барабан с изображением лягушки в верхней части его корпуса у других народов Индокитая, в частности у кампучийцев. Кстати сказать, с лягушкой в Юго-Восточной Азии связывают начало дождливого сезона, она символ чистоты и прохлады. Карены считают, что ее кожа обладает лечебными свойствами и снадобья из нее избавляют от кожных болезней, спасают от укуса ядовитых змей.

Каренский барабан украсился со временем еще несколькими символами. В центре мембраны было изображено солнце, от которого к краям корпуса расходились 7—9 кругов с рыбами, птицами и цветами. По корпусу тоже наносились круги с рисунками рыб, птиц и других животных, центральное место среди которых занимал слон.

В прошлом подобный барабан вызывал особое чувство уважения и был в почете у народа кая. Он всегда содержался в чистоте и хранился чаще всего в амбарах для риса. Некоторые прятали в барабане золото и другие ценности и тогда его закладывали в тайники. Каждая семья кая старалась иметь в доме барабан с изображением лягушек. В годы японской интервенции много национальных инструментов сгорело в домах кая. Мало кто теперь знает секрет изготовления бара-

бана. И все-таки в особо торжественных случаях находится обладатель древнего инструмента, без которого немисливо истинное веселье.

Не обходятся без барабанов и араканцы, жители побережья Бенгальского залива. Он присутствует на всех народных гуляньях, праздниках и обрядах. Делают их разной величины и формы, и звучат они по-разному. Особой популярностью на свадьбах у араканцев пользуется длинный барабан «пунтара», корпус которого изготавливается из твердого дерева, обтянутого козьей кожей. Многим видам араканских струнных инструментов по традиции придают форму крокодила, наиболее почитаемого в здешних краях животного. Среди горцев-качинов также распространены длинные барабаны «оузи». Однако наиболее ценным инструментом у них считается испокон веков тонг. По размерам и количеству гонгов в доме даже определялась состоятельность семьи.

Когда-то в поселениях салонов, жителей побережья Тенассерима, часто звучала музыка. Свирели, трещотки могли делать в каждой семье. Материалом служили кусочки бамбука или плоские дощечки, нарезанные из ствола пальмы. Не всякому удавались барабаны, но умельцы находились. Сердцевина полена легкого и мягкого дерева прожигалась насквозь раскаленными камнями, затем острыми каменными скребками или рыбьей костью отверстие расширялось, а стенки отшлифовывались. Готовое изделие обтягивалось кожей оленя или дикого кабана, которая перед этим вымачивалась для эластичности в морской воде. Затем барабан тщательно просушивался под солнцем, и получался звонкий музыкальный инструмент. Об этом помнят теперь разве что салонские долгожители. Постоянно кочующий в лодках народ почти утратил свое культурное наследие. Суровая жизнь в постоянном противоборстве с морской стихией не оставила места для праздников с песнями и танцами.

В период становления национальных культур у бирманских народов происходил интенсивный обмен своими достижениями, это относится и к музыкальным инструментам. Барабан прошел долгий путь эволюции, прежде чем своим четким ритмом завоевал популярность и особое признание у большинства народов. Карены и кая переняли бирманский обычай дарить барабаны и гонги. Известно, что каренский правитель Къеподжи

подарил барабан своей дочери и семье правителя города Шуэбо, который, в свою очередь, пожертвовал его буддийскому храму Шуэзитон в Пагане. До сих пор в паганском музее хранится эта историческая реликвия.

В оркестрах Паганского периода были не только ударные, но и духовые инструменты. В Нижней Бирме они почти исчезли, зато сохранились и получили дальнейшее развитие в Верхней, в областях поселения качинов, кая, падаунов, лису и других народов. Особенно распространен там так называемый хне, инструмент, напоминающий обычную флейту. Существует большой хне (43 сантиметра) и малый (28 сантиметров). Его делают из черного дерева, а язычок из листьев пальмы. К такому же роду инструментов относится и каренская «либа», на которой играют в особо торжественных случаях, сопровождая поэтические выступления в честь поклонения старшим.

С незапамятных времен горцы научились делать из буйволиных рогов простейшие пастушьи рожки, очень распространенные среди каренов и чинов. Такого рода духовые инструменты под названием «чиджаун» встречаются у бирманцев, кая, каренов.

Самой первой в исторических документах упоминается арфа, считавшаяся символом всего прекрасного, имеются также свидетельства о существовании в древности монских и араканских струнных инструментов, национальных шанской, монской и каренской скрипок. При осмотре настенной росписи Ананды в Пагане складывается впечатление, что эти музыкальные инструменты стали популярными именно в период Паганского государства. На самом деле они завоевали себе известность во время песенных и танцевальных представлений в период заката Авского государства. И сейчас существует четырех-, шести- и семиструнная каренская арфа, трехструнная араканская и монская.

Многие музыкальные инструменты изготовлялись из бамбука. Возможно, самый древний из них — бирманский ксилофон «паттала», который появился во времена Авской династии. Некоторые знатоки утверждают, что моны позаимствовали его конструкцию у тайцев, а затем он пришелся по душе бирманцам. Бирманцы усовершенствовали ксилофон, придали ему с помощью стеклянной и золотой пыли внешний лоск, улучшили форму.

В средние века музыкальные группы в Бирме убла-

жали в основном королевский двор, высшую знать. Однако с развитием поэзии, музыкальной драмы и танца прекрасные инструменты стали служить их создателю — народу.

Современный бирманский оркестр саин не имеет никакого сходства с привычными представлениями о музыкальном ансамбле. Почти всегда в нем есть круговой барабан сайн-вайн, созданный к началу XIX века и представляющий собой круглый резной барьер (два метра в диаметре и один метр высотой). С внутренней стороны его подвешены 20—23 обтянутых кожей барабана. Музыкант сидит в центре круга и играет на барабанах, как на ксилофоне. Бирманский оркестр немыслим также без кругового гонга джи-вайна, состоящего из 18 разного звучания и размеров гонгов, басового барабана патма, духового инструмента хне, бамбуковых трещоток и медных тарелок линвин. Такой оркестр почти всегда сопровождает выступление певца или танцора.

Совершенно самостоятельным традиционным бирманским инструментом остается ксилофон «паттала», состоящий из 24 искусно выделанных бамбуковых пластин, установленных на деревянном основании.

Бирманские классические песни обычно исполняются под аккомпанемент нежных чистых звуков излюбленного инструмента древней аристократии — арфы, имеющей вид ладьи с изогнутым грифом, на котором натягиваются шелковые струны. Многие специалисты склонны утверждать, что на формирование бирманского музыкального искусства большое влияние оказала Индия. Возможно, бирманцы что-то и заимствовали у своего великого соседа, сохранив свою самобытность. Бирманская музыка не имеет хроматической гаммы и строится на простой пентатонике, пяти опорных ключах, между которыми допускаются свободные вариации и творческая выдумка исполнителя. Может быть, в оркестровом звучании она и несколько странна, непонятна и нелогична для слуха европейца, но в целом эти таинственные звуки не могут не пленять.

Музыкальный фон подчеркивает неповторимость и оригинальность бирманского национального танца, который отличается особой ритмичностью и пластичностью. Главное, что определяет выразительность танца, — это эмоциональность движений, порой прерывистых, пульсирующих, кажущихся схематичными и незавершенными.

ми. В самые неожиданные моменты словно какая-то магическая сила вдруг сковывает танцора, потом вновь оживляет, придавая его движениям то резкий, то плавный рисунок.

Классический бирманский танец состоит из следующих основных элементов: 13 величественно замедленных и стремительных движений головы, 9 поворотов шеи, 23 положения соединенных рук и 23 самостоятельных жеста, 28 смысловых взглядов, 38 позиций ног, 5 акробатических этюдов, 8 способов танцевальных поворотов, 10 видов переходных прогулочных па. Он включает примерно до двух тысяч различных движений ног, бедер, головы, рук, плеч. Мастерство отрабатывается поэтапно. Вначале осваиваются только первые грациозные шаги под барабан, и лишь в результате долгих тренировок отшлифовываются отдельные движения, которые позже складываются в законченный образ танца. Совершенным классический бирманский танец стал уже в очень отдаленные времена. Его движения оттачивались веками при подготовке к важным придворным и ритуально-обрядовым церемониям, к общенародным и храмовым праздникам, к дням провозглашения новых столиц, к свадебным торжествам.

В Бирме начинают танцевать с раннего детства. Чуть ребенок почувствовал крепость в ногах, и он уже изгибается в танцевальном ритме у крыльца бамбуковой хижины или на улице, копируя взрослых. В специальных школах обучение танцу начинается с четырех-шести лет.

Бирманские танцы бывают сольными, парными, групповыми или массовыми на сюжеты из трудовой жизни, из легенд, мифов, преданий. Девочки и девушки, как правило, участвуют во всех видах танцев, мальчики и юноши — только в сольных и парных. Если танцору выпадает честь исполнить сольный танец, он показывает все, на что способен, пока не покорит зрителей. В парных танцах мужчина и женщина выражают глубину и искренность своих чувств под пение окружающих. Большой популярностью в народе пользуется танец «оузи», по названию одного из бирманских барабанов. Его танцуют по праздникам и в городе, и в сельской местности. Часто, когда над рисовым полем садится солнце и заканчивается трудовой день, сам собой возникает крестьянский групповой танец.

С давних времен искусство бирманского танца тре-

бует от исполнителей подражания жестам героев театра марионеток. Неписанный закон гласит, что настоящий, талантливый мастер должен танцевать как куклы, а куклам, в свою очередь, не следует во время представлений уступать в мастерстве людям. Традиция настолько укоренилась, что изломанность кукольных движений стала своеобразной чертой бирманского танца.

Театр марионеток существует в Бирме более тысячи лет. В стране гастролировали сотни трупп. В прошлом веке в центре бирманской культуры Мандалае насчитывалось 350 театральных коллективов подобного рода. Наивысшего расцвета театр марионеток достиг в эпоху Конбаунов (1752—1885). Кукольные представления назывались тогда «амьин табин», что означает «развлечение на высоких подмостках», в отличие от других увеселительных зрелищ, которые, как правило, устраивались на земле. Популярность театра была настолько велика, что король, известный в бирманской истории под именем Баджидо, поручил в 1821 году своему министру придворных развлечений У То разработать специальный указ, регламентирующий весь ход кукольных спектаклей по традиционному классическим канонам. Тогда-то, как полагают, и появился своего рода министр культуры, на пост которого назначался исключительно эрудированный человек, разбирающийся в литературе, в искусстве живописи и ваяния, обладающий знаниями по медицине, астрономии, юридическим наукам, хорошо знающий буддийскую философию.

Подготовленный министром королевский указ повелевал формировать труппу артистов кукольного театра исключительно из образованных людей. В спектаклях могло участвовать до 36 кукол, а сценарием для постановок должны были служить сюжеты из 550 историй, связанных с рождением и странствиями Будды, древние легенды монастырей и пагод, мифы о противоборстве добра и зла. Считалось, что духи должны были заранее знать содержание музыкального представления и дать молчаливое согласие на выступление артистов. По королевскому указу оркестру предписывалось исполнять 37 песен по количеству всех основных бирманских духов-натов, а участникам инсценировки — задабривать их подношениями в виде кокосовых орехов, бананов, кусочков серебра.

Согласно этому указу сцена театра марионеток должна быть вместительной, многоярусной, сооруже-

ной из бамбука и крыта тростниковой крышей. Спектакли следовало устраивать три ночи подряд и каждый из них начинать исполнением увертюры «Ветер», «Огонь» и «Дождь». Указ предусматривал плату за просмотр для всех, кроме членов королевской семьи, запрещал шутки в адрес короля, правительства, религии; нарушение этого запрета каралось казнью (четвертованием).

Приход английских колонизаторов сильно затормозил развитие национальных талантов. Пятьдесят лет назад в Бирме оставались всего две группы актеров. С приходом к власти в 1962 году Революционного совета театр марионеток возродился. Бирманские куклы опять получили широкое признание публики. Вождение как малых кукол, в 40—50 сантиметров высотой, так и больших, почти метровых, под силу только опытному кукловоду, который, манипулируя веревками, придает действиям марионеток удивительное сходство с действиями человека. Сейчас на сцене также разыгрываются отрывки из Рамаяны, буддийские мифы, сценки из жизни королей и, конечно, традиционные танцевальные номера.

Государственный танцевально-драматический ансамбль Бирмы известен своими выступлениями далеко за пределами страны. Бирманские артисты несколько раз гастролировали в Советском Союзе и всегда уезжали на родину с чувством удовлетворения от встреч с советскими зрителями, тонкими ценителями национального искусства. Художественный руководитель ансамбля У Кин Сейн рассказал, что в основу творчества коллектива легли традиции народного танцевального искусства и сюжетных музыкальных постановок. В репертуаре ансамбля имеется, например, один из самых старинных народных танцев, «бонджи», берущий начало от древних ритуальных плясок в честь духов плодородия. Теперь его танцуют не только на подмостках, но и в любой деревне на празднике, посвященном началу посадок саженцев риса или окончанию уборки урожая.

— Наши артисты,— сказал У Кин Сейн,— частые гости в сельскохозяйственных кооперативах и на государственных предприятиях. Во время гастрольных поездок по стране мы внимательно изучаем песенно-танцевальный фольклор кая, качинов, каренов и других народов, отбирая лучшее, что есть у них, для своего репертуара. Порой приходится рисковать, что называется, головой,— улыбается У Кин Сейн.— Шутки шутка-

ми, а ритуальный брачный танец у пока еще отсталого племени нага, живущего на северо-западе страны, который исполняется для возлюбленной, не должен видеть никто, кроме... отрубленной головы соперника. Разумеется, этот обычай ушел в прошлое, но благодаря ему нет-нет да и назовут иногда нага «охотниками за головами». Мир танца в Бирме разнообразен и пестр, как сама наша многонациональная страна,— заключил собеседник.

Действительно, каждая народность хранит как реликвию что-то свое, исконно традиционное. В араканских деревнях танцуют под луной древний танец «нга-си», который во времена феодальных правителей исполнялся исключительно в королевском дворце. Сам по себе танец прост, поэтому, очевидно, и столь живуч. В кругу зрителей танцоры передвигаются мелкими шажками без музыкального сопровождения. В очень давние времена араканцы привезли из Индии «танец паука» и до сих пор азартно танцуют его, объединяясь в малые и большие — до 40 человек — группы, растопырив ноги, раскинув руки и покачиваясь из стороны в сторону. Во время храмовых праздников показывают танец дракона, когда десятиметровый муляж чудовища, изрыгающего из пасти огонь, водят по улицам несколько исполнителей. В танце «шайн дайн» араканские женщины, копируя движения ребенка, рассказывают о том, как он учится сидеть, стоять, ходить. В танце «азезаикке» передаются традиционные араканские игры. С известной с XVI века пляской «доне» араканцы хоронят своих монахов, выкрикивая ритуальные заклинания при смене танцевальных поз.

Множество танцев существует у каренов: только для девушек, только для юношей или только для пожилых людей старше шестидесяти лет, и есть общие массовые танцы, сопровождающиеся песнями и шутками, которыми перебрасываются музыканты и танцоры. Наиболее искусным танцорам выдают символические призы, и призер в благодарность должен исполнить песню с пожеланиями добра и станцевать с тем, кто одарил его вниманием.

У многих народностей Шанской национальной области большой популярностью пользуется танец «кейнари» (птицы), исполняемый обычно во время ежегодных праздников в октябре. Разодетые в яркие шелка танцоры в масках, изображающих птиц, под ритмическую

музыку трижды обходят пагоду. Танец кая «ператито» имеет очень давнее происхождение. Раньше в Шанское государство часто отправляли на заработки для обучения специальностям молодых людей из соседнего государства Кая. Спустя несколько лет они возвращались и, раскрасив лицо красками, представляли перед родителями, прося угостить их пальмовым вином. А потом все танцевали ператито. Традиционно его исполняют с сосудом для вина на голове. В старину у народности кая перед военным походом плясало все войско, чтобы поднять боевой дух. С тех пор сохранились многие воинственные танцы, изображающие жестокие схватки с противником.

Ежегодно 12 февраля, в День Союза, день объединения всех бирманских народов, их представители съезжаются в Рангун, чтобы показать свои достижения как в труде, так и в области национальной культуры.

ВЛАСТЕЛИН ЛЕСА — НА СЛУЖБУ ЧЕЛОВЕКУ

Бирма относится к тем немногим странам, природа которых сохранила огромное многообразие животного мира. Среди обитателей джунглей — обезьян, леопардов, тигров, медведей — не последнее место по численности занимают дикие азиатские слоны. Согласно статистике (весьма приблизительной), около десяти тысяч исполинов бирманских лесов расселились в северных и северо-восточных районах страны, на границах с Индией, Бангладеш, Лаосом и Таиландом, а также в лесах Нижней Бирмы. В давние времена они жили по всей Бирме и даже в предместьях Рангуна. Слонов широко использовали не только на тяжелых работах, но и в военных походах. Так, известно, что в 1277 году в королевском войске «служили» две тысячи боевых слонов.

Белые слоны пользовались особым почитанием у бирманских народов. Первые сохранившиеся в истории упоминания о них относятся к XI веку. Они перевозили священные реликвии, с их участием устраивались религиозные церемонии. Феодалы бирманские правители обменивались белыми слонами как ценными дарами, держа их отлов под строгим контролем. В XVI веке правитель Пегу даже провозгласил себя королем белых слонов и готов был объявить войну каждому, кто отка-

звался поставлять ему этих животных. Он содержал четырех белых слонов в специальных позолоченных строениях и кормил их из серебряной посуды. В дорогих шелках и золоте в сопровождении музыкантов слонов ежедневно водили к реке купать.

Принятый в 1879 году закон впервые взял под защиту исполинов джунглей. Однако в 1912 году стали выдаваться лицензии на частичный отлов животных. Опустошительные набеги слонов на крестьянские поля приводили порой к массовому их отстрелу. За семь лет с 1928 по 1935 год было уничтожено 770 слонов и более трех тысяч — в течение последующих шести лет. Однако забота об урожае служила английским колонизаторам предлогом для экзотической охоты на слонов ради их бивней. К началу второй мировой войны около десяти тысяч прирученных животных работали на лесоразработках, принадлежавших иностранным компаниям, а к концу войны их число сократилось до 2,5 тысячи. Многие погубило варварское отношение японских завоевателей. Слоны гибли от чрезмерной работы, от пуль японской солдатни. Отступая в 1944—1945 году из Бирмы, интервенты увозили на слонах в Лаос и Таиланд военные грузы, награбленное имущество. Лишь немногих слонов бирманцам удалось спасти, отпустив их на свободу.

С получением Бирмой независимости, а особенно с приходом к власти в 1962 году Революционного совета, государство смогло наконец полностью распорядиться своим национальным богатством. Были приняты строгие меры по охране редкой фауны Бирмы. Особым вниманием были окружены слоны, отлов которых был строго ограничен. Теперь охота на диких слонов проводится по лицензиям департамента лесного хозяйства в период с 1 ноября по 15 мая, когда стада слонов выбираются из глухих дебрей, спускаются с гор и тянутся к бамбуковым зарослям, банановым рощам, к рекам, протокам, ручьям. Слонов перестали хищнически истреблять, теперь их используют на различных работах, особенно на лесоразработках, где не справится ни одна современная машина. Одомашненные животные выполняют самые трудоемкие работы по транспортировке тика и других ценных пород дерева, перетаскивают бревна к лесопильным комбинатам, к берегам рек, по которым затем их сплавляют. На лесоразработках сейчас задействовано более трех тысяч слонов. Благодаря им в государст-

венную казну ежегодно поступает 150 миллионов кьят. Но потребности в увеличении мощной вспомогательной силы постоянно растут.

В Бирме создано около трех десятков бригад охотников, которые обеспечивают поголовье рабочего стада. Большинство из них специализируется на отлове диких животных с помощью загонов, четыре артели используют во время охоты хорошо обученных для этой цели слонов, остальные применяют ружья, стреляющие ампулами со снотворным. Ловят только молодых, здоровых и сильных животных. Слон достигает наивысшего расцвета физической силы к 45 годам. Немолодых слонов, раненых и больных оставляют на свободе, не трогают также слоних, ожидающих потомства.

Как-то журналистские дороги завели меня на лесопильный завод в нескольких километрах от города Сандодея в Араканской (Ракхайн) национальной области. Завод оснащен современными машинами, которые превращали огромные тиковые стволы в длинные доски и брусья. А на подсобных работах использовались слоны. Повинуясь погонщикам, они тянули на цепях бревна, толкали их лбами, подкатывая к нужным местам, что могли — перетаскивали хоботом. Один из погонщиков, пожилой, сухощавый человек по имени У Шве Мья, в недалеком прошлом был охотником на слонов. Своего помощника он поймал и приручил лет пятнадцать назад, да так с тех пор и работает с ним в паре.

— Охота на слонов — дело непростое, — говорит У Шве Мья, — требует мужества и сноровки.

Присев на корточки под тенистым деревом, старый охотник поведал о тайнах отлова и приручения властелинов джунглей.

Испокон веков охота на слонов в Бирме сопровождалась целым ритуалом неписаных законов и обязательных правил, соблюдение которых и сейчас считается верным залогом удачи, а главное — безопасности. Страх перед необузданной, дикой силой гигантских животных, которые в приливе ярости не раз нападали на деревни, превращая в развалины крестьянские хижины, определил строгость охотничьих законов и создал целый кодекс правил, а также ритуальных обращений к духам о покровительстве и защите. Традиционно запреты распространяются как на непосредственных участников охоты, так и на тех, кто остается в базовом лагере охотничьей артели, то есть, попросту говоря, в деревне.

По первой заповеди предков, охотники должны беспрекословно подчиняться своему предводителю (джоунхму), человеку уважаемому и авторитетному, чей мудрый совет, опыт и знания не подвергаются сомнениям. Джоунхму отвечает за жизнь других и вообще за успех всего предприятия. Те, кто уходят в джунгли, на время условно «разводятся» со своими женами в присутствии старосты деревни. На жен охотников тоже распространяются определенные запреты. На время охоты они не могут, например, мыть или подстригать волосы, принимать мужчин в доме, за исключением ближайших родственников, ругаться, лгать.

Во время охоты нельзя без разрешения джоунхму убивать четвероногих животных и употреблять в пищу их мясо. Позволяется лишь ловить «создания неба и воды», а также пресмыкающихся. В некоторых районах Бирмы правила запрещают даже ловить крупную рыбу.

В древности запретов было гораздо больше. Охотникам, например, запрещалось хлопать в ладоши, ругаться, есть «пищу тигров», смазывать волосы растительным маслом, оставлять в котле для приготовления пищи черпак, небрежно сдеваться. Считалось, что нарушение этих правил может привести к неминуемой беде и неудаче: дикий слон убежит из загона, а уже прирученный сбросит и растопчет погонщика.

Оставшиеся в лагере (в деревне) не должны были употреблять спиртные напитки или угощать ими знакомых, присутствовать на деревенской свадьбе или похоронах, мыть голову, запрещалось распускать волосы, из-за чего мужчины наравне с женщинами собирали их на макушке в пучок. В числе других запретов рекомендовалось не использовать в приправах тыкву, выращенную в собственном огороде. Страх перед злым роксом сохранялся, несмотря на предварительные заклинания и мольбы, обращенные к 37 основным бирманским духам-натам, включая Одину, духа слонов.

После того как день охоты на диких слонов установлен, а это не обходится без помощи астрологов, четыре-пять небольших групп отправляются из лагеря, чтобы определить местонахождение животных, их передвижение, размер стада. Результаты разведки докладывают джоунхму, который дает необходимые дополнительные распоряжения и лично изучает поведение слонов на местности, выбирает подходящее стадо с учетом возра-

ста животных. Здесь нужен опытный глаз, ошибка может дорого стоить. Преобладание в стаде зрелых слонов с могучими бивнями означает, что охота будет трудной.

Отлов диких слонов способом квейдда, то есть окружение и загон, известен с давних времен. Еще в начале века в северных районах Бирмы был создан даже департамент для организации охоты на слонов с помощью загона, представляющего собой частокол из пригнанных вплотную один к другому, врытых в землю бревен в виде латинской буквы «У». Два длинных «рукава», образующие коридор, сужаются и заканчиваются «ножкой». Сооружение рассчитано на 30 пленников, но, как правило, в нем держат в зависимости от условий местности от 6 до 15. Загон запирается массивными подвесными воротами, которые джоунхму захлопывает в нужный момент, перерезая толстый канат. По обеим сторонам «рукавов» разбрасываются сухие листья, ветки, которые поджигаются, чтобы преградить слонам путь к отступлению, когда они приближаются к загону. На всем предполагаемом пути бегства диких слонов к загону на деревьях устраиваются дозорные вышки с двумя охотниками на каждой.

Охота начинается с того, что трое-четверо загонщиков подкрадываются поближе к выбранному стаду слонов и начинают играть на бамбуковых свирелях. Услышав незнакомые звуки, слоны настораживаются и собираются вместе. Тут-то и начинается крсмешный ад: непрерывные выстрелы хлопушек, крики, удары в жестянки, свист свирели, огонь, дым — все это наводит ужас на животных, которые срываются с места и мчатся к спасительной тропе. Но и здесь их подстерегает опасность. По сухостою на обочине дороги пробегают языки пламени, зажженного дозорными. Сзади подгоняет треск и грохот. Обезумевшие слоны мчатся дальше и, выскочив из леса, обнаруживают единственное свободное от огня и дыма место, окруженное плотными рядами бревен. Беглецы устремляются в загон. Если зазвучит гонг, значит, за воротами осталось еще несколько диких животных, и загонщикам надо остерегаться. После успешной охоты сразу же начинается приручение и дрессировка.

Другой способ отлова лесных гигантов, распространенный в низовьях реки Чиндуин, называется «мелашика» и связан с применением лассо. Охотники также

взывают к духам, день вступления в джунгли также назначает астролог. На временных алтарях, сооруженных под большими деревьями, духам выставляют угощения. У этого же алтаря складывают копья, палаши, веревки. Пусть, мол, духи все увидят и пошлют удачу. После ритуала охотники съедают принесенные дары и без опаски трогаются в путь, предварительно запустив в воздух петуха. Если он закричит, быть удаче.

Как правило, в охоте участвуют несколько погонщиков и 5—6 хорошо обученных слонов, которые не нуждаются в каких-либо командах, а сами принимают решения в зависимости от ситуации. Если преследуемый слон пытается обороняться, то участник охоты смело вступает в единоборство с ним, защищая наездников, обычно по двое сидящих на его спине для удерживания лассо. По свежевытоптаным следам вся группа углубляется в лес. Из обнаруженного стада диких животных выбирают обычно молодую слониху, пасущуюся где-нибудь в стороне от всех. Сидя на слонах, погонщики окружают ее. Жертва настораживается, но может и не заметить охотников, так как видит обычно только то, что находится на уровне глаз. Недоумевающему животному набрасывают на хобот крепкое лассо. Слониха в испуге пытается сбросить его, задирает хобот, и петля сползает к голове, обхватывая шею. Она трубит тревогу, и к атаке готовится все стадо, но охотники шумом отгоняют его.

Заарканенное животное пускается в бегство, и по бокам его сопровождают обученные слоны. Трех-четыре километра бешеной гонки достаточно, чтобы заставить слона прекратить борьбу и загнать его в тренировочный лагерь.

В неволе слоны два-три дня совсем не принимают пищи. Затем они понемногу привыкают и начинают есть. Дрессировщики поначалу не дают пленникам спать ни днем, ни ночью, так как сон прибавляет силы. Ослабленным животным надевают на ноги тростниковые или металлические путы. Далее начинается кропотливая работа по приручению. Ласка, почесывание, поглаживание по хоботу, тихие беседы, хорошая пища постепенно делают свое дело, и спустя несколько дней на слона уже можно садиться верхом. 10—12 дней доброго обхождения — и пленников с путями на ногах отпускают на выпас за пределы тренировочного лагеря. После трех месяцев слоны начинают понимать некоторые сло-

ва команды: «спокойней, ложись, поднимай, неси» и т. п. Четырехмесячный «университет» выдает питомцам путевки в трудовую жизнь в кооперативах по лесоразработкам, где приобретаются дополнительные навыки по оказанию полезной помощи человеку. В зависимости от габаритов и физических данных пойманного слона охотникам за него выплачивают от 100 кьят до 3,5 тысячи.

Потомство, появившееся в условиях неволи, уже с четырех лет обучают припадать на передние ноги, поворачиваться по команде. Четырнадцатилетний слон уже активно работает, перекачивая бревна на открытой местности. Приучают их к местам лесоразработок, где для слонов установлен шести-семичасовой рабочий день, у каждого есть свое имя, на которое они чутко реагируют.

СОСЕДСТВО ПОНЕВОЛЕ

В глухую ночь с постели меня поднял настойчивый, продолжительный, как мне показалось, телефонный звонок в гостиной. На самом деле телефон молчал. Это повторялось много раз и всегда ночью либо поздним вечером, будто кто-то разыгрывал злую шутку. Приглушенный кондиционером странный зуммер, то длинный, то короткий, заставлял выскакивать из рабочего кабинета, отрывал от дел, даже когда я уже узнал о происхождении этого звука от садовника Томаса.

— Это змеи, хозяин, — уверенно сказал он.

В определенное время, особенно перед сезоном муссонов, змеи дают о себе знать звонким посвистыванием. Короткие сигналы, по словам Томаса, издают ядовитые змеи, длинные — безобидные.

— С наступлением темноты они расползаются по зарослям нашей бамбуковой изгороди и начинают концерт, — заключил садовник.

Все так и было. Спустившись вечером в сад, я услышал, как густая изгородь ожила зловещим посвистыванием. Короткие сигналы чередовались с длинными. В этом живом заборе, попятно, трудно разглядеть змей, тем более что они, как правило, такие же изумрудно-зеленые, как стебли и листья бамбука. Но всем нутром чувствуешь и слышишь: они там. Не раз под

садовые ножницы Томаса, когда он подравнивал изгородь, попадала какая-нибудь зазевавшаяся змейка. Расправа совершалась и на земле. Пойди разгадай степень риска от неожиданной встречи с подобного рода пресмыкающимися! По крайней мере от укуса свалившейся с дерева небольшой «бамбуковой» змеи чуть не подохла однажды наша собака, смело бросившаяся на непрошеного гостя.

Пресмыкающиеся в Рангуне селятся по соседству с человеком. В тихих районах нетрудно встретить даже днем вытянувшийся на проезжей части дороги двух-трехметровый ползущий «канат». Кто принимает в потемках на дорожке у своего дома за случайный сук кобру, кто снимает с крыльца змеиную кожу, оставленную после линьки, кто выскакивает из квартиры, обнаружив опасное вторжение. Однажды даже рангунская газета описала случай, когда в городском автобусе из-под сиденья выползла кобра и укусила пассажира, которого с трудом удалось спасти. Другая газета сообщала, что на футбольном поле в городе Моулмейне на юге Бирмы судейский свисток вдруг приостановил игру в самый неподходящий момент, когда гол, казалось, был неизбежен. По рядам болельщиков прокатилась волна негодования. Но причина прекращения футбольного матча была, как говорится, уважительной: вратарь одной команды заметил в воротах соперников прямо за спиной своего коллеги готовую к нападению кобру и тотчас поднял тревогу. Игра возобновилась после удаления с поля змеи.

Центром сосредоточения змей, и особенно ядовитых гадюк, бирманцы считают город в средней части Бирмы — Моути. Даже не столько сам город, сколько прилегающие к нему поля. Они доставляют много неприятностей крестьянам во время посадок и уборки риса. Меры предосторожности соблюдаются, но в мутной жиже не всегда удается разминуться со змеей. Ежегодно десятки крестьян поступают в больницу с укусами гадюк, и не всех удается спасти. В 1977 году пострадали 69 человек, пятеро из которых погибли.

Нет ни одного дома в Рангуне, да, пожалуй, и во всей Бирме, где бы постоянно не водились ящерицы, напоминающие беззубых крокодилов в миниатюре. Путливые светло-коричневые ящерки гекконы, издающие цокающие звуки, перебирая короткими лапками-присосками, стремительно носятся по стенам квартиры

и по потолку. Здесь же, в жилых домах, они производят на свет потомство. В минуты отдыха ящерицы замирают на стенах или в укромном месте, прикрыв глаза, а когда приходит время охоты, подкрадываются к окнам, чтобы схватить какое-нибудь насекомое, которое порой и в рот не помещается. Первоначальное чувство неприязни к такому постоянному соседу постепенно притупляется, когда понимаешь, что ящерки избавляют тебя хотя бы от части многообразия того ползающего, прыгающего, летающего мира насекомых, который окружает тебя в твоей квартире. Причем не все эти жучки и паучки так уж безобидны. Некоторые оставляют на коже долго не заживающие следы, как после настоящего ожога.

Однажды я был приглашен в гости к известному бирманскому журналисту У Ба Тану, который и в свои восемьдесят с лишним лет не бросает любимого занятия. В скромной однокомнатной квартире на последнем, пятом этаже я заметил у окна проволочную клетку с приманкой и поинтересовался, для чего она здесь.

— Крысы одолевают, знаете ли,— смутился У Ба Тан.— Вот и ловлю их каждую ночь.

Приспособление ничуть не напоминает мышеловку, и У Ба Тан пояснил:

— Ловлю и выпускаю через окно на крышу соседнего дома. Эти не придут больше,— заверил он.

Но приходили другие по нескольку штук и в одиночку, и каждый раз старый У Ба Тан деликатно выпроваживал их, не прибегая к насилию.

Согласно буддийским канонам запрещается убивать всякую живность, и под охраной традиций в Рангуне расплодилось столько крыс, что власти вынуждены были в прессе и по радио призвать население к истребительной войне с этим распространителем инфекционных заболеваний. Призыв не вызвал особого энтузиазма. Крысы забираются на чердаки домов и способны преодолевать, казалось бы, немыслимые преграды. Приходилось видеть, как они передвигались от дома к дому даже по электрическим проводам, карабкались по отвесным стенам. Присутствие человека их вовсе не смущает, порой обнаруживаешь в укромном местечке собственной квартиры целое потомство.

В деревнях, конечно, крысы чувствуют себя спокойнее, чем в шумных городах. Крестьянские поля обеспечивают им безбедное существование. Много лет жители

трех поселений в дельте реки Иравади жестоко страдали от нашествия крыс, полностью уничтожавших посевы риса. Их активность привела к тому, что крестьяне вообще перестали сеять рис и перешли к возделыванию горького перца, который пришлось не по вкусу грызунам.

Близкое соседство с животным миром доставляет бирманцам много хлопот. Одно время в области Сикайи на поля, засеянные восточным кунжутом, прилетали полакомиться большие стаи попугаев. В кооперативах вынуждены были создать специальные дежурные отряды, которые отгоняли непрощенных гостей. В северных и восточных районах этой же области крестьяне стали замечать, как изо дня в день редуют послевающие рисовые поля. Посланный для проверки ночной дозор установил воров, промышлявших на делянках. Как выяснилось, каждую ночь на посевы налетали тысячи диких уток. На пернатых разбойников началась азартная охота с помощью сетей.

Когда с рисовых чеков сходит вода и наступает период созревания риса, на них вспыхивают в ночи мириады огней. Это вокруг своих наделов крестьяне зажигают факелы, изготовленные из бамбуковых стволов, заполненных внутри древесной смолой. С незапамятных времен эта необычная иллюминация помогает бирманским рисоводам бороться с полчищами азиатской саранчи и других насекомых, пожирающих листья и стебли растений. Традиционный метод отпугивания вредителей в последние годы получил в Бирме широкое распространение в рамках развернувшейся кампании за сокращение потерь в сельском хозяйстве. Специалисты подсчитали, что пятнадцать-двадцать факелов на гектар позволяет полностью защитить поля от вредных насекомых.

Труднее уберечь урожай от нашествия диких слонов. Однажды в двух деревнях Качинской национальной области рисовыми полями полностью завладели двенадцать диких слонов из джунглей. Как писала местная пресса, прожорливые гиганты буквально превратили в свои постоянные пастбища крестьянские поля. Иногда они появляются в самую пору уборки урожая, ежедневно истребляя до сорока тонн риса. Доведенные до отчаяния крестьяне нередко обращались за помощью к городским властям.

Богат и разнообразен животный мир Бирмы, и стал-

кивается с ним на каждом шагу прежде всего сельский житель. И тут уж порой не до мирного сосуществования с «младшим братом». Однажды в окрестностях Сикайна двое парней — погонщиков слонов — отправились в джунгли, чтобы возвратиться в лагерь отпущенных на свободный выпас слонов. Только углубились в чащу, как на них набросился огромный, трехметровый тигр. Отступать было некуда. Один из юношей вступил в неравную борьбу. В первую же минуту хищник оставил на руке смельчака рваную рану. На помощь поспешил друг, нанеся тигру удар в бок дротиком. Последовал страшный ответный удар в лицо. Никто не знает, сколько прошло минут ожесточенного единоборства не на жизнь, а на смерть. Никто не желал сдаваться. одному из приятелей наконец удалось сдавить тигру горло, в то время как другой сразил тиганта небольшим бирманским палахом. Израненные, но гордые, с богатым трофеем, как писала газета, семнадцатилетние победители вернулись домой. Встречи с дикими хищниками не всегда заканчиваются столь благополучно.

Слух о появлении у двух приморских деревень крокодила-людоеда поверг жителей в панический страх. Рассказы очевидцев обросли былями и небылицами, создавая облик кровожадного чудовища. Крокодил действительно оказался чрезвычайно опасным. Когда его все же поймали и убили, в чреве обнаружили туловище мальчика, а также одежду, которая могла принадлежать двум мужчинам и двум женщинам.

Я выскочил на треск, каким обычно сопровождается короткое замыкание. Замурованная электропроводка могла замкнуться разве что у выключателя. Однако искр не было, а угрожающий треск нарастал, словно предвещая неминуемый взрыв. Странный звук подвел меня к окну, и там я обнаружил источник шума — зеленого сверчка, похожего на крупную саранчу. Попавший в западню между москитной сеткой и раздвижными рамами, он издавал такую трескучую морзянку, что только диву можно было даваться.

Каждый год в ноябре, когда затихают муссоны, на улицы бирманских городов высыпают с наступлением темноты и стар и млад. С длинными палками с опахалами из ветвей на конце целые семьи дежурят около уличных фонарей, бросаются на дорогу, куда на свет фар слетаются кузнечики. В жареном или запеченном виде они съедобны, для многих бирманцев — это люби-

мое лакомство. Ловля этих насекомых организуется ради экзотического ужина, который в каждой семье бывает раз или два в короткий период их нашествия.

В сезон дождей с наступлением темноты улицы оккупируют, кажется, все разновидности лягушек: миниатюрные попрыгунчики, способные одним махом преодолевать двух-трехметровое расстояние, сонные бородавчатые огромные жабы, не уступающие дорогу транспорту даже под страхом неминуемой гибели, проворные «прилипалы», которые порой заглядывают в окна даже верхних этажей зданий и проникают в жилые помещения.

Как-то раз со двора донеслось мычание коровы. Потом двух, а вскоре и целого стада. «Откуда им взяться?» — подумал я. Надежная изгородь, железные ворота. Но чего не бывает в этой стране чудес! Ведь проели же они себе проход в бамбуковой изгороди и забрались на ухоженную, подстриженную зеленую лужайку. Я выглянул в окно — во дворе никого не было. У порога мирно дремал пес — его, как видно, ничто не беспокоило, а рев не прекращался. И кто бы мог подумать, что мычали жабы — огромные, неуклюжие, горбатые, они выстроились перед домом на полянке, словно для вечерней спевки. Иногда какая-нибудь из них забивала собой широкую горловину водосточной трубы, и считай, что на всю ночь ты обеспечен диким концертом, усиленным идеальной акустикой.

Вот на белой стене протянулись две темные стежки, — значит, в дом пожаловали муравьи. Живые пунктирчики обязательно приведут к чему-нибудь съестному. Одна «колея» спешит к месту промысла, другая, параллельная, — к своему пристанищу с добычей. А иногда, словно сговорившись, крохотные существа перетаскивают таких «исполинов», которые и весом и размером превышают их самих в несколько десятков раз. Словно по волнам, плывет над движущейся нитью десятисантиметровый таракан, поднимается по отвесной стене, пока не исчезнет в какой-нибудь трещине. Как-то во время нашествия на наш дом этих огромных тараканов, способных еще и летать, пришлось истребить их штук тридцать и сгрести до утра в кучу. Наутро этой кучи на месте не оказалось. Способности муравьев общеизвестны, но бирманские, очевидно, обладают особой мощностью не только «бицепсов», но и челюстей. Как иглами они протыкают целлофановые пакеты с сахаром и

тут же перемешиваются с ним, подтачивают крепкую древесину, обгладывают изоляцию электропроводки, превращают в труху картонную упаковку. И нет от них спасения. Современные распылители с химической начинкой только временно приостанавливают муравьиное паломничество. День-другой — и новые полчища идут, что называется, стеной, доказывая свою неуязвимость.

Живуч этот домашний зоопарк, прыгающий, порхающий, ползающий. Смотришь — загарцевало по стене длинноногое мохнатое страшилище размером с добрую пятерню. Не успел догнать — теряйся в догадках, были ли это какой-нибудь безобидный, хоть и гигантский паук или скорпион, который, кстати, не такой уж редкий гость в городской квартире. Со стен цокают ящерицы, в водосточную трубу мычат лягушки, на чердаке беснуются крысы, и опять раздается неурочный телефонный звонок, то длинный, то короткий, а у настольной лампы пляшет весь свет местной мошкары и мотыльков.

ЗЛО «ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА»

Вертолет бирманских вооруженных сил с иностранными корреспондентами на борту тяжело оторвался от выщербленной полосы старенького военного аэродрома и, содрогаясь всей своей массой, устремился в сторону лесистых сопкок. В иллюминаторе запрыгала знакомая панорама глухой приграничной полосы Шанской национальной области, где приходилось бывать не раз по приглашению министерства информации Бирмы. Будто какая-то дьявольская сила сжала своей огромной пятерней эту пустошь, да так и оставила в буграх и складках, в помятых изломах. Деревушка Монгкен кажется с высоты случайным обитаемым островком в безбрежном море холмов Шанского плато. Примерно в 10 километрах от нее наш вертолет, резко накренившись, стал описывать круги над одной из сопкок, пока не приземлился на самой ее макушке.

Вокруг однообразный пейзаж дикой девственной природы. Совсем рядом начинается территория соседнего Таиланда, и даже хорошо видны пешеходы на бурой грунтовой дороге. На бирманской стороне безлюдно, тихо. Ничто не нарушает покой необжитого края. Однако тишина в этом обширном районе «золото-

го треугольника» на стыке границ Бирмы, Таиланда и Лаоса, где пересеклись тропы контрабандной торговли наркотиками, обманчива. Еще несколько дней назад здесь шли бои. На свежеспаленной сопке остались трофеи бирманских солдат, вступивших в жаркую схватку с хорошо вооруженной бандой, которой удалось создать целую фабрику по производству опиума и героина.

Бирманские солдаты обнаружили пять строений «производственного» назначения, два барака на 20 человек, два — на 10, 65 хижин, походную конюшню и мешки с химикалиями, перегонные устройства, котлы, канистры. Были захвачены также несколько карабинов американского и западногерманского производства, большое количество боеприпасов, мины, радиоаппаратура. Десять контрабандистов погибли в сражении с правительственными войсками, остальным удалось скрыться за пограничным жордоном под прикрытием огня с тайландской стороны. Несколько бирманских солдат получили ранения.

Так закончилась в марте 1980 года очередная кампания «Моухейн» («Буря»), которую проводит ежегодно правительство Бирмы в восточных и северо-восточных районах после принятия в 1974 году закона о борьбе с распространением наркотиков. По официальным данным, за 8 лет активных действий было уничтожено в боях 315 контрабандистов и 116 захвачено в плен. Среди трофеев правительственной армии 403 единицы стрелкового оружия, 115 мин и фугасов, 17 полевых раций, свыше 30 тонн наркотиков: сырого опиума, морфия и около 500 килограммов героина. В джунглях Шанской национальной области было обнаружено и уничтожено 22 лаборатории по переработке опийного мака и 97 подпольных складов наркотиков. В ходе кровопролитных боев правительственные войска также понесли потери. Погиб 31 солдат и 76 получили ранения.

Во время ознакомительной поездки в район «золотого треугольника» я подошел к одному из солдат и поинтересовался, как удалось разгромить замаскированную фабрику «белой смерти». Преодолевая смущение, он робко объяснил, что окружение и уничтожение противника — дело привычное. Когда к нашей беседе подключился офицер, солдат осмелел, стал разговорчивее. Выяснилось, что несколько ночей отряд пробирался сквозь джунгли по следам торговцев наркотиками, пока не вышел на их базовый лагерь, скрытый в зарослях бамбу-

ка. И так каждый раз. Иногда без воды, со скудным продовольствием бойцы бирманской армии неделями преследуют вооруженные банды головорезов.

— Особая сложность борьбы с контрабандистами состоит в том, что они действуют в труднодоступных районах, и притом непосредственно на границе, имеют пути для отступления за линию границы и располагают влиятельными связями в соседних странах,— сказал офицер.

Многое стало понятным после разговора с начальником восточным тактическим командованием № 1 полковником Тейн Ханом, опытным военным, хорошо знающим местную обстановку. Он высказал обоснованные подозрения в причастности к этому делу определенной части тайландских полицейских и пограничников.

— Судите сами,— объяснил он,— в семьдесят седьмом году в районе Ло Ло Чанг Шанской национальной области наш армейский патруль обнаружил четыре приземлившихся вертолета с опознавательными знаками тайландской полиции. В вертолеты загружались партии опиума. Одну из машин удалось захватить. Тайландская сторона, давая показания в ходе следствия, сослалась на случайность нарушения границы. Но какая тут случайность? — возмутился полковник.

— Контрабандисты,— утверждал он,— иногда «покупают» у полицейских право на пребывание на территории Таиланда в течение одной-другой ночи. Размер взятки, очевидно, может и продлить срок.— Полковник Тейн Хан привел и такой факт весьма «деликатного» отношения тайландских властей к воротилам опиумного бизнеса: в городе Бан Хин Таик долгое время, до января 1982 года, почти легально существовала штаб-квартира личной армии «опийного короля» Чан Шифу, известного также под именем Кхун Са.

Сколотив из 5 тысяч человек, в основном этнических китайцев, группировку феодального типа под громким названием Шанская объединенная армия, Чан Шифу установил с 1975 года контроль над контрабандной торговлей опиумом в «золотом треугольнике». Одновременно он промышляет нелегальным вывозом из Бирмы драгоценных камней — рубинов, сапфиров, нефрита. На тропях черного бизнеса бандам Чан Шифу не всегда удается полюбовно разминуться с головорезами из других вооруженных отрядов, отдельные из которых напоминают феодальные кланы, спаянные семейными, этни-

ческими связями или же коммерческими интересами. Уже десятки лет «золотой треугольник» служит логовом для частных армий контрабандистов, местных племен и разномастных сепаратистов, которые то вдруг нащупывают какую-то общность интересов и сливаются в воинственные коалиции, то затевают в своем стане непримиримую затяжную вражду, убивая друг друга, устраивая засады, отбирают добычу или накладывают высокие «пошлины» за провоз товаров по «своей» территории.

«Шанская объединенная революционная армия» (ШОРА) — одна из множества шанских бандитских группировок, имеющих самое непосредственное отношение к контрабанде наркотиков в районе «золотого треугольника». ШОРА состоит из остатков третьей армии Гоминдаца, которые возглавил миллионер генерал Ли Вэньхуан. Он руководит крупными операциями из своего поместья в тайландской провинции Чиенгмай недалеко от границы с Бирмой. Под покровом ночи вооруженные отряды ШОРА углубляются в глухие районы области поближе к плантациям опийного мака или других растений, содержащих наркотики, и открывают целые фабрики «белой смерти». Для обеспечения безопасности лабораторий, в которых производится героин, и для сопровождения больших караванов с наркотиками с севера ШОРА располагает хорошо экипированными во всех отношениях подразделениями, каждое численностью до батальона. В апреле 1983 года в ходе ожесточенного сражения, в котором приняло участие до 800 мятежников, правительственные войска захватили три новые лаборатории ШОРА по переработке наркотиков, почти 105 килограммов наркотических средств, 549 галлонов опиумного раствора, большое количество химикатов, а также 47 единиц различного оружия. Правительственные войска потеряли 7 человек убитыми и 36 ранеными.

Мне вспомнился еще один разговор с полковником Тейн Ханом на той вспаханной взрывами сопке. Вопрос напрашивался сам собой, и я спросил:

— Как долго может существовать проблема, в решении которой принимают участие подразделения бирманской армии?

Полковник обвел взглядом набегающие друг на друга холмы, будто силясь что-то отыскать среди них, и задумчиво произнес:

— Зло «золотого треугольника» слишком велико,

его нельзя искоренить одним махом. Если раньше нам приходилось сталкиваться с отдельными группами контрабандистов, то теперь — с большими соединениями сепаратистов, которых также захлестнул опиумный бум. Мятежники с боями пробиваются к границе, сбывают на той стороне свой смертоносный товар и возвращаются назад с новыми партиями оружия, чтобы продолжать эту бессмысленную братоубийственную войну. Контролировать всю границу мы, к сожалению, не в силах, — признал Тейн Хан.

Действительно, контролировать пограничную область со сложным рельефом более чем в 2 тысячи километров не в состоянии даже все вооруженные силы Бирмы. Каждый год буйным цветом зацветают плантации опиумного мака в районах, захваченных мятежниками, и только полный их разгром мог бы положить конец производству и распространению наркотиков на территории Бирмы. Страна не одинока в своей борьбе с этим злом века, она получает помощь по линии ООН. Однако борьба с распространением наркотиков значительно осложняется тем, что некоторые капиталистические страны оказывают содействие бирманским сепаратистам, что способствует продолжению войны против законного правительства Бирмы. Такое пособничество мятежникам фактически поощряет контрабанду наркотиков, на чем греет руки преступный синдикат торговцев «белой смертью» и политических спекулянтов. Но караванам со смертоносным грузом все чаще преграждают дорогу мужественные бирманские солдаты.

Ощутимые удары по позициям международного подпольного синдиката торговцев наркотиками бирманская армия нанесла весной 1985 года. В результате предпринятой крупной операции правительственные войска выявили и ликвидировали семь тайных лабораторий по производству героина в трех районах, расположенных в труднодоступной горной области на востоке страны. Кроме того, были уничтожены плантации опиумного мака общей площадью 8,5 тысячи гектаров. Вся эта адская кухня подпольного синдиката была окружена минными полями и охранялась вооруженными отрядами численностью до ста человек. Ради процветания своего бизнеса воротилы «золотого треугольника» идут на любые расходы и преступления в расчете на то, что все это с лихвой окупится баснословными барышами. Поставляемые отсюда тайными путями в США и Запад-

ную Европу наркотики ежегодно приносят синдикату сотни миллионов долларов прибылей.

Однако Бирма не намерена мириться с тем, что где-то на окраинах страны орудуют некоронованные короли «белой смерти». Борьба с контрабандой наркотиков провозглашена одной из важнейших общенациональных задач и приобретает общенародный характер. Армия совместно с отрядами народного ополчения активизирует борьбу с синдикатом. Результатом совместных усилий стали более успешные операции по разгрому «опийных банд». В течение 1984 года власти захватили около 5 тонн различных наркотиков, предназначенных для тайного вывоза за рубеж.

Одновременно с военными акциями бирманские власти ведут «мирное наступление» на мятежников и контрабандистов, стараясь лишить их опоры в народе и привлечь на свою сторону малые народности Шанской национальной области, которые традиционно занимаются производством наркотиков для личного потребления и в коммерческих целях. С помощью специализированных организаций ООН в Бирме приступили к осуществлению ряда проектов по переводу горцев от выращивания опийного мака к возделыванию полезных сельскохозяйственных культур, к широкой профилактической работе среди крайне отсталых национальных меньшинств. Об одной из таких мирных операций мне рассказали ее участники — бирманские журналисты.

Появление в деревне чужаков встретили настороженно. Босоногая чумазая детвора в лохмотьях со слипшимися волосами, никогда не знавшими ни расчески, ни мыла, застыла на почтительном расстоянии и с тревогой следила за каждым шагом незваных пришельцев. Такие же жалкие настороженные люди в грязной одежде выползали из хижин без окон, в которых содержалась и вся домашняя живность — свиньи, куры. Казалось, смрадный запах исходил не от каждой лачуги отдельно, а им пропиталась вся деревня Чауталоун района Таунджи, расположенного далеко от больших городов и проезжих дорог. В этом глухом поселении из 30 дворов жили лису, и им неведомы были такие понятия, как образование, медицина, но каждый знает, как выращивать «дьявольский цветок» — опийный мак. Староста деревни У Аик Сан созвал на собрание весь народ. Угрюмые люди замерли в ожидании: не так уж

часто приходилось слушать районное начальство. Через переводчика руководитель группы объяснил:

— Мы прибыли в вашу деревню, чтобы уничтожить все посевы мака, так как наркотики запрещены законом. Выращивание опийного мака приносит хороший доход хозяйству, но опиум убивает людей. Мы не можем разрешить процветать одним людям за счет здоровья большинства. Такой аудитории надо было буквально растолковывать прописные истины о вреде наркомании и той пагубной роли, которую играют в распространении наркотиков крестьяне, выращивающие мак. Поди убедить тех, кто привык к этому зелью и всю жизнь кормится за счет его!

Оратор терпеливо подводил базу под самое главное: крестьяне должны менять свой уклад, заняться другим, незнакомым, но важным делом.

— Мы обеспечим вас, — говорил он, — саженцами ценных деревьев, дадим семена, зерно и удобрения, чтобы вы могли производить ту продукцию, которая необходима людям, и сами иметь доход от этого.

Закон о запрещении выращивания наркотических растений был принят правительством Бирмы 20 февраля 1974 года, но к предусмотренным им строгим санкциям по отношению к нарушителям, включающим уничтожение посевов, конфискацию соответствующего сельскохозяйственного инвентаря, штраф и другие, более крутые меры воздействия, прибегали не всегда и не везде. Потребовалось время, чтобы правительственные решения не только дошли до отдаленных районов страны, но и встретили понимание местных жителей. Последний срок всякого рода отступлений от закона истек 1 марта 1979 года.

В последующие годы в результате кропотливой и терпеливой разъяснительной работы посевы мака в глухих бирманских уголках значительно сократились. Но контрольные полеты над территорией Шанской национальной области показали, что силу привычки, традиций, тягу к легкому материальному обогащению не так легко преодолеть даже под угрозой строгого наказания. С высоты хорошо просматривались потайные красные полянки в складках холмов и других укромных местах. Солдаты начисто истребляли «дьявольские цветы», а через какое-то время поля опять вспыхивали буйным красным цветением. Стали появляться и как бы «ничейные» плантации вдалеке от поселений. Принуждением

ничего не добились, следовало вновь и вновь настойчиво внушать крестьянам необходимость навсегда отказаться от выращивания опиийного мака и перейти к возделыванию полезных культур, лесоводству или пчеловодству.

В городах Хейхо, Лашо и других открылись специальные центры по обучению крестьян методам возделывания риса, кукурузы, подсолнечника, сои, картофеля, гороха. В некоторых небольших городках были созданы также учебные курсы по выращиванию саженцев кофейного дерева и чая. Вместе с необходимым инвентарем по уходу за растениями и удобрениями саженцы распределялись среди крестьян.

Занятия в учебных центрах теперь проводятся регулярно четыре раза в году по семь дней. В каждом потоке обучается 40—50 учащихся, которые обеспечиваются бесплатным питанием, общежитием. Государство берет на себя также транспортные расходы. Не так давно был введен совершенно новый курс по разведению шелкопряда. Собранные крестьянами коконы охотно приобретает по высоким расценкам фабрика в Мемьо, специализирующаяся на производстве шелка. Дело пришлось по вкусу многим селянам. К 1980 году такие начальные сельскохозяйственные курсы закончили около 9 тысяч крестьян из далеких бирманских окраин. Для облегчения связи с жителями к отсталым районам стали подводить дороги, строительство которых осуществляется за счет фондов специализированных организаций ООН по борьбе с распространением наркотиков. Такие энергичные действия бирманских властей в отдельных районах Шанской национальной области привели к коренным преобразованиям в жизни сельских жителей, крестьян, живших изолированным общинным мирком и никогда не знавших радости настоящего крестьянского труда. Менялись психология людей, отношение к самим себе и к окружающему миру. В рейдах по уничтожению плантаций опиийного мака стала участвовать местная молодежь. Принятые меры в сочетании с постоянной пропагандой привели к позитивным сдвигам. В 1976 году в области было официально зафиксировано 3318 наркоманов-мужчин и 220 женщин. Через год волна наркомании пошла на спад. Из лап «белой смерти» удалось вырвать более 1000 мужчин и почти 150 женщин. В 1978 году борьба за жизнь человека внесла в мрачную статистику новые коррективы: в плену дурных

привычек остались 1422 мужчины и 89 женщин. Правда, это только в свободных от сепаратистов районах и только в одной из 14 областей Бирмы.

Хотя маршруты контрабанды наркотиков проходят по задворкам, по лабиринтам «золотого треугольника», часть смертоносных товаров распыляется по всей Бирме. В стране зарегистрировано более 30 тысяч наркоманов, основная часть которых сосредоточена в Рангуне. Опийный вирус порастил главным образом молодежь, что вызывает особое беспокойство властей. В борьбе с эпидемией используются все средства: от принудительного лечения до широких профилактических кампаний.

Важную и почетную миссию взяли на себя преподаватели и учащиеся средней школы № 2, расположенной в центре бирманской столицы на улице имени Аун Сана. Каждый год в здании школы организуется выставка, цель которой рассказать об опасности употребления и распространения наркотиков. Экспонируемые здесь работы школьников поражают богатством фантазии на эту весьма узкую и далеко не детскую тему.

— Воспитание детей в духе непримиримого отношения к наркотикам у нас ведется с первого класса,— рассказывает преподаватель До Кин Со.— Мы говорим о страшных последствиях наркомании, о том, что это преждевременная духовная и физическая смерть, потому на выставке так много трагических рисунков. Проблема серьезная, и по-серьезному приходится к ней относиться. На подобные городские выставки мы водим абсолютно всех школьников Рангуна. Тылы опийного фронта, где сражаются наши солдаты, должны быть надежными, и мы стараемся обеспечить их надежность,— с гордостью заключила До Кин Со.

И вновь представилась опаленная сопка, где молодые бирманские воины стояли насмерть на пути проникновения в их страну «белой смерти».

КРАСНЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

В разное время года в Рангуне, как и в других бирманских городах, вдруг появляются на центральных площадях, на обочинах дорог, на пустырях, в стороне от жилых кварталов искусные мастера и в ечитанные часы сооружают из досок, фанеры, бамбука нарядные деко-

рированные помосты для эстрадных выступлений, каркасы выставочных павильонов. С той же поспешностью возникают целые улицы лавчонок, нехитрых харчевен. Проходит день-два, и знакомое место не узнать. Грохочет музыка, вспыхивают гирлянды иллюминации, вокруг ярмарочная суета, воздух насыщается ароматом бирманской кухни. Верные признаки наступления празднеств! А конец их легко угадывается по исчезновению всего настроенного и нагроможденного в этих временных центрах народного гулянья.

Бирма отличается обилием праздников-фестивалей, связанных в своей первоначальной основе с буддийской религией или даже добуддийского происхождения, но принятых впоследствии буддизмом с собственным истолкованием их смысла. Теперь многие праздники утратили сугубо религиозную сущность. По крайней мере некоторые из них стали как бы данью народной традиции, светским ритуалом, вспышками культурной жизни, звенья которой и формируют ежемесячные фестивали наряду с другими чисто гражданскими праздниками.

Даты праздников каждый год в основном «скользящие», что обусловлено лунно-солнечным календарем, который действует в Бирме наряду с грегорианским. Традиционный бирманский численник основывается на цикле из 19 солнечных лет. По нему считают 12 лет по 12 лунных месяцев, состоящих из 29—30 дней в каждом, и 7 лет — по 13 лунных месяцев. Дополнительный месяц — второй, вазоу, из 30 дней вставляется в 3, 6, 11, 14, 17 и 19-й годы цикла, а поэтому в бирманском году 354 или 384 дня. Он начинается с середины месяца дагу, примерно падающего на апрель по грегорианскому календарю, и это обстоятельство также влияет на довольно условное соответствие месяцев по двум численникам. Скажем, следующий месяц касхоун — это апрель—май, найоун — май—июнь. За ними идут по порядку вазоу, вагаун, тотэлин, тадинджу, тазаунмоун, натто, пьядо, табаудвэ, табаун.

Каждый месяц подразделяется на период «прибывающей луны» — лазан и «убывающей» — лазоу. Почти все фестивали происходят в день полнолуния (лапьи). Включая другие праздники, субботы и воскресенья, в Бирме бывает (например, в 1985 году) по 118 официальных выходных дней. При этом в бирманский календарь не попали еще фестивали различных пагод, все местные празднества и те четыре праздничных дня в месяц, ког-

да совершаются буддийские религиозные обряды: в день новолуния, восьмой день после новолуния, в полнолуние и восьмой день после него.

Первый красный день бирманского календаря — тинджан, наступление Нового года в полнолуние месяца дагу (примерно в середине апреля). Самые популярные празднества длятся 3—4 дня. Вместе с народами всего мира бирманцы отмечают Первомай, День международной солидарности трудящихся. Вскоре, в полнолуние месяца касхоун (примерно 20 мая), приходит высокопочитаемый буддийский праздник День Будды, в который, как полагают верующие, он родился, стал просветленным и погрузился в нирвану, высшее состояние, позволяющее выйти из круговорота бытия. В это жаркое время года буддисты совершают окропление водой статуй Будды и деревьев бодхи, один из видов баньяна, под сенью которого Будда размышлял и достиг высшей мудрости. Во время фестиваля толпы буддистов устремляются к храмам с сосудами, наполненными водой. В Рангуне у величественного Шуэдагона образуются длинные очереди из жаждущих совершить традиционный священный ритуал.

В найоун наступает сопьятве — день своего рода конкурсных экзаменов для монахов, когда они должны продемонстрировать свои знания буддийских учений. В полнолуние вазоу проходит фестиваль в честь первой проповеди Будды о четырех буддийских истинах в Бенаресе, духовной столице древней Индии. Изображения Будды украшаются цветами, делаются подношения монахам, поступают пожертвования на нужды монастырей. В этот знаменательный день обычно проводится и важное мероприятие в жизни бирманцев — посвящение в монахи и послушники.

Традиционный обычай требует, чтобы каждый юноша провел какое-то время в монастыре и тем самым приобщился «во спасение души» своей и родителей к буддизму. Мне не раз приходилось наблюдать в поездках по Бирме обряд пострижения мальчиков в монастырь — шинпью. Шествие в монастырь длинной процессии во главе с будущим послушником верхом на лошади чем-то напоминает сценку из жизни королевского двора. Напомаженный, в одеянии, расшитом золотыми нитями, под «золотым» зонтом, мальчик и в самом деле выглядит словно принц — горделиво поглядывает по сторонам, важничает, оказавшись в центре всеобщего внимания.

В больших городах путь в монастырь совершают теперь и на современном транспорте, а в остальном ритуал сохранился в том виде, в каком его знали предки.

Накануне совершения обряда в доме виновника торжества для гостей выставляются изысканные угощения, звучит музыка, и затем уже в монастыре под бой барабана и наставления монаха мальчику бреют наголо голову опасной бритвой. Родители собирают и прячут волосы как ценную реликвию. Спустя некоторое время послушник появляется уже в оранжевой тоге, морально подготовленный к предстоящей затворнической жизни. Не так уж важно, сколь долго он пробудет в стенах монастыря (иногда не более недели), главная цель достигнута: пребывание в монастыре очистило душу. Причем бирманцы независимо от занимаемого поста и положения и в зрелом возрасте порой оставляют мирские дела и отправляются на определенный срок в тихую обитель.

Через монашеский аскетизм проходили известные в стране государственные деятели и функционеры правящей партии ПБСП, писатели и журналисты. Хотя Революционный совет, придя к власти, и упразднил действовавшие законы, по которым буддизм провозглашался государственной религией, вероучение пропагандируется на страницах газет в чистом виде или в преломлении к партийной философии по принципу «хороший социалист — хороший буддист». Буддизм пустил глубокие корни в стране, он полностью определяет образ жизни бирманца. В минуты отчаяния, невзгод, заблуждений, в тревоге о ближнем бирманцы привычно уединяются в одном из 20 тысяч действующих в стране монастырей в надежде на то, что по истечении срока все само собой образуется. Туда отправляются порой, чтобы своим пребыванием поправить здоровье престарелых и больных родителей, «обеспечить» себе удачную карьеру, молитвами и строгим обетом пересилить тягу к спиртному или просто найти душевное спокойствие.

В месяце вазоу начинается буддийский пост, во время которого на весь сезон дождей, с середины июля до середины октября, затихают свадебные веселья. Первые почести в пост, естественно, отдаются Будде. Его статуи покрываются яркими, благоухающими цветами. Большая забота проявляется о монахах, так как им в первую очередь предстоит вести при строгом соблюдении всех религиозных канонов довольно продолжительную аскетическую жизнь. Им дарят новые оранжевые тоги,

делают массу других подношений. Почитание монахов впитывается у бирманцев, что называется, с молоком матери наряду с понятием «дхана», что значит «подавать милостыню, дарить». Благотворительность ревностных буддистов поистине щедра, но и рядовые верующие, выполняя свой долг, не скупятся на дары, хотя они часто бывают обременительны для семейного бюджета.

19 июля вся страна чтит память национального героя Аун Сана, его соратников, погибших в 1947 году, борцов за свободную Бирму. В День мучеников, или Павших героев, многие рангунцы обязательно посещают памятный мемориал, построенный вблизи Шуэдагона.

В месяц вагаун недалеко от Мандалая проходит фестиваль поклонения натам. Такого же местного значения — фестиваль в честь храма Паундоу — можно наблюдать в следующем месяце (тотэлин) на озере Инле. Во время муссонных ливней взбухают озера и реки, и наступает самая удобная пора для развлечений и спортивных соревнований на воде.

Окончание буддийского поста и сезонных дождей венчает в полнолуние седьмого месяца бирманского календаря фестиваль тадинджу, или праздник огней, отражающий эпизод из легендарной жизни Будды. По преданиям, Будда после завершения проповедей своего учения в обители богов спустился на землю, и духи освещали ему путь. В память об этом событии бирманцы зажигают светильники перед каждым изображением Будды, устанавливают свечи и фонари у своих домов. Три дня праздничная иллюминация украшает пагоды, монастыри, здания государственных учреждений. Повсюду разливается море света, в ночном небе распускаются букеты фейерверка. Особенно красочным выглядит в эти дни в Рангуне ресторан на озере «Каравейк», сооруженный из бетона в виде мифической птицы. В монастыри поступают цветы, свечи, сладости и прочие подарки. Приходит долгожданное для молодых людей время свадеб.

Отголосок поклонения в древности звездам носит праздник света тазаундайн, или тазаунмоун, начинающийся в полнолуние восьмого месяца по бирманскому календарю. Вновь вспыхивают мириады огней, рассыпаются фейерверки, звучит музыка, люди пляшут в масках животных. На целую ночь затеваются соревнования молодых ткачих по изготовлению добротной тоги для изображений Будды и монахов. В этом же месяце,

19 ноября, широко отмечается День национальной солидарности в память о первом студенческом бойкоте в 1920 году колониальной системы образования, что в значительной мере повлияло на пробуждение национального самосознания бирманцев и решимость активизировать борьбу с английскими колонизаторами.

В прохладный месяц натто проходит ряд фестивалей натов, а в следующем — пьяде, условно совпадающем с январем, кое-где еще устраивается теряющий свою былую значимость фестиваль, во время которого в прошлом проводились королевские скачки. Всенародным праздником стал День независимости 4 января, когда население страны просыпается в 4.30 утра от звона колоколов и гудков пароходов, напоминающих о том, что именно в этот день и час Бирма приобрела (в 1948 году) свою свободу. Грандиозные торжества начинаются с военного парада, выступлений спортсменов. В столицу съезжаются лучшие танцевально-музыкальные группы, самодеятельные артисты. На ипподроме Чайкасан устраиваются народные гулянья. Рубинами, сапфирами и изумрудами загораются электрические лампочки на деревьях, развешанные накануне и в честь другого важного праздника — дня принятия Конституции новой Бирмы 3 января 1974 года.

Почти весь месяц табоудве (январь—февраль) проходит в приготовлениях в домах бирманцев национального блюда из клейкого риса, арахиса, измельченного имбиря, кокосового ореха и кунжутного масла, которым угощают монахов, родственников, соседей, друзей и знакомых. Дело в том, что в полнолуние наступает фестиваль урожая, венчающий завершение сбора риса в стране. Фестиваль как бы воздает почести всем сельским труженикам многонациональной Бирмы. Представители семьи братских народов съезжаются в Рангун 12 февраля на празднества по случаю Дня Союза. 12 февраля 1947 года делегаты от различных районов Бирмы собрались в Панлоне и приняли на конференции историческое решение об образовании единого государства (Бирманский Союз). В ознаменование очередной годовщины Панлонской конференции в путь по стране отправляется национальный флаг республики. Небольшое красное полотнище с синим квадратом в уголке, хранящееся в рангунском муниципалитете, выносят в столичный парк Независимости, откуда и начинается его праздничная эстафета. Флаг возвращается в Рангун именно 12 фев-

раля, после того как его пронесут в колоннах манифестаций по всем национальным областям и округам страны как символ единства и братства всех населяющих Бирму народов.

К знаменательному дню в Рангуне вырастают на просторном поле Чайкасан выставочные павильоны, в которых демонстрируются достижения народного хозяйства национальных областей и округов. Год от года крепнет экономика страны, и трудящимся есть чем гордиться. Здесь же, на территории Чайкасана, ведется бойкая торговля товарами ширпотреба, ассортимент которых постоянно расширяется. В специально отстроенном «летнем театре» проводятся музыкальные представления, а улицы Рангуна превращаются в сплошную открытую эстраду.

Последний месяц бирманского года — табаун, обычно падающий на март—апрель, завершает прохладный сухой сезон. В полнолуние начинаются буддийские церемонии, совершается привычное одаривание монахов. Обычно в это время закладывается фундамент новых пагод, проходят фестивали местных храмов с шумными базарами и выступлениями народных затейников. Но основные празднества приходятся на 2 марта — День крестьянина. Ведь в аграрной Бирме крестьяне составляют 70 процентов населения, и от них во многом зависят благосостояние страны, ее успехи в продвижении по избранному пути социально-экономических преобразований.

27 марта, в День армии, или День сопротивления, народы Бирмы чествуют свои вооруженные силы. В марте 1945 года бирманская национальная армия выступила против японских оккупантов и в результате решительных боевых действий изгнала их из своей страны. У истоков зарождения народной армии стоял ее полководец генерал Аун Сан. Бронзовый памятник в столичном парке имени Борцов сопротивления увековечил историческое мгновение из жизни популярного героя. Его фигура застыла, словно перед тем строем бойцов, которых он провожал отсюда в суровом для бирманцев 1945 году в бой против японских поработителей. И сейчас, как в те далекие времена, он «напутствует» молодых солдат, уходящих с этого же места в районы военных действий с разноликими сепаратистами, пытающимися подорвать территориальную целостность республики.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Солдат армии Маха Бандулы	7
Дорогами дружбы	10
Вниз по Иравади	18
Город, открытый солнцу	39
Музей... до горизонта	50
Вид с Мандалайского холма	64
Город рубинового призрака	73
Новь Кокосовых островов	90
Путешествие в «золотую страну»	93
Оазис свежести	97
В семье единой	101
Дым очага над озером Инле	110
Вечные странники	119
Где рождаются циклоны	126
Пао — укротители огня	138
Входи и будь гостем	140
Секрет красоты	143
Тинджан — время перемен	146
В мире музыки и танца	152
Властелин леса — на службу человеку	161
Соседство поневоле	167
Зло «золотого треугольника»	173
Красный день календаря	181

Артамонов А. А.

А 86 Там, где цветет ситхмой. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

188 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Автор книги — журналист-международник — рассказывает на основе личных встреч, впечатлений и материалов бирманской прессы о жизни, культуре, традициях и обычаях народов сегодняшней Бирмы. Очерки о людях, городах Еирмы, ее исторических памятниках содержат малоизвестные сведения, интересные для советского читателя.

А 1905020000-053 — 63-86
013(02)-86

ББКл8

...Ежегодно 12 февраля, в день Союза, день объединения всех бирманских народов, их представители съезжаются в Рангун, чтобы продемонстрировать свои достижения как в труде, так и в области национальной культуры.